

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

XXIII СЛАВИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА П. А. ДМИТРИЕВА
И ПРОФЕССОРА Г. И. САФРОНОВА

11.09.2024–14.09.2024, Санкт-Петербург

Сборник тезисов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2024

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ

Сопредседатель — Раина Ольга Викторовна, доц., канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой славянской филологии СПбГУ;

Сопредседатель — Марков Сергей Леонидович, Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга, первый заместитель председателя комитета;

Сопредседатель — Мудрак Маргарита Федоровна, председатель правления Ассоциации международного сотрудничества Санкт-Петербурга;

Заместитель председателя — Котова Марина Юрьевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии СПбГУ.

Члены программного комитета:

Беседина Елена Анатольевна — канд. ист. наук, доцент, Кафедра истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах, Институт истории СПбГУ;

Васильева Ольга Вадимовна — канд. филол. наук, заведующая отраслевым отделом Научной Библиотеки им. М. Горького ГУЭМБИ СПбГУ;

Карпенко Людмила Борисовна — д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва (г. Самара);

Керкез Драгана — канд. филол. наук, старший преподаватель, Белградский университет, филологический факультет, кафедра славистики (г. Белград, Сербия);

Маслова Алина Юрьевна — д-р филол. наук, доцент, проректор по учебной работе Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, профессор кафедры русского языка (г. Саранск);

Мокиенко Валерий Михайлович — д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии СПбГУ.

Редакторы: Гусева Ольга Валерьевна, канд. филол. наук, доцент СПбГУ; Котова Марина Юрьевна, д-р филол. наук, профессор СПбГУ

(1,66 Мб) XXIII славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова, 11.09.2024–14.09.2024, Санкт-Петербург: сборник тезисов.

Сборник содержит тезисы докладов «XXIII Славистических чтений памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова», состоявшихся 11–14 сентября 2024 г. в Санкт-Петербургском государственном университете. В сборнике представлены результаты теоретических и прикладных исследований по самому широкому кругу актуальных проблем славяноведения, разделенных по четырем направлениям «Русский язык в Славии», «Межкультурные контакты славянского мира», «Актуальные проблемы изучения истории славяноведения» и «Славянская филология сегодня: лингвистика, литературоведение, методика преподавания». Сборник будет интересен славистам широкого профиля: филологам, лингвистам, литературоведам, культурологам, переводчикам, педагогам, историкам, а также студентам и аспирантам филологических специальностей. Языки тезисов: русский, английский, славянские.

Подписано к использованию 10.09.2024

Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11.

Тел./факс +7(812) 328-44-22

E-mail: publishing@spbu.ru publishing.spbu.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Васильева Ольга Вадимовна

История славистики в Санкт-Петербургском университете: электронные источники данных на портале СПбГУ 9

Шешкен Алла Геннадьевна

Славянские и русская литературы в свете компаративистики. Опыт преподавания... 11

РУССКИЙ ЯЗЫК В СЛАВИИ

Вяльсова Анна Павловна

Оборот «дательный самостоятельный» в славянском переводе «Пчелы» и современный деепричастный оборот в функции оформления речи 13

Иванов Евгений Евгеньевич

Теория и практика русско-иностранной паремиографии (большие переводные русско-белорусский и белорусско-русский словари пословиц) 15

Иванова Елена Юрьевна

Оценочная глагольная лексика: грамматические ограничения и проблемы перевода 17

Кабанова Светлана Александровна

«Язык тела» в изображении эмоционального состояния радости в русском и сербском языках. 19

Карпейовски Бобан, Ниами Эмил

Показните заменки во рускиот и во македонскиот јазик како експоненти на категоријата определеност. 21

Карпенко Людмила Борисовна

О системных расхождениях при переводе с русского языка на болгарский 23

Килина Лилия Фаатовна

Особенности функционирования русских и польских прилагательных, образованных от существительных *čelověkъ и *l'udъ/*l'udь 25

Котова Марина Юрьевна

Именная вариантность активно употребительных русских пословиц на фоне их актуальных словацких пословичных параллелей 27

<i>Кустова Галина Ивановна, Иванова Елена Юрьевна</i>	
Русско-болгарские посессивные модели и их трансформация	29
<i>Маслова Алина Юрьевна, Пальчёнкова Екатерина Дмитриевна</i>	
Семантическая характеристика фразеологизмов с компонентом-метеонимом в сопоставительном аспекте (на материале русского и сербского языков)	31
<i>Мокиенко Валерий Михайлович</i>	
Библейское крылатое слово в Славии	33
<i>Никитенко Татьяна Васильевна</i>	
Влияние урбанизации на аксиологическую динамику слова (на примере фрагмента тезауруса, обозначающего неупорядоченную группу людей)	35
<i>Пономарева Мария Андреевна</i>	
Отрицательный трансфер в русской речи носителей чешского языка (на материале устных и письменных ответов ТРКИ)	37
<i>Попов Сергей Александрович</i>	
Следы украинского языка в исчезнувших ойконимах России	39
<i>Раина Ольга Викторовна, Петрова Анфиса Владимировна</i>	
К вопросу о переводе на польский язык рассказа А. П. Чехова «Каштанка»	41
<i>Сергиенко Олеся Сергеевна</i>	
Вариантность русских пословиц паремиологического минимума с компонентом «собака» и их чешские пословичные параллели	43
<i>Столярова Екатерина Сергеевна, Новакова Кристина</i>	
Пословицы из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (на фоне словацкого и английского переводов)	45
<i>Францева Алеся Игоревна</i>	
Русская и чешская языковые картины мира на материале сопоставления компонента башня (колокольня, каланча, звонница, туры) / věž в русской и чешской паремиологии и фразеологии	47

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ СЛАВЯНСКОГО МИРА

<i>Бабанов Андрей Владимирович</i>	
«Машина времени» в славянских литературах 20-х — 30-х гг. XX века (А. Слонимский, В. В. Маяковский, М. А. Булгаков)	49
<i>Бразговская Елена Евгеньевна</i>	
О совершенстве несовершенных языков (по страницам текстов славяноязычных авторов)	51

<i>Велев Георги</i>	
Болгары на страницах журнала «Туран»	53
<i>Голант Наталия Геннадьевна</i>	
Заметки об экспедиции к банатским болгарам (с. Иваново общины Панчево, Сербия)	55
<i>Гусева Ольга Валерьевна</i>	
Стратегии переводчиков в переводе драм Станислава Пшибышевского на русский язык	57
<i>Гучкова Ирина Вадимовна</i>	
Устойчивые выражения в проповедях Г. Ст. Венцловича на сербском народном языке (XVIII в.), восходящих к барочной гомилетике	59
<i>Ершова Надежда Борисовна</i>	
Пьесы А. Н. Островского на английской сцене	61
<i>Зимони-Калинина Ирина Евгеньевна, Ивани Бенце</i>	
О рецепции произведений русских авторов в театрах современной Венгрии	63
<i>Индыченко Артем Андреевич</i>	
Этноботаническая информация о России в трудах основоположника чешской научной терминологии Я. С. Пресла (1790–1849) и ее источники	65
<i>Котова Марина Юрьевна, Русан Алиса Владимировна</i>	
Иноязычные вкрапления в транснациональном романе: переключение кодов или способ самовыражения автора?	67
<i>Куимов Иван Ильич, Гусева Ольга Валерьевна</i>	
Варшавский текст в современной польской музыке	69
<i>Мичич Галина-Мария</i>	
Рецепција приче „Спавај“ В. Пељевина међу студентима филолошког факултета универзитета у Бањој Луци	71
<i>Остапчук Оксана Александровна</i>	
Деепричастия несовершенного вида в пространстве переводного текста (на материале русского, польского и украинского языков)	73
<i>Сергиенко Олеся Сергеевна, Ушакова Валерия Владимировна</i>	
Передача реалий «Собачьего сердца» М. А. Булгакова в чешских переводах и восприятие повести в Чехии.	75
<i>Старикова Надежда Николаевна</i>	
«...я писал стихи, чтобы выжить, и выжил лишь потому, что писал стихи»: феномен Йосипа Ости	77

<i>Старкова Вероника Викторовна</i>	
Раннее творчество И. Цанкара и русский критический реализм.	79
<i>Тоичкина Александра Витальевна</i>	
Значение А. С. Пушкина для творчества П. А. Кулиша	81
<i>Хмелевский Михаил Сергеевич, Савченко Александр Викторович, Кузнецова Ирина Владимировна</i>	
Славянские микроэтносы в современной Воеводине: этнолингвокультурологический аспект	83
<i>Широкова Александра Александровна</i>	
Флоронимы-композицы в современном литературном русском языке (на фоне флоронимов польского, украинского и белорусского языков)	85
<i>Юрова Алина Владимировна</i>	
Возможности перевода фразеологизмов с польского на русский язык (на материале польских народных сказок из собрания О. Кольберга)	87
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ	
<i>Аржакова Лариса Михайловна</i>	
Русско-польские научные контакты XIX столетия.	89
<i>Бершадская Марианна Леонидовна, Бабанов Андрей Владимирович</i>	
К 100-летию со дня рождения Германа Ивановича Сафронова	91
<i>Беседина Елена Анатольевна, Буркова Татьяна Вадимовна</i>	
Визуализация исторической памяти: поляки в России.	93
<i>Голубятникова Неонилла Дмитриевна</i>	
Памятные места академика В. И. Ламанского в Санкт-Петербурге.	95
<i>Делева Надежда Петкова</i>	
Профессор Мирослав Янакиев — Учителют.	97
<i>Корзинина Анастасия Анатольевна</i>	
Вклад Г. И. Сафронова в развитие изучения славянских литературных взаимосвязей. Слово к молодому поколению славистов-литературоведов к 100-летию ученого	99
<i>Лунькова Наталья Александровна</i>	
О восприятии Ф. М. Достоевским национально-освободительной борьбы на Балканах: некоторые аспекты детской темы в «Дневнике писателя».	101

Димитар Пандев

Дејноста на Крсте Петков Мисирков и Македонското научнолитературно другарство на фонот на руската императорска наука и публицистика 103

Пескова Анна Юрьевна

Переломные моменты словацкой истории в зеркале современной драматургии и театра 105

Simon David Edmonds, Kristína Nováková

Slovaks in the Medieval Kingdom of Hungary: Disputes and Developments 107

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: ЛИНГВИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Георгиева Стефка Иванова

Глобальный мир и специфика функционирования фразеологии в болгарских СМИ... 109

Драгана Керкез

Контрукција за + инфинитив у српском..... 111

Кирилова Йоанна Христова

СКРОМНОСТТА — ценност или антиценност за съвременния българин 113

Колосова Елена Ивановна

Устойчивые сочетания с глаголом *mieć* в польском молодежном сленге 115

Кондратенко Михаил Михайлович

Особенности манифестации дополнительных сем в славянских народных обозначениях времени..... 117

Кустова Галина Ивановна

Личные субстантиваты в тексте: синтаксические и семантические механизмы компрессии 119

Мосинец Анастасия Геннадьевна

Фразеологизированные конструкции обусловленности с целевыми союзами в болгарском языке 121

Мосинец Анастасия Геннадьевна, Киселева Арина Сергеевна

Перевод названий англоязычных мультипликационных фильмов на болгарский язык 123

Муцинская Виктория Владиславовна

Роль «Словаря украинского языка» под редакцией Б. Гринченко в кодификации украинского языка 125

Ничипорчик Елена Владимировна

Структура тематического объединения «Бог. Вера Бязвер'е» в электронном словаре белорусских паремий 127

Охрименко Евгения Сергеевна

Отражение поэтики пьесы Е. Шварца «Дракон» в особенностях киноповествования фильма М. Захарова «Убить дракона» 129

Серегина Елена Евгеньевна

Бразда vs бразда: история слов и их функционирование в русском литературном языке и в церковнославянских текстах 131

Сивенкова Наталья Владимировна

Лингвострановедческие нюансы интерпретации некоторых болгарских фразеологизмов и паремий 133

Сивенкова Наталья Владимировна, Абрамкина Александра Сергеевна

Лингвокультурологические особенности фразеологизмов с компонентом-антропонимом (на материале русского, болгарского, польского, английского и французского языков) 135

Шкапенко Татьяна Михайловна, Шаповаленко Евгений Владимирович

Особенности лексической экспликации уважения в польском языке 137

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ «ПРЕПОДАВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В УНИВЕРСИТЕТАХ»

Мокиенко Валерий Михайлович, Мущинская Виктория Владиславовна, Тоичкина Александра Витальевна

Украинистика на кафедре славянской филологии СПбГУ 139

Тимонина Елена Васильевна

Готовим болгаристов-исследователей 141

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ИСТОРИЯ СЛАВИСТИКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ НА ПОРТАЛЕ СПБГУ

Васильева Ольга Вадимовна

*кандидат филологических наук, заведующий Отраслевым отделом по направлению «филология»
Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета,
o.vasileva@spbu.ru*

Ключевые слова: история славистики; славяноведческие дисциплины; Санкт-Петербургский университет.

История славистики в Санкт-Петербургском университете начинается в 1835 году, когда на основании нового университетского устава в четырех университетах были созданы кафедры по истории и литературе славянских наречий. Каждый студент-первокурсник начинает изучение истории славяноведения с рассказа о подготовке четырех будущих руководителей вновь создаваемых кафедр: О. М. Бодянского, В. И. Григоровича, П. И. Прейса и И. И. Срезневского. Для получения информации по персоналиям с 1819 по 1917 годы прекрасным подспорьем станет электронный ресурс «Словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917)». Ресурс был создан и продолжает редактироваться группой сотрудников Института истории СПбГУ, ответственный редактор проф. Е. А. Ростовцев. В настоящее время словарь включает 925 персоналий. Каждая словарная статья включает биографические данные (даты жизни, место рождения и смерти, образование), затем указаны годы работы в Санкт-Петербургском университете, этапы карьеры (должность, факультет), основные вехи жизненного пути, область научных интересов и вклад в науку, защищенные диссертации, основные курсы, прочитанные в университете, библиография и биобиблиография, перечень архивных материалов.

Продолжается подготовка второго биографического словаря «Преподавательский корпус Петроградского-Ленинградского университета, 1914–1934 гг.» В настоящее время в словарь внесено 1764 статьи. Мы находим сведения о К. А. Пушкиревиче, М. Г. Долобко, и конечно, о Н. С. Державине. Работа над словарем продолжается, в нем еще много лакун, нет, например, сведений о В. Г. Чернобаеве, поэтому, возможно, кто-то из молодых славистов восполнит этот пробел.

Для истории университетской славистики важно установить и состав читаемых дисциплин. Помимо биографических словарей, где, как мы видели, есть перечни курсов, эту информацию можно получить из Обзоров или Объявлений преподавания наук. На электронном ресурсе «История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве (культурное наследие, музейные коллекции, биографика)» представлены сканированные Обзрения, начиная с 1833/1834 учебного года. Обзрения содержат не только перечни преподаваемых дисциплин, но и списки рекомендуемой литературы. Так, например, можно узнать, что в 1912/1913 учебном году приват-доцент Н. С. Державин в осеннем полугодии вел практические занятия по болгарскому языку и литературе для начинающих 3 часа в неделю, на занятиях читали роман Ивана Вазова «Под игото», также студентам было рекомендован учебник В. Н. Щепкина «Учебник болгарского языка» (М., 1909).

Неоценимым источником информации являются и Годичные акты (Отчеты) университета. В них в числе прочих сведений находим информацию о научных работах студентов. Так, в отчете за 1886 год читаем: «Студент Чехов изложил под руководством приват-доцента Сырку, болгарскую

литературу XVII–XVIII вв. по чтениям преподавателя; этот труд будет напечатан под редакцией г. Сырку в Воронежских «Филологических записках».

Большой интерес представляет еще один ресурс открытого доступа — сканированная газета «Ленинградский университет»; представлены сохранившиеся номера с 1927 по 1995 год. Сканирование было выполнено в Президентской библиотеке им. Б. Н. Ельцина, газета доступна для чтения в читальных залах Президентской библиотеки и на сайте СПбГУ. В качестве примера рассмотрим номера за 1944 год. Как известно, в 1944 году в четырех университетах Советского Союза, в том числе, в Ленинградском университете, были созданы специализированные славянские отделения, получившие задачу подготовки специалистов в области практического изучения зарубежных славянских языков. Сотрудниками кафедры стали Н. С. Державин, Э. А. Якубинская-Лемберг, К. А. Копержинский, Б. А. Ларин, Ю. С. Маслов. В это же время в Ленинградский университет пришло новое поколение славистов: П. А. Дмитриев, Г. И. Сафронов, В. Д. Андреев, Г. А. Лилич. Осень 1944 года — знаменательное время в истории Ленинградского университета, это первый учебный год после возвращения из эвакуации, год возрождения. С конца августа до 25 сентября шла экзаменационная сессия за второе полугодие 1943/1944 учебного года, а новый 1944/1945 учебный год начался 2 октября. Основные темы газетных статей и заметок — ремонт здания (кстати, силами самих преподавателей и студентов), подготовка к юбилейной научной сессии, учеба. На страницах газеты встречаются фамилии не только преподавателей, но и студентов, например, в номере за 19 октября 1944 года встречается фамилия Шилина, она упомянута среди других «прекрасных студентов, успешно совмещающих серьезную учебу с большой восстановительной работой».

Литература

Архив «ЛУ» — Архив газеты «Ленинградский университет» с 1927 по 1995 годы: электронный ресурс. — Доступ: свободный. URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/19898>

История СПУ — История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве (культурное наследие, музейные коллекции, биографика): электронный ресурс. — Доступ: свободный. URL: <https://history.museums.spbu.ru/pечатnyj/serii/obozreniya-prepodavaniya-ob-yavleniya/list/1.html?cid=1&resetfilters=0&clearordering=0&clearfilters=0&limitstart1=70>

СПП СПбГУ — Словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917): электронный ресурс. — Доступ: свободный. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/university.html>

ПК — Преподавательский корпус Петроградского-Ленинградского университета, 1914–1934 гг.: электронный ресурс. — Доступ: свободный. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/univers14-34.html>

СЛАВЯНСКИЕ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРЫ В СВЕТЕ КОМПАРАТИВИСТИКИ. ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ

Шешкен Алла Геннадьевна

профессор кафедры славянской филологии филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Ключевые слова: компаративистика; влияние; типологическое сходство; славянские литературы; русская литература.

Курс «Славянские и русская литературы в свете компаративистики» читается на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова около двадцати лет для магистрантов кафедры славянской филологии и русского отделения (специализация по сравнительному литературоведению). Практика показала необходимость разных подходов к его содержанию. Магистрантам славянского отделения необходимы лекции по теории, принципах и методологии, терминологии сравнительного литературоведения, в том числе знакомство с трудами основоположника академической школы российского сравнительно-исторического литературоведения А. Веселовского и его последователей (В. М. Жирмунский, Д. Дюришин и др.). Магистрантам русского отделения, поступившим на программу по сравнительному литературоведению, этот материал знаком, но имеются большие пробелы по истории, культуре и литературе славянских народов. Кроме того, студенты русского отделения могут работать только с переводными текстами. Это приходится учитывать при чтении конкретных лекций о взаимовлиянии русских и славянских писателей и явлений типологического сходства. Больше внимания уделяется характеристике эпохи, биографиям и творческому пути славянских писателей, их отношению к русской литературе. Объем курса составляет 36 часов, что заставляет сосредоточиться на наиболее ярких примерах, авторах и произведениях, составляющих классический фонд национальных литератур. Значительная часть курса отведена теме «Пушкин и славянские литературы». На примере творческого диалога-спора Пушкина и Мицкевича (лирика поэтов, сопоставление «Медного всадника» и «Дзядов») демонстрируется как взаимное влияние поэтов, которые были лично знакомы, высоко ценили талант друг друга, прошли похожую творческую эволюцию, так и принципиальное расхождение в оценке русской истории. Мотивы, связанные с Медным всадником, и оценка исторической роли Петра I присутствует у Т. Г. Шевченко (поэма «Сон»). Поклонник гения Пушкина, его младший современник великий черногорский и сербский поэт П. П. Негош обратился к мотиву самозванства. Историческая драма «Самозванец Щепан Малый» традиционно сопоставляется с трагедией «Борис Годунов» Пушкина. Этот ряд может быть дополнен «Капитанской дочкой», если обратить внимание студентов на ряд особенностей образов самозванцев у Негоша и Пушкина. Анализ лирики и поэмы «Вероника» классика белорусской литературы Максима Богдановича дает возможность показать важность пушкинской традиции для формирования этой национальной литературы и одновременно раскрыть некоторые «загадки» творческой судьбы поэмы. Широкое присутствие творчества Н. В. Гоголя в славянских литературах, популярность его «Тараса Бульбы» и затем «Ревизора» освещается при примере драматургии великого сербского писателя Б. Нушича, давшего подзаголовок своей комедии «Подозрительная личность» «гоголиада в двух действиях». Данный пример дает возможность продемонстрировать проблему влияния, когда сознательное подражание известному образцу показало высокий творческий результат. По-разному интерпретировался в славянских и русской литературах образ Наполеона и сама эпоха наполеоновских войн. При пояснении исторических причин, лежащих в основе такого отношения, сопоставляется миф о Наполеоне в русской и польской культурной и литературной традиции (А. Мицкевич, Б. Прус и др.). Близость исторических судеб славянских народов в XX в., революции и гражданские конфликты внутри нации обусловили большой интерес к роману-эпопее М. Шолохова «Тихий Дон», появление в произведениях славянских писателей образа убежденного участника революции, который может рассматриваться как литературный родственник Павлика Корчагина. При этом

в сербской литературе появился герой, близкий ему по мировоззрению, но с художественной точки зрения полемически ему противопоставленный. Это герой романа «Песня» О. Давичо. Большие возможности для типологического сопоставления дает мотив материнской жертвы, восходящий через роман М. Горького «Мать» к образу Богородицы. Кроме того, традиции средневековой литературы лежат в основе образа героя эпохи (это касается и образа героя-партизана), способного выдержать пытки, но не отказаться от своих убеждений. Одним из самых популярных писателей XX в. в славянских странах стал М. Булгаков. Вызывает интерес предложение провести сопоставительный анализ мифа о катастрофе в «Роковых яйцах» и «Войне с саламандрами» К. Чапека. Студентам предлагается ознакомиться с трудами С. В. Никольского о Чапеке. Есть возможность посмотреть первую кинематографическую версию «Мастера и Маргариты» сербского режиссера Александра Петровича. При анализе романа «Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека подчеркивается его широкая популярность в нашей стране, чему способствовал блестящий перевод П. Богатырева. Большие возможности для преподавания этого курса содержит сопоставление произведений русских и зарубежных славянских авторов, имеющих фольклорную основу, в частности, обращение к мотиву борьбы со змеем. Этот мотив лежит в ряде драм болгарских, македонских и русских писателей, присутствует в романах «Дракон возвращается» словацкого автора Д. Хробака и «Невеста змея» македонского писателя В. Урошевича. С точки зрения нового подхода к проблемам компаративистики освещаются работы В. А. Хорева «Поляки и русские в глазах друг друга». Считаю важным также обратить внимание на научное наследие выдающихся отечественных ученых-компаративистов И. Н. Голенищева-Кутузова и Н. И. Кравцова, и в целом роль кафедр славянской филологии Московского и Санкт-Петербургского университетов в подготовке кадров, которые сыграли основную роль в переводе и популяризации славянских литератур в России.

ОБОРОТ «ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ» В СЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ «ПЧЕЛЫ» И СОВРЕМЕННЫЙ ДЕЕПРИЧАСТНЫЙ ОБОРОТ В ФУНКЦИИ ОФОРМЛЕНИЯ РЕЧИ

Вяльсова Анна Павловна

доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ)

Ключевые слова: «дательный самостоятельный»; деепричастный оборот; глаголы речи.

Оборот «дательный самостоятельный» — конструкция, которая получила всестороннее освещение в научной литературе. В основном круг исследований данной конструкции сводится к трем вопросам: семантика конструкции, согласование с субъектом действия, выраженного глаголом, функции «дательного самостоятельного» в тексте. По справедливому замечанию В. М. Живова, «...дательный самостоятельный нужен для иерархизации предикативных единиц, для того, чтобы указать, что одна из них обозначает не основное действие, а фоновое или прежде упомянутое действие или состояние... Этот фон может быть временным... локальным или причинным [Живов 2017: 338]. Указанная семантика дательного самостоятельного характерна для нарративных текстов.

В текстах ненарративных, таких, как древнерусский перевод «Пчелы», дательный самостоятельный может употребляться в разных текстовых функциях. При этом конструкции с обозначением времени, места, условия совершения действия не отличаются от подобных конструкций в нарративных текстах, но особый интерес представляют конструкции, которые не встраиваются в линию сюжетного времени, а выполняет другую функцию. Поскольку «Пчела» — сборник изречений и афоризмов, в фокусе внимания писца оказывается не главное и второстепенное события, а вопросно-ответное единство или диалог, в котором ответ или ответная реплика являются целью повествования, а вопрос или реплика, вводящая тему беседы, оказываются менее значимыми и оформляются дательным самостоятельным. Например, *Лаконъ, немощенъ сы тълонъ, на рать иде. Онъмъ же въпрашающимъ и камо, такъ сы, идеши; он же рече за отечество хощоу оумрети* [Пчела 2008: 44]. Примеры такого типа интересны тем, что Дательный падеж можно интерпретировать и как абсолютный, и как Дательный адресата (сказал спрашивающим), однако корреляция с конструкцией *Genetivus absolutus* в оригинальном древнегреческом тексте снимает эту двусмысленность.

Вторым важным свойством конструкции «дательный самостоятельный» с причастием, образованным от глагола речи, является препозиция по отношению к основному глаголу, что соответствует в целом подобным конструкциям с семантикой времени: речевая ситуация так же строится по принципу последовательности во времени речевых действий, что отражается в последовательности глагольных форм. Вероятно, препозиция также позволяет разграничить абсолютный Дательный и Дательный адресата. Абсолютная конструкция с Дательным падежом предполагает наличие двух субъектов, один из которых рассматривается как главный и, как правило, сопровождается финитной формой предиката, в случае же с Дательным адресата синтаксическая роль имени понижается до объекта. Таксисные отношения между зависимой конструкцией и основным предикатом трудно описывать в рамках семантики времени: с точки зрения линейного разворачивания диалога реплика, вводимая конструкцией, предшествует ответной реплике, но в целом ситуацию можно представить и как одновременную, что подчеркивается формой причастия настоящего времени.

Функционально с конструкцией «дательный самостоятельный» в современном русском языке сближается деепричастная конструкция с *говоря*, вводящая предмет речи. Ее следует отличать от модальных словосочетаний с *говоря*, близких по смыслу вводным словам и средствам авторизации [Шигуров, Шигурова 2014: 250–251]. Данная конструкция интересна тем, что, в отличие от дательного самостоятельного, в ней поддерживается односубъектность и монологичность сообщения: один субъект совершает оба действия, но эти действия нельзя расположить на оси времени, поэтому таксисные отношения деепричастия и основного предиката квалифицируются как интерпретативные [ТФГ 2001: 266]. Два глагола составляют одну предикативную ситуацию, которая представлена как две стороны одного процесса. Например, *Говоря однажды о Толстом, он писал Валуеву, что Толстой набрасывает на жизнь широкую сеть и в нее захватывает разнообразные явления и множество лиц* [А. Ф. Кони]. Деепричастие *говоря* вводит тему сообщения, а глагол-сказуемое обозначает форму сообщения.

Если в конструкции с дательным самостоятельным второстепенным, с точки зрения рассказчика, является вопрос, то в современной конструкции ослабляется роль деепричастия. И реплику-вопрос дательного самостоятельного, и деепричастную конструкцию можно опустить, поскольку содержательно они вторичны, однако они участвуют в построении текста. Если вопрос перед дательным самостоятельным связывает реплики, предыдущую с последующей, то современный оборот с *говоря* выступает и как средство связи с предыдущим текстом, и как средство, помогающее вводить и называть новую тему.

Итак, рассматривая ненарративные тексты, можно убедиться в том, что функция дательного самостоятельного не сводилась только к обозначению времени и значениям обусловленности, это было прагматическое средство связности текста и фокусирования внимания читателя на основной идее произведения, при этом данная функция сохранилась и в современных конструкциях.

Литература

- Живов В. М. История языка русской письменности: В 2 т. Том I. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 816 с.
- «Пчела»: Древнерусский перевод. Том I / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова; Отв. ред. А. М. Молдован; Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 888 с.
- ТФГ — Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / [Ред. А. В. Бондарко (отв. ред.) и др.]. 2. изд., стер. М.: УРСС, 2001. 347 с.
- Шигуров В. В., Шигурова Т. А. Деепричастия в их отношении к модалитации в русском языке // *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты*. 2014. № 13. С. 247–255.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РУССКО-ИНОЯЗЫЧНОЙ ПАРЕМИОГРАФИИ (БОЛЬШИЕ ПЕРЕВОДНЫЕ РУССКО-БЕЛОРУССКИЙ И БЕЛОРУССКО-РУССКИЙ СЛОВАРИ ПОСЛОВИЦ)

Иванов Евгений Евгеньевич

профессор, Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова (Республика Беларусь)

Ключевые слова: белорусский язык; русский язык; пословица; переводной словарь.

На сегодняшний день существует всего три переводных русско-белорусских словаря пословиц [Санько 1994; Иванов 2001; Иванов, Мокиенко 2007], в которых в совокупности отражены белорусские соответствия около 800 русских пословиц (в том числе свыше 500 единиц, входящих в паремиологический минимум русского языка). Небольшое количество русских пословиц и не всегда полный подбор их белорусских параллелей уже не могут удовлетворить насущные потребности языковой практики и лингвистических изысканий.

Актуальным поэтому является создание большого русско-белорусского переводного словаря пословиц, где было бы отражено не менее 2000 русских пословиц, которые употребляются в текстах русской художественной и публицистической литературы на протяжении последних 200 лет (с начала XIX века по сегодняшний день). Не менее актуальным является создание и белорусско-русского словаря пословиц такого же объема — не менее 2000 белорусских пословиц, употребляемых в литературных текстах на протяжении последних 150 лет (с середины XIX века по сегодняшний день).

Указанный объем единиц входного языка в переводных словарях пословиц, с одной стороны, обусловлен их типом «большого словаря», который должен быть максимально репрезентативным в плане отражения пословичного фонда языка, а с другой стороны, ограничен их жанром «переводного словаря», который должен включать наиболее известные и распространенные пословицы. В этой связи в состав входного языка должны входить четыре категории единиц: во-первых, пословичный минимум (минимальное количество наиболее известных и употребительных единиц в современный период, с конца XX века по настоящий день); во-вторых, основной пословичный фонд (минимальное количество наиболее известных и употребительных единиц за последние три-четыре столетия); в-третьих, пословичный репертуар разговорной речи (минимальное количество наиболее активных единиц в современной устной речи); в-четвертых, пословичный запас письменной литературной речи (минимальное количество единиц, встречающихся в наиболее известных художественных, публицистических, научных, научно-популярных, юридических, религиозных текстах).

В качестве основного принципа сопоставления единиц в больших переводных русско-белорусском и белорусско-русском паремиологических словарях целесообразно использовать типологию межъязыковых соответствий, которая предполагает сравнение пословиц по степени возрастания сходств/различий в их семантике и лексико-грамматической организации. Данная типология апробирована в русско-белорусском паремиологическом словаре [Иванов, Мокиенко 2007]. В качестве основного принципа перевода единиц в больших переводных русско-белорусском и белорусско-русском паремиологических словарях целесообразно использовать типологию факторов и условий перевода, разработанную на материале разнотипных (славянских, германских, тюркских) языков [Бредис, Иванов 2022]. В качестве основного принципа объяснения сходств и различий единиц в больших переводных русско-белорусском и белорусско-русском паремиологических словарях целесообразно использовать комплекс взаимосвязанных комментариев историко-этимологического, лингвокультурологического и лингвоаксиологического содержания, позволяющих максимально глубоко репрезентировать наиболее тонкие различия и не вполне очевидные сходства как между пословицами, так и между пословичными картинами мира русского и белорусского народов.

Определение количества и содержания зон лексикографического описания пословиц в переводном словаре основывается на «принципе лексикографической полноты», который был

в свое время разработан проф. Б. А. Лариным в середине XX века и далее получил свое плодотворное развитие в фразеографии и паремиографии (в том числе двуязычной) в рамках научной школы проф. В. М. Мокиенко. Разработка основных зон словарных статей в больших переводных русско-белорусском и белорусско-русском паремиологических словарях осуществлялась в проекции на теорию и практику русско-иноязычной и белорусско-иноязычной паремиографии. Левая часть переводного словаря дифференцируется на пять зон описания единиц входного языка: 1 — реестровая пословица (с указанием ее вариантных и факультативных компонентов); 2 — толкование значения и ситуации употребления реестровой пословицы; 3 — синонимичные реестровой пословице единицы; 4 — функциональная и стилистическая характеристика реестровой пословицы (с использованием словарных помет); 5 — краткий комментарий происхождения, истории, культурологического и аксиологического содержания, языковых особенностей реестровой пословицы. Правая часть переводного словаря дифференцируется на пять зон описания единиц выходного языка: 1 — буквальный перевод реестровой пословицы на выходной язык; 2 — межъязыковые эквиваленты реестровой пословицы, размещенные в порядке возрастания семантических и формальных различий; 3 — толкование значения и ситуации употребления эквивалентных реестровой пословице единиц выходного языка (при необходимости); 4 — функциональная и стилистическая характеристика эквивалентных реестровой пословице единиц выходного языка (с использованием словарных помет); 5 — комментарий происхождения, истории, культурологического и аксиологического содержания, языковых особенностей эквивалентных реестровой пословице единиц выходного языка (при необходимости).

Исследование выполнено в рамках задания Государственной программы научных исследований 2021–2025 гг., научный проект № 20211335 (Республика Беларусь).

Литература

- Бредис М. А., Иванов Е. Е. Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 17–36.
- Иванов Е. Е. Русско-белорусский словарь пословиц: в 2 ч. Могилев: Брама, 2001. Ч. 1. 144 с.; Ч. 2. 164 с.
- Иванов Е. Е., Мокиенко В. М. Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2007. 242 с.
- Санько З. Ф. Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем. Мінск: Навука і тэхніка, 1991. 216 с.

ОЦЕНОЧНАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА: ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Иванова Елена Юрьевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: семантический тип предиката; глаголы поведения; оценочная семантика; двуязычное соответствие.

В докладе обсуждается комплекс вопросов, связанных с семантическими и грамматическими особенностями глаголов, содержащих оценочно-интерпретационный компонент, и проблемой установления двуязычных соответствий (в паре языков русский-болгарский). Для анализа выбран семантический подкласс глаголов деятельности с оценочным компонентом значения, получивший в семантической типологии название «глаголы поведения»: они, с одной стороны, именуют однотипные действия X-а и, с другой, содержат квалификацию этих действий наблюдателем. Нас прежде всего интересует их оценочный компонент: эти глаголы «дают вторичную номинацию наблюдателем той деятельности, которую ее субъект, скорее всего, назвал бы иначе» [Падучева 1996: 149–150], напр.: рус. бесчинствовать, буяннить, дебоширить, дурачиться, геройствовать, ершиться, жеманиться, кривляться, ломаться, миндальничать, паясничать, привередничать, проказничать, ребячиться, умничать, фиглярствовать, холуйствовать, юродствовать; болг. важнича, гевезя се, доноснича, капризнича, лигавя се, маниернича, назлъндисвам се, подлизурствам, подмазвам се, подмилквам се, празнослова, раболепствам, сервилнича, сладкодумнича, угоднича, флиртувам.

Таким образом, в семантическую структуру глаголов поведения входит субъект оценки, не совпадающий с субъектом самой деятельности [Там же], что вызывает значительные сложности при переводе их на другой язык. Переводческая проблема состоит не только в наличии оценочного компонента, требующего аналогичного разрешения в языке перевода, но и в подборе такой оценочной лексемы, которая бы отражала типизированную оценку однородных действий другого лица. Более того, основная часть глаголов поведения представляет собой просторечную лексику, в рамках которой переводческие лакуны довольно частотны.

Лексический состав прототипических глаголов поведения в русском и болгарском языках характеризуется, с одной стороны, общими словообразовательными особенностями (суффиксальные образования на *-(н)ич-* и *-ств(ув)а-*, в основном, от субстантивов и адъективов с той же «поведенческой» семантикой), а с другой стороны, присутствием специфических для каждого языка лексем.

Состав глаголов поведения довольно подвижен — прежде всего в группе стилистически сниженных слов. Как и любая просторечная лексика, они быстро меняют частотность употребления у разных поколений и слоев носителей языка.

По данным параллельных корпусов (<https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=bul>), полные эквиваленты в этой группе единичны и касаются только лексических пар, не охарактеризованных как пейоративная лексика (*философствовать / философствам, флиртывать / флиртувам*). Даже слова общего лексического фонда обычно имеют стилистическую специфику, разный семантический объем или неодинаковую частотность, а потому требуют не прямых переводческих решений. Основные из них: а) выбор синонимического глагола (*безобразничать — буйствам; бесчинствовать — вилнея*), б) описательный перевод (глагольными сочетаниями, содержащими общедеятельностный глагол, напр. *безобразничать — върша безобразия, капризничать — проявявам капризи*), в) использование фразеологизированных оборотов (*целомониться — цяпя басма*).

Переводческие решения при передаче просторечной и специфической для каждого языка лексики, которая может считаться, в терминологии И. Червенковой, «относительной лакуной» [Червенкова 2006: 89], заключаются в подборе того или иного вариантного соответствия: *Кривляться*. — Лигавя се; кълча се; преструвам се; гримаснича [Влахов 2004]. Решение переводчика

о выборе подходящего эквивалента определяется во многом и тем, в каком контексте, а именно в каком «режиме» используется лексема — **нарративном или диалогическом** (о режимах интерпретации см. [Падучева 2010: 6–7]).

В нарративном режиме переводческие решения, как правило, носят более предсказуемый характер: именно здесь используются однокоренные эквиваленты, словарные вариантные соответствия, описательный перевод. Между тем в диалогическом, речевом режиме усилия переводчика в большей степени направлены на то, чтобы передать стилистические характеристики речевой ситуации в целом. Замечено [Падучева 1996: 150], что наиболее частотный контекст употребления глаголов поведения — **речевой акт упрека**. Реплика упрека может иметь констатирующую форму (*Опять ты умничаешь!*), форму вопроса-порицания (*Чего безобразничаешь?*), но чаще строится как та или иная форма просьбы или требования прекратить негативно оцениваемое поведение X-а. И здесь определяющую роль при переводе играет прагматика «запретительного» компонента, ср. разнообразные переводческие решения, позволяющие отрегулировать стилистические и прагматические коннотации разных ситуаций упрека: *Не извольте безобразничать* (Ф. Достоевский). — *Моля да не вършите безобразия* (пер. Г. Константинов); *Нет, полно, пора перестать дурачиться* (Н. Гоголь). — *Не, стига вече, време е да зарежа глупостите* (пер. Л. Минкова); *Полноте паясничать!* — *воскликнул с сердцем Николай Артемьевич* (И. Тургенев). — *Стига палячовцини!* — *извика сърдито Николай Артемьевич* (пер. Г. Константинов).

В докладе будет показано, как влияют на возможность выбора переводческого соответствия грамматические особенности глаголов поведения (видовые и лично-числовые ограничения, специфика временных форм, положительный и отрицательный статус высказывания и др.).

Работа осуществлена в рамках международного проекта „Онтология на предикатите за действие — лингвистично моделиране с фокус върху българския език“, поддержанного Фондом „Научни изследвания“ (Болгария), No КП-06-Н80 /9. 8.12.2023.

Литература

- Влахов С. Нов руско-български речник / Под ред. А. Липовской. София: Парадигма, 2004. 904 с.
- Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. 479 с.
- Падучева Е. В. Интерпретация форм времени в нарративном и гипотаксическом контексте // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2. С. 5–25.
- Червенкова И. Парный сопоставительный анализ лексических единиц: принципы и методика // 60 години руска филология в Софийския университет. София, 2006.

«ЯЗЫК ТЕЛА» В ИЗОБРАЖЕНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ РАДОСТИ В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ

Кабанова Светлана Александровна

доцент, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Саранск)

Ключевые слова: межславянский перевод; эмоциональное состояние; симптоматика эмоционального состояния; глаголы эмоционального состояния.

Проблема изучения эмоционального состояния радости в лингвистическом аспекте мыслится актуальной в связи с развитием наук, посвящённых исследованию феномена «человек» в его непосредственной связи и взаимодействии с языком, а также широким распространением исследований в области эмоциональности и эмотивности в работах В. И. Шаховского, Л. Ю. Буяновой, С. В. Коростовой и др. Ключевым компонентом исследования стал сравнительный анализ эмотивных конструкций изображения и выражения радости в русском и сербском языках. Таким образом, актуальность исследования объясняется необходимостью исследования эмоции радости на материале конкретных лингвистических и литературно-художественных практик двух языков.

В процессе рассмотрения структуры эмоции радости мы будем оперировать такими понятиями, как «эмотивность» и «эмоциональность». Остановимся подробнее на их дефинициях.

В определении краткого психолого-филологического словаря «Тысяча состояний души» эмоциональность рассматривается как «тенденция индивида к повышенному переживанию и выражению сильных эмоций — радости, гнева, печали, страха, к возбудимости, впечатлительности, лабильности» [Летягова 2006: 412]. Ту же направленность имеет и определение Л. Ю. Буяновой, которая выделяет ещё и второе значение, имеющее терминологический статус, — как свойство языкового знака, а именно, «его потенциальную возможность выразить факт эмоционального переживания субъектом некоторого явления действительности, — именно того явления, которое составляет предметное (денотативное) содержание данного языкового знака» [Буянова 2016: 35]. В настоящем исследовании более значимым является непосредственно второе значение эмоциональности по Л. Ю. Буяновой, так как основной упор мы делаем на языковые средства выражения эмоции.

Многие труды по психологии, посвящённые эмоциям, не дают чёткого определения радости. Природа её является весьма неоднозначной, поскольку возникновение данной эмоции может сопровождать абсолютно любые ситуации. С точностью можно сказать, что радость связана с моментами, доставляющими человеку как социальному субъекту и субъекту речи чувство глубокого удовлетворения, уверенности, раскрывает его резервные физические силы (вся разновидность эмоциональных всплесков, связанных с затратой энергии): «Порыв радости или чувство живого удовольствия сопровождаются сильным стремлением к различным бесцельным движениям и к издаванию различных звуков» [Психология 2009: 114]. При этом психологи отмечают, что не всякое хорошее настроение обязательно является радостью. Это может быть удовлетворение, буйство (при ярких эмоциональных переживаниях), счастье и другие проявления. Поэтому важно разграничивать по отношению к радости такие эмоции как удовольствие, веселье, чувство удовлетворённости, счастья.

Т. В. Летягова и др. определяют радость как «наслаждение, внутреннее чувство удовольствия вследствие желанного случая... Радость может сочетаться с благодарностью, удовлетворением, облегчением, благодушием, весельем, счастьем, удивлением, благочестием. Может быть следствием ответной любви, успеха, осуществленной мечты» [Летягова 2006: 287]. Мы понимаем радость как чрезвычайно сильное, в некоторой степени даже патетическое переживание, характеризующееся непредсказуемостью и независимостью от обстоятельств, сопровождающих жизнедеятельность человека.

Симптомы проявления радости, обнаруженные нами в художественной литературе, можно представить следующим образом: дрожь в теле, жар, слёзы, учащённое сердцебиение,

затруднение дыхания, ощущение внутренней теплоты, ощущение дурноты, сияние/свечение глаз, временная потеря голоса.

Испытывая сильные эмоции, человек склонен упускать из внимания контроль за своими действиями. При изучении русских и сербских художественных текстов нами были обнаружены многочисленные сопроводительные действия, связанные с проявлением радости и называемые с помощью глаголов поступательного движения субъекта, прикосновения, речевой деятельности, связанных со звучащей речью, эмоционального состояния, связанных со степенью его проявления, внешнего проявления отношения и др.

Таким образом, для современной науки изучение проблемы человеческих эмоциональных состояний является одним из ведущих направлений. Лингвистика на основе психологической теории формирует научные исследования, направленные на рассмотрение отображения человеческих эмоций в тексте посредством различных языковых конструкций. Значимым в данном аспекте является выявление и классифицирование симптоматических показателей той или иной эмоции. В отношении эмоции радости симптомы проявления варьируются от малоэнергичных (взгляд, улыбка) до интенсивных и гиперактивных (радостные крики, прыжки, хлопанье в ладоши). Полученные данные основаны на сравнении описания эмоционального переживания в русской и сербской прозе.

Литература

- Буянова Л. Ю.* Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации: монография / Л. Ю. Буянова, Ю. П. Нечай. М.: ФЛИНТА: Наука. 2016. 232 с.
- Летягова Т. В.* Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь / Т. В. Летягова, Н. Н. Романова, А. В. Филиппов. 2-е изд., исп. М.: Флинта: Наука. 2006. 424 с.
- Психология мотивации и эмоций /* Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман. М.: АСТ: Астрель. 2009. 704 с.

ПОКАЗНИТЕ ЗАМЕНКИ ВО РУСКИОТ И ВО МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК КАКО ЕКСПОНЕНТИ НА КАТЕГОРИЈАТА ОПРЕДЕЛЕНОСТ

Карапеевски Бобан

доцент, Универзитет им. свв. Кирилла и Мефодия (Скопје)

Ниами Емил

доктор филолошески науки, Универзитет им. свв. Кирилла и Мефодия (Скопје)

Клучни зборови: показни заменки; определеност; член.

Показните заменки се основниот начин на искажување на определеноста. Како што покажа историскиот преглед, тие се првиот начин на кој почнала да се искажува оваа категорија на површинско рамниште. Тие се и единствениот начин на кој се пројавува оваа категорија во јазиците што немаат член. Се работи за лексички експонент на категоријата, за разлика од членот кој во некои јазици е, исто така, одделен збор,* а во други, како во македонскиот, клитика, која понатаму станала морфема. Според тоа: показните заменки се јазична универзалија и имаат егзо- и ендореференцијална, како и детерминаторска карактеристика. Поради различни историски промени во јазиците, од нив се развиле други морфемии, но со истите карактеристики. Понатаму тие морфемии развиваат и други специфики, со што се граматикализираат како експоненти со пошироки значења, т. е. стануваат правило, односно регуларна (правилна) појава.

Способноста на заменките да посочуваат, односно да упатуваат, се реализира и референцијално и просторно. Па, така, т-коренот е примарно референцијален, посочува на одделна личност, ствар или предмет на мислата, додека в- и н-коренот се првично деиктички, зашто во себе ја содржат спацијалната димензија — во прв ред проксималност /+блиску/ и дисталност /+далеку/. Сп.: *тој човек — овој човек — оној човек.*

Темата за третото лице како не-лице е многупати експлоатирана.** Тоа што во многу јазици, вклучително во старословенскиот, показните заменки се користат, примарно, и како лични во сферата на третото, ја потврдува таа теза и ја прави нужната поврзница на овие два типа заменки. Во таа смисла, особено за нашиот проблем на употребата на н-членот без изразено деиктичко значење во постарите ракописи, интересно е тврдењето на Клајн [Klajn 1985, 109] дека јазиците се стремат кон двочлен систем на демонстративи: не е забележан случај на премин од двоен кон троен систем, но има многу обратни примери. Јесперсен, Фреј, Мајтинскаја, Антинучи, Вунт (ibid.) наведуваат различни причини за тоа: повеќечлениот систем е производ на конкретниот начин на мислење, а апстрактниот бара бинарни опозиции; јазиците што немаат писменост и комуникацијата е непосредна, имаат потреба од подетална поделба на деиктичкиот простор, соодветно — и такви системи; градот наспрема селото и изгледот: прави агли, згради, улици; полесно снаоѓање во просторот — помала потреба од попрецизно упатување преку заменките.

Показните заменки поседуваат неколку особености, т. е. разлики во однос на членот во нивната функција на показатели на определеноста:

- кај нив се појавува (и) деиксис — просторно одредување, во надворешнојазичната или во внатрешнојазичната средина;
- во смисла на претходната точка, тие се јасен показател на анафората; се појавуваат извесни ограничувања во искажувањето генерична и ситуацииска определеност; се појавуваат рестрикции и во однос на посесивните релации во рамките на именската група, односно на именските групи;

* Зборот можеме да го дефинираме како одделна единица што се наоѓа меѓу две празни места, во текстот, лексиколошки, односно меѓу две паузи (фонетски збор) — при зборувањето.

** За повеќе в. Дучевска 1996; Дучевска 1997; Карапеевски 2010; Benvenist 1975; Klajn 1985.

- во рамките на ендофората, можат да реферираат на поблиски или на подалечни антецеденти, соодветно на нивното егзофорично значење;
- влегуваат во конструкциите со таканаречената двојна определеност;
- системот се стреми кон упростување до двочленост.

Се разбира, во рамките на текстот, односно како еквивалент на определеноста, покрај определувањето во надворешнојазичниот, во внатрешнојазичниот простор, главната и најстара употреба на показните заменки е анафорската. Практично, нема текст без анафора, што значи и дека нема можност да нема граматикализирано средство за нејзино искажување. Со оглед на можноста за реферирање, особено во простор, а просторот не мора да е само физички во стварноста туку и во текстот, таквите примери се мошне чести.

Во македонскиот јазик во определени ситуации употребата на показната замена може да се замени со членска морфема и пропозицијата на исказот да биде идентична. Затоа анафората и не ја третираме како клучна во определувањето на степенот на граматикализација и регуларност на членот, бидејќи во ваквите употреби може да биде и само варијанта на демонстративот. За подобро да се види тоа ни помагаат примерите со в-/н-корен, каде што показната замена употребена анафорски јасно покажува реферирање кон поблискиот или кон подалечниот потенцијален антецедент. Нормално дека и тука контекстот и онтолошките познавања на светот ни помагаат во парафразата.

Можеме да заклучиме дека показните заменките со т-, в- и н-корен се показатели на категоријата определеност во македонскиот јазик. Нивната најстара и основна функција е деиктичката (упатување во простор и во време) и анафорската (упатување наназад во текстот). Со зголемената фреквенција, стабилизација и граматикализација на членот, нивната употреба не се проширила во сферата на генеричната и ситуационската референција, како и во употребата во посесивни конструкции и со звања и професии.

Со оглед на сложената ситуација којашто ја имаме во македонскиот јазик во поглед на категоријата *определеност* се наметнува прашањето за тоа како оваа категорија функционира во рускиот јазик. Се чини дека ситуацијата е јасна со оглед на тоа што показните заменки во рускиот јазик се навидум единствениот показател за оваа категорија. Така ги изделуваме показните заменки: тот, этот, такой, таков, столько, этакий (арх.), экий (арх.), сей (арх.), оный (арх.) за коишто можеме да кажеме дека ја исполнуваат функцијата за искажување определеност. Но, се чини дека на говорителите на рускиот јазик не им се сосема доволни овие показни заменки, па затоа прибегнуваат и кон користење на други средства, дел од коишто се лексички.

Токму ваквата ситуација нè наведува на тоа дека е потребно да се направи одделна и поопсежна анализа за показните заменки во рускиот во однос на македонскиот јазик, со што би можеле да добиеме јасен увид за тоа во која мера можеме да направиме еквиваленција во однос на категоријата *определеност*. Секако, ваквата анализа мора да се врши низ корпус којшто ќе содржи голем број контексти, па оттука ќе можат да се дадат и определени заклучоци во однос на дадената проблематика.

Литература

Klajn I. O funkciji i prirodni zamenica. Beograd, 1985. 133 s.

О СИСТЕМНЫХ РАСХОЖДЕНИЯХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА БОЛГАРСКИЙ

Карпенко Людмила Борисовна

профессор, Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С. П. Королёва

Ключевые слова: русский язык; болгарский язык; проблемы перевода; системные расхождения; Ф. М. Достоевский.

Объектом лингвистических исследований перевода служит языковой потенциал переводящего языка для воссоздания смысла оригинала. Переводы романов Ф. М. Достоевского позволяют выявить проблемы передачи системных особенностей русского языка, поскольку для писателя характерно органичное использование специфических моделей языка, в его романах «стилеобразующую функцию выполняют профилирующие черты русского языка, отражающие некоторые свойства национального характера и менталитета» [Арутюнова 1999: 868–869]. Еще одна из важнейших стилевых особенностей творчества Достоевского — подчеркнутый интерес к прорисовке психофизического состояния героев, которые описываются как люди странные, испытывающие страх, мучительную тревогу, тоску. Доклад посвящен анализу приемов выражения именно таких состояний, широко представленных в романе «Преступление и наказание» Достоевского, и особенностей их перевода, выполненного на болгарский язык известным болгарским переводчиком Г. Константиновым.

В романе «Преступление и наказание» в прорисовке состояний героя и среды Достоевский использует типичные для русского языка модели: *Он чувствовал, что теряет, что ему почти страшно; смутно и темно на душе...* Однако писатель не ограничивается стандартными языковыми моделями, а создает и свои авторские, неожиданные выражения состояний с использованием фразеологизмов: *голова кругом; не в памяти, не в понятии*, сравнительных оборотов: *дрожал как в лихорадке, побледнел как мертвец*, метафор и окказионализмов: *страх, как лед, обложил его душу, окоченил его*, повтора предикатов: *грязно, пакостно, гадко, гадко!... я сам сказал, что это подло, гадко, низко, низко...*

Несмотря на близость русского и болгарского языков, часто наблюдается неполное семантическое и структурное соответствие болгарского перевода русскому оригиналу. Переводческие преобразования отражают языковые различия на уровне лексики. Ключевые слова, обозначающие концепты «тоска» и «грусть», не находят буквальных соответствий в современном болгарском языке и в переводе, хотя по происхождению и являются общеславянскими. Утраченное слово *тоска* переводится на болгарский язык лексемами *мъка* и *страдание*, а *грусть* — лексемами *тъга* и *скръб*.

В меньшей степени исследована зависимость перевода от особенностей концептуализации и структурно-грамматических факторов, в которых специфика языка проявляется наиболее последовательно. В русском языке проявление сильного психического переживания и состояния человека концептуализируется как среда, в которую человек погружен, и оно оформляется по пространственной модели с использованием предложно-падежных форм В+Пр.п. Достоевский активно использует эту грамматическую модель при описании состояний: *в бреду, в беспомощности, в бессилии, в злобе, в лихорадке, в отчаянии, в страхе, в тоске, в тревоге, в ужасе* и под. В переводе изменение концептуализации состояния часто наблюдается в переходе от пространственной модели русских предложно-падежных форм к передающим динамическую характеристику болгарским формам страдательных причастий: *Полечка в страхе забила с детьми в угол — Полечка, уплашена, се сви с децата в ъгъла; Дуня в испуге отшатнулась от него дальше. — Дуня, уплашена, се отдръгна по-далеч от него; он целые полчаса бродил в тоске и тревоге...- повече от половин час се лута измъчен и разтревожен...; в ужасе приподнялся он — ужасен се надигна*. В частых заменах предложно-именных конструкций глагольными формами сказывается «давление» грамматической системы болгарского языка, в котором

предложная система вследствие утраты именного склонения обременена выражением грамматических значений. Наряду с причастиями переводчик использует и личные формы глагола: *Покамест он бродил в темноте и в недоумении... — Докато търсеше в тъмното и недоумяваше...*

Регулярные расхождения, связанные с переводом грамматических структур, наблюдаются и на уровне предложения. Для русского языка характерна продуктивность структурно-семантических разновидностей безличных предложений. Достоевский, изображая героя во власти не поддающихся его контролю сил, намеренно использует характерные для русского языка безличные синтаксические модели, передающие состояние как результат действия стихийных сил: *меня от одной мысли... в ужас бросило; дух пересекло, и в груди стеснилось; ему как-то предчувствовалось...* В переводе безличные предложения трансформируются в модели, утрачивающие семантику стихийности, — в субъектное, односоставное определенно-личное (*само като си го представих наяве, се ужасих*) или двусоставное предложение (*дъхът ѝ пресекна и гърдите ѝ се стегнаха; той някак предчувстваше...* В результате таких переводческих преобразований может не только изменяться грамматическая структура, но и смысл высказывания. Так, вместо стихийного ментального состояния, выраженного в оригинале (*Ему стукнуло в голову, и потемнело в глазах*) в переводе выражено наблюдаемое физическое действие (*Главата го блъсна...*).

В отдельных случаях неточности перевода обусловлены недостаточным осмыслением оригинала. Такова лакуна перевода во фрагменте, описывающем странность поведения Раскольникова: *подумал он с странною улыбкой. — помисли си*. В целом проблемы переводимости в значительной мере обусловлены расхождениями в системных грамматических и лексико-семантических особенностях языков.

Литература

Арутюнова Н. Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 846–870.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ *ČELOVĚKŮ И *L'UDŮ/*L'UDŮ

Килина Лилия Фаатовна

доцент, Удмуртский государственный университет (Ижевск)

Ключевые слова: русский язык; польский язык; прилагательное; значение.

В современном русском языке активно употребляются прилагательные *человеческий* и *человечный*, которые близки по семантике и образованы от существительного *человек* (*čelověkŭ) еще в праславянскую эпоху. Прилагательное *человеческий* может характеризовать практически все, что имеет отношение к человеку, а *человечный* определяется как 'внимательный, отзывчивый и чуткий к другим людям; гуманный // свойственный такому человеку // выражающий отзывчивость, чуткость, внимательность к кому-либо' (*человечная женщина, человеческий начальник, человеческие люди, человеческая натура, человеческое сердце* и др.) [БТС]. В то же время в толковых словарях (с пометой разг.) у прилагательного *человеческий* указано значение 'такой, какой должен быть принят у людей, какой подобает людям // основанный на любви к человеку; *человечный, гуманный*' (*человеческая обстановка, человеческое отношение, человеческое обращение с пленными, человеческий подход к разрешению конфликта*) [БТС]. Следовательно, оба прилагательных могут использоваться в однотипных контекстах и выражать качественное значение. Отдельно следует сказать о прилагательном *человечий*, которое было образовано с помощью посессивного суффикса, но уже в ранних славянских текстах фактически дублировало прилагательное *человеческий*, выражая не притяжательное, а относительное значение. Согласно данным современных словарей, *человечий* в русском языке имеет разговорную окраску и является синонимом прилагательного *человеческий*, а также паронимом прилагательного *человечный*.

В польском языке для выражения относительного значения употребляется прилагательное *człowieczy* 'związany z człowiekiem — istotą rozumną' ('связанный с человеком — существом разумным'). Данное прилагательное используется только в книжных стилях и может определять существительные, которые обозначают части тела человека (*człowieczy nos; człowiecza głowa, ręka, stopa*), имеют отношение к человеку (*człowieczy głos, krzyk, śpiew; strój*), к деятельности человека (*człowieczy czyn, wytwór; człowiecza praca*), к судьбе человека (*człowieczy los, żywot; człowiecza dola; człowiecze życie*) [WSJP]. Нетрудно заметить, что прилагательное *człowieczy* имеет обобщенную семантику и широкую сочетаемость, однако оно не является частотным: в Национальном корпусе польского языка (<http://www.nkjp.uni.lodz.pl/>) зафиксировано всего 168 примеров этого прилагательного (поиск велся только по начальной форме).

Более частотным (2900 примеров в корпусе) является общеупотребительное прилагательное *ludzki*, у которого, кроме приведенного выше значения 'związany z człowiekiem — istotą rozumną', в словарях отмечены еще 'związany z człowiekiem — kimś przyzwoitym' ('связанный с человеком — кем-либо порядочным'), 'taki, który zaspokaja potrzeby człowieka w stopniu odpowiednim' ('тот, который в соответствующей степени удовлетворяет потребности человека') [WSJP]. Именно это прилагательное может выражать то же значение, что и русское *человечный*: 'To przede wszystkim bardzo *ludzki szef, taki, który potrafi porozmawiać i z wyższym oficerem, i ze zwyčajnym sierżantem...* (Прежде всего, он очень *человечный начальник*, умеющий разговаривать и со старшим офицером, и с рядовым сержантом...) [WSJP].

Польское прилагательное *ludzki* и русское *людской* восходят к праславянскому *l'udьskŭ(jь), которое, в свою очередь, образовано от собирательного существительного *l'udŭ/*l'udŭ 'народ' [ЭССЯ: 194–200]. В русском языке *людской* имеет обобщенную семантику и характеризует все, что относится к существительному *люди* (*людской род, страсти, быт, молва*), кроме того, в современных толковых словарях приведены значения 'свойственный, присущий людям' (*людские надежды, людская совесть, радость*), а также устаревшее 'предназначенный для двора, слуг'

(*людские дома, людская работа*) [БТС]. Итак, прилагательное *людской* по семантике соотносится с прилагательным *человеческий*, хотя, конечно, является менее употребительным. В целом можно сказать, что *людской* чаще встречается в художественных и публицистических текстах (более 80 % вхождений в основном корпусе НКРЯ), в ряде случаев используется тогда, когда необходимо сделать акцент на скоплении людей, например: К этому времени я был почти у цели. *Людская масса* уплотнилась. Я был стиснут между оборванцем и железнодорожником (С. Довлатов. Чемодан); Днем оттуда всегда доносился глухой гул *большого людского присутствия* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей) и др.

Таким образом, в русском языке для выражения обобщенного значения ‘имеющий отношение к человеку’ используются прилагательные *человеческий*, *человечий* и *людской*, причем употребление двух последних ограничено рамками определенных стилей, прилагательное *человечный* имеет только качественное значение и характеризует гуманного, отзывчивого, чуткого человека. Прилагательное *человеческий* также может выражать качественное значение, в этом плане оно сближается с прилагательным *человечный*. В польском языке относительное значение выражают прилагательные *ludzki* и *człowieczy*, первое из которых может обозначать и качественный признак, являясь эквивалентом для всех четырех приведенных русских прилагательных, а второе встречается не так часто и только в книжных стилях.

Литература

БТС — Большой толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 26.05.2024).

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 15. (*lětina — *lokaśь) / АН СССР. Ин-т рус. яз.; сост. О. Н. Трубачев; под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1988. 263 с.

WSJP — Wielki słownik języka polskiego PAN. [Электронный ресурс] URL: <https://wsjp.pl/> (дата обращения: 26.05.2024).

ИМЕННАЯ ВАРИАНТНОСТЬ АКТИВНО УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ НА ФОНЕ ИХ АКТУАЛЬНЫХ СЛОВАЦКИХ ПОСЛОВИЧНЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Котова Марина Юрьевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: именная вариантность; паремиологический минимум 2022 года; пословичная параллель; русская пословица; словацкая пословица.

Цель исследования заключается в анализе вариантности имен существительных, прилагательных и числительных в составе русских пословиц, отмеченных информантами-носителями русского языка в ходе социолингвистического паремиологического эксперимента 2022 года, на фоне их словацких пословичных параллелей, зафиксированных в ходе другого социолингвистического паремиологического эксперимента среди носителей словацкого языка.

Вариант пословицы понимается здесь на основе трудов В. М. Мокиенко, О. С. Сергиенко и др. [Сергиенко 2015]. Эксперимент 2022 года был проведен на интернет-платформе преподавателями кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета и включал ответы трехсот сорока респондентов. Эксперимент на выявление употребительных словацких пословиц проводился в 2003–2017 гг. и располагает ответами ста словацких информантов.

Материалом для исследования послужили авторские публикации результатов указанных экспериментов — «Тетради паремиографа. Выпуск 8: Паремиологический минимум русских пословиц 2022 года» (2023) и «Тетради паремиографа. Выпуск 3. Словацкие пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума» (2017). Объектом анализа являются 67 русских паремиологических единиц с именной вариантностью (то есть 12,3 % от общего числа русских пословиц в нашем материале). В докладе рассматривается именная вариантность русских пословиц, структурно равных сложному предложению (в 10,7 % от общего числа пословиц со структурой сложного предложения в нашем материале) или простому предложению (в 13,9 % от общего числа русских пословиц в виде простых предложений, выявленных в нашем материале). Анализируются следующие виды вариантности русских пословиц: грамматическая вариантность существительных и субстантивированных прилагательных, имен прилагательных и адъективированных причастий (напр., *На чужой каравай рот (рта) не разевай*); лексическая вариантность имен существительных и субстантивированных прилагательных, имен прилагательных и адъективированных причастий (напр., *С миру по нитке — голому (нищему) рубашка (бедному рубаха)*); лексико-синтаксическая вариантность (напр., *Надо держать порох сухим (в пороховницах)*); оптативы-имена существительные и оптативы-имена прилагательные (напр., *Любопытной Варваре /на базаре/ нос оторвали*); вариантность имен числительных (напр., *Ты ему слово, /а/ он тебе два (десять)*).

Мы располагаем на данный момент словацкими пословичными параллелями лишь к двадцати двум русским пословицам из выбранных вариантных пословиц. Эти словацкие параллели зафиксированы в РССПАС и ТП 3. Небольшая часть из них является аналогами русских пословиц (шесть пословичных параллелей), что в данном сопоставительном исследовании русско-славянской пословичной параллельной вариантности не представляет для нас интереса.

К остальным шестнадцати русским пословицам выявлены словацкие полные и относительные эквиваленты. Приведем здесь некоторые из этих параллелей:

Нет правила без исключения (без исключений) 58,5 % инф. [РССПАС: 120; ТП 8: 36] — *Žiadne pravidlo nie je bez výnimky (výnimiek)* [ТП 3: 281], *Výnimka potvrdzuje (robí, tvorí) pravidlo* [ТП 3: 268];

Дружба дружбой, а табачок (денежки, деньги) врозь 42,4 % инф. [РССПАС: 55; ТП 8: 28] — *Priatel'ia (Priatel'mi) bud'me, /a (ale)/ dlhy si plattme* [ТП 3: 218];

Лбом стену (стенку) не прошибёшь (не пробьёшь) 58,2 % инф. [РССПАС: 83; ТП 8: 31] — *Čelom múr (stenu) neprerazíš (neprebiješ)* [ТП 3: 36];

Своя рубашка (рубаха) ближе к телу 79,7 % инф. [РССПАС: 130; ТП 8: 41] — *Bližšia košela ako (než) kabát* [ТП 3: 28];

Сколько голов — столько и мнений (столько умов) 31,8 % инф. [РССПАС: 40; ТП 8: 41] — *Kolko hláv, tolko rozumu (rozumov, náradov, myšlienok, názorov)* [ТП 3: 134]; *Čo hlava, to rozum (/iný/ názor)* [ТП 3: 47]; *Viac hláv — viac rozumu (náradov)* [ТП 3: 257]; *Kolko ľudí, tolko chutí (názorov)* [ТП 3: 135];

Не хлебом единым жив (сыт) человек 74,1 % инф. [РССПАС: 168; ТП 8: 36] — *Nie len chlebom je človek živý (sytý)* [ТП 3: 195];

Семь раз отмерь — один /раз/ отрежь 97,3 % инф. [РССПАС: 126; ТП 8: 41] — *Dvakrát (Dva razy, sedemkrát) meraj a raz rež (strihaj)* [ТП 3: 83].

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на фоне словацкого языка анализируется именная вариантность русских пословиц, выявленных в ходе указанного эксперимента, направленного на корректировку паремиологического минимума Г. Л. Пермякова 70-х гг. XX в.

В заключении приводятся статистические данные, касающиеся видов именной вариантности русских пословиц в указанном материале, а также указываются общие и различные варианты особенности у рассмотренных полных пословичных русско-словацких параллелей, относящихся к интернациональному паремиологическому ядру.

Литература

РССПАС — Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. 360 с. (РССПАС)

ТП 8 — Котова М. Ю., Боева Н. Е., Гусева О. В., Мушинская В. В., Раина О. В., Сергиенко О. С. Тетради паремиографа. Выпуск 8: Паремиологический минимум русских пословиц 2022 года: Учебно-методическое пособие для студентов / Под редакцией М. Ю. Котовой. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2023. 560 с. (ТП 8)

ТП 3 — Котова М. Ю., Сергиенко О. С., Тарараева О. Н. Тетради паремиографа. Выпуск 3: Словацкие пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума: Учебное пособие для студентов / Под редакцией М. Ю. Котовой. СПб.: Политехника-принт, 2017. 286 с. (ТП 3)

Сергиенко О. С. Нормативность и вариантность чешских и словацких пословиц. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2015. 296 с.

РУССКО-БОЛГАРСКИЕ ПОСЕССИВНЫЕ МОДЕЛИ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Кустова Галина Ивановна

главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Иванова Елена Юрьевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: посессивность; псевдопосессивная концептуализация; русский язык; болгарский язык; перевод.

Базовые конструкции, по которым строятся предложения обладания, в русском и болгарском языке различны. В русском языке используется модель «У X-а есть Y», содержащая предложную группу у + родительный падеж (далее у + Род. или у-группа), которая кодирует посессора, а в болгарском языке для сообщений об обладании используется конструкция с личным глаголом *има* и посессором в позиции подлежащего (часто невыраженного), см. пример из параллельного корпуса*:

(1) *Вспомнив, что у меня есть 100 руб. и 55 коп., я зашла в кафе на соседней улице с намерением выпить чаю... — Спомних си, че имам 100 рубли и 55 копейки и влязох в кафенето на съседната улица с намерението да изпия един чай...* [Татьяна Полякова. Миллионерша желает познакомиться (2002) | Татьяна Полякова. Миллионерша търси запознанство (Ива Митева, 2004)].

Прототипическая семантика обладания предполагает отношение между физическими объектами, обозначаемыми предметными именами. Но благодаря широким возможностям лексического варьирования, предложения «У X-а Y / У X-а P» (где P = непердметное существительное) могут выразить самые разные соотношения отвлеченных и событийных сущностей [Арутюнова 1976: 219–283]. Хотя во многих случаях при включении в конструкцию обладания непердметных существительных сохраняется болгарско-русская параллель, представляющая основную предикативную модель обладания: *У нее талант. — Тя има талант; У меня есть просьба. — Имам една молба; У нее грипп. — Тя има грип*, используются и другие переводческие стратегии, см., напр. [Иванова 2009: 154–160].

Нас в данной работе будут интересовать русские конструкции, построенные по модели «У X-а есть Y», включающие непердметные (прежде всего событийные) существительные, в сопоставлении с их болгарскими параллелями.

Несмотря на широкую употребительность и семантическую вариативность конструкции «У X-а P» в русском языке, она может обозначать далеко не любые не-посессивные ситуации, ср. правильное *У меня суп варится* (в значении ‘Я варю суп’) и неправильное **У меня книга читается* (в значении ‘Я читаю книгу’). Существует определенная логика распространения конструкции «У X-а P» на разные типы ситуаций.

Будет показано, что использование конструкции «У X-а P» для обозначения ситуаций, в которых нет посессивных отношений и кодирование других типов субъектов у-группой (которая в таком случае становится псевдопосессивной) можно считать результатом псевдопосессивной концептуализации не-посессивных ситуаций. Изменение семантики исходной модели можно представить в виде шкалы перехода от неагентивных ситуаций (*У меня такое чувство, что P*) к агентивным (*У меня тренировка*).

Основное внимание в работе уделено таким моделям с событийными именами, когда исходно агентивная ситуация концептуализируется как неагентивная. Мы покажем, что для денотата агентивных ситуаций возможность получать псевдопосессивную концептуализацию связана с ослаблением контроля со стороны агенса.

* Материалом для исследования послужила выборка из параллельного русско-болгарского и болгарско-русского корпуса художественных текстов на платформе НКРЯ <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=bul>.

Так, в случаях, представленных в примерах (2)–(3), семантическую роль референта у-группы можно условно назвать «**субъект причастности**». Предикат в таких предложениях обозначает ситуацию, которая контролируется другими людьми, не X-ом (*обыск*), либо «стихийное» событие, случайный процесс или случайный результат (*пожар*):

(2) *Мама, не волнуйся... У меня обыск. Это недоразумение. — Мамо, не се тревожи... Ще правят обыск при мен. Това е недоразумение.* [А. Н. Рыбаков. Дети Арбата (1966–1983) | Анатолий Рыбаков. Децата на Арбат (Здравка Петрова, 1988)]

(3) *Его вызвали внезапно, у них на заводе пожар. — Извикаха го внезапно, в завода им избухнал пожар.* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940) | Михаил Булгаков. Майстора и Маргарита (Лиляна Минкова, 1989)]

Есть, однако, конструкции, в которых референт у-группы является **целеполагающим субъектом**: *У меня встреча / тренировка / свадьба* и т. п. Такие предложения парадоксальны как с точки зрения формы, так и с точки зрения семантики, поскольку обозначают исходно агентивную ситуацию, которая получает псевдопосессивную концептуализацию. В докладе предполагается проанализировать условия, при которых допускается вхождение номинализаций, обозначающих агентивные ситуации, в (псевдо)посессивную модель, прояснить факторы, блокирующие такое употребление (ср. невозможность трансформации: *Он красит стену — *У него стена красится*).

Корпусные данные показывают две основных стратегии перевода подобных конструкций: включение номинализации в базовую модель с личным глаголом *имам* либо (чаще) использование событийного глагольного предиката, ср. переводческие пары: *У меня гости. — Имам гости; У меня прием. — Аз приемам пациенти*, как в примере (4). Первый вариант (*Имам гости*) маркирует ситуацию с ослаблением контроля, второй (*Аз приемам пациенти*) использует агентивную модель.

(4) *Заметьте, здесь двенадцать квартир, у меня прием. Обърнете внимание: тук има два-найсет апартамента. Аз приемам пациенти.* [М. А. Булгаков. Собачье сердце (1925) | Михаил Булгаков. Кучешко сърце (Борис Мисирков, 1989)]

Хотя в болгарском языке, как и в русском, тоже хорошо развиты средства снижения агентивности (широкий набор безличных предложений и разные виды пассивизации), но такое средство ухода от агентивности, как у-группа в посессивном значении, в современном болгарском языке представлено в очень ограниченном объеме. Поэтому, когда значение обладания получает семантическое расширение, по мере нарастания событийной составляющей модель *X има Y* (с личным глаголом *имам*) все менее подходит для выражения требуемого значения и заменяется другими видами глагольных конструкций.

Межъязыковые параллели убеждают и в том, что *имам*-предложения не занимают в системе болгарского синтаксиса столь значимого места, какое принадлежит предложениям с у-группой в русском языке, которая способна в (псевдо)посессивных функциях вовлекаться в разные виды конструкций.

Литература

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.

Иванова Е. Синтаксис. Т. 2 // Сопоставительная болгарско-русская грамматика. Т. 1–2 / Ст. Димитрова (ред.). София: Велес, 2009. 336 с.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-МЕТЕОНИМОМ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И СЕРБСКОГО ЯЗЫКОВ)

Маслова Алина Юрьевна

профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск)

Пальчёнкова Екатерина Дмитриевна

магистрант, Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск)

Ключевые слова: фразеологизм; метеоним; семантическая группа.

Фразеологические единицы (далее ФЕ) с компонентом-метеонимом активно изучаются в сопоставительном аспекте, однако более регулярно — на материале английского, французского, китайского языков в сопоставлении с русским, что объясняется ярко выраженными различиями лингвокультур. В целях формирования комплексного представления об особенностях славянской языковой картины мира интересно рассмотреть ФЕ с компонентом-метеонимом и на материале русского и сербского языков.

В результате семантического анализа выделяется две группы ФЕ:

1. ФЕ, репрезентирующие собственно природные явления и содержащие метеоним в прямом значении: эквиваленты (*дождь*) *льёт как из ведра / (киша) лије као из кабла* — при характеристике обильных осадков; частичные эквиваленты *с быстротой молнии / муњевитом бржином* с семантикой высокой степени быстроты протекания чего-либо; безэквивалентные ФЕ *дождь ливня льёт, с ветерком, как снежный ком* в русском языке, *пожурити као вихор (ветар)* — в сербском языке; ФЕ *ветер в ушах свистит* имеет семантические ограничения и употребляется только при характеристике быстрого бега или езды.

2. ФЕ, характеризующие человека и его жизнедеятельность, в которых метеоним может иметь метафорическое значение. Эта группа представлена рядом семантических подгрупп.

2.1. Подгруппа *Физическое состояние* содержит сербские ФЕ, обозначающие произвольные действия человека: *пољубити ледину* — ‘упасть’; действия, характеризующие двигательную активность, — *ухватити маглу* — ‘убежать’; *отићи у ледину* в значении ‘умереть’, *забости нос у ледину* — ‘погибнуть’.

2.2. В подгруппе *Эмоциональное состояние* в полных эквивалентах актуализируется семантика сильного возбуждения, волнения, — *буря в стакане воды / бура у чаши воде*; в частичных эквивалентах — страха: *мороз по коже дерет / увука му се студен*; в безэквивалентных — горя: опосредованно через плач в сербской ФЕ *плакати као киша* (ср. русск. ФЕ *плакати в три ручья*); одиночества: ФЕ *јадати се у ветар* — ‘жаловаться, плакаться безучастно’, — по мнению С. Петрович, имеет особо экспрессивный характер, поскольку человек не находит сочувствия, должного внимания, хотя ощущает сильную потребность выговориться, излить свои чувства [Петровић 2013]; угрюмости, мрачности — *туча тучей, чернее тучи* — при обозначении русскими ФЕ человека в плохом настроении.

2.3. *Особенности характера* представлены аналогами с компонентом *ветер/ ветар*, который через непостоянство, изменчивость воздушной стихии отражает легкомысленность, несерьезность человека: *ветер в голове (гуляет)* и *имати луди ветар у глави*; в русской ФЕ *ветер на уме*.

2.4. В подгруппе *Деятельность человека* выделяются ФЕ, характеризующие внутреннюю мыслительную деятельность, и внешнюю — неречевое и речевое поведение человека.

2.4.1. Непосредственно *мыслительную деятельность* представляют сербские безэквивалентные ФЕ *извадити из ветра* — ‘придумать что-либо’; *хватати маглу* — ‘увлекаться чем-то нереальным’ (ср. русск. ФЕ *витать в облаках*).

2.4.2. При характеристике *неречевого поведения* компонент *магла* используется в сербской ФЕ для обозначения необдуманых действий и поступков: *као гуска у маглу*.

Сема хитрости актуализируется в сербской безэквивалентной ФЕ *навлачитити/ навучи на танак лед кога*, где лёд ассоциируется с опасным делом за счёт своей хрупкости в прямом значении. Близка по значению русская ФЕ *наводит тень на ясный день*.

Речевое поведение, когда говорят без пользы, зря, представлено полными и частичными эквивалентами: *бросать слова на ветер/ (брбљати, говорити) бацати речи у ветар; говорить (или болтать) на ветер/ у ветар (говорити, рећи)*.

С лингвокультурологической точки зрения интересна безэквивалентная сербская ФЕ *заобилазити (вртети се) као киша око Крагујевца* — ‘говорить о чём угодно, только не о том, что нужно, важно’. Метафоризация происходит по признаку сходства речевого поведения человека с природным явлением: г. Крагујевац, отличающийся особым микроклиматом (там редко идут дожди), выступает метафорой важной и интересующей собеседника темы, которую говорящий сознательно не затрагивает во время разговора.

Безэквивалентная русская ФЕ *метать громы и молнии* характеризует резкое речевое поведение человека. Метафорический перенос основан на значении явления грозы, однако можно установить ассоциативную связь и с представлениями о природе в славянской мифологии, когда гром и молния — проявление гнева языческого Бога громовержца Перуна (ср. ФЕ *метать перуны*).

Семантика обмана представлена безэквивалентными ФЕ с метеонимом *туман/ магла: напустить туману в глаза и продавати маглу*.

Компонент *ветер/ ветар* в обоих языках может актуализировать значение бесполезности или праздности. Значение ‘бездельничать’ имеют частичные эквиваленты: устар. *гонять ветер и капом ветар гонити (терати)*.

2.5. В подгруппу *Жизненные обстоятельства* можно отнести безэквивалентные ФЕ, также в определенной степени связанные с жизнедеятельностью человека: *отићи у ветар* и *ищи (свищи)/ догоняй ветра в поле; как ветром сдуло* — при фиксации бесследного исчезновения кого-, чего-либо. Интересно, что часто негативный семантический оттенок ФЕ с компонентом-метеонимом *ветер* объясняется народными представлениями славянских народов о ветре как о некой демонической силе, на что указывается в труде Н. И. Толстого [Толстой 1995].

При актуализации семы опасности функционируют частичные эквиваленты *тучи сгустились* (синоним *гроза собирается*)/ *надвили се црни облаци над ким* — ‘кому-либо угрожает опасность’; затруднительное положение репрезентируется метеонимом *лёд/ лед* в безэквивалентных ФЕ *на леду ватру ложити* — ‘в борьбе с трудностями, бедностью пытаться сделать невозможное’ и *биться как рыба об лёд* — ‘сильно нуждаясь, бесплодно, безрезультатно добиваться улучшения материального положения’. Неожиданно возникающие обстоятельства репрезентируются русскими ФЕ *пасть как снег на голову, (как) гром среди ясного неба*.

Таким образом, сопоставительное исследование ФЕ с компонентом-метеонимом способствует выявлению национально-культурной специфики русской и сербской языковой картины мира.

Литература

Петровић С. Значења и употреба фразеологизама који садрже лексему ветар // Наука и савремени универзитет — студентска перспектива. 2013. С. 648–662.

Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.

БИБЛЕЙСКОЕ КРЫЛАТОЕ СЛОВО В СЛАВИИ

Мокиенко Валерий Михайлович

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: славянские языки; межкультурные связи славянского мира; библеизмы; крылатые слова и выражения.

Межкультурные связи славянского мира во многом стимулировались переводами Библии на национальные литературные языки. При этом, несмотря на универсальности текста Священного Писания и его структурно-семантическое единство в каждом из языков, на которые оно переведено, наблюдаются не только сходства, но и существенные различия, обусловленные как теологическими, так и лингвокультурологическими факторами. Именно поэтому наследие Библии заслуживает специализированного анализа при сопоставлении даже близкородственных языков. Особое внимание при этом уделяется крылатым словам и выражениям библейского происхождения, поскольку именно они запечатлели и сохранили образную и идеологическую «боговдохновенность» Священного Писания.

В докладе предлагается сопоставительный анализ наиболее употребительных славянских библеизмов, отразивших как межкультурную общность таких языковых единиц, так и их достаточно заметное различие.

К первым, почти тождественным, относятся такие библейские крылатые слова и выражения, которые и в своей семантике, и в своей структуре сохранили тождественность, близкую к исходному сакральному тексту. оборот *альфа и омега* ‘самая суть, основа чего-л.; нечто самое значительное’, восходящий к Новому завету: «Я есмь *альфа и омега*, начало и конец...» (Откр 1, 8); «Я есмь *альфа и омега*, первый и последний» (Откр 1, 10). Он построен на столкновении противопоставленных компонентов: *альфа* и *омега* — первая и последняя буквы греческого алфавита (греч. Α, α и Ω, ω) и в разных славянских языках воспроизводится именно в такой форме и смысле:

бел. *альфа і амега*

укр. *альфа і омега*

польск. *alfa i omega*

словацк. *alfa a omega*

чеш. *alfa a omega*

болг. *Алфа и Омега.*

мак. *Алфа и Омега.*

серб. *алфа и омега*

словен. *alfa in omega*

хорв. *alfa i omega*

Во всех этих языках выражение имеет книжную, высокую стилистику, а в некоторых может заменяться синонимами нейтрального стиля: рус. *от а до я*, укр. *від а до я*; словацк. *od a (á) [až] po z (zet)*, чеш. *od á [až] do zet*, хорв. *od a do ž* и под.

Ко второму типу библеизмов относятся такие, которые при общности исходного источника в каждом из языков проявляют достаточно большую амплитуду варьированности и тем самым обнаруживают заметные расхождения в образности соответствующих выражений. Таков книжный фразеологизм *замечать (видеть) сучок в чужом глазу* ‘замечать мелкие недостатки кого-л., не замечая своих, более крупных’. Он восходит к евангельскому тексту: «Что ты *смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?*.. Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (Матфей, 7, 3–5; Лука, 6, 41–42) и отмечен многими словарями крылатых слов и выражений. В современном русском языке слово *сучок* вошло из церковнославянского перевода Библии (первая фиксация — в «Изборнике» 1073 г.). В разных европейских языках оно переводилось и закреплялось литературной традицией по-разному, а слово «бревно» практически не варьировалось.

Таково, напр., словацк. *V cudzom oku vidieť smieť (smetie, smietku, a (ale) vo svojom brvno nevidieť* — «В чужом глазу видеть сор (мусор, соринку), а (но) в своем не видеть и бревна». В польских переводах соответствующего места Библии (*Ale przecz widzisz paździoroko w oku brata swojego, a bierzma w oku twoim nie widzisz?*) слово «сучок» передавалось такими словами, как *paździoroko* 'шелуха, оскрѣбки', *żdźbło* 'стебелек, травинка; соломинка', *pręt* 'прут, пруттик', *trzaszczka* 'щепка', *drzazga* 'щепка', *pyłek* 'пылинка, соринка', *malutka zadra, mała zadra* 'чешуя, чешуйка'. Ср. переводы библейской сентенции другими языками: укр. *У чужому оці порошинку бачити, а в своєму пенька не помічає*, пол. *W cudzym oku źdźbło upatrujemy, a w swoim [i] belki nie widzimy*; болг. *Вижда сламката в окото на другите, а не вижда гредата в своето; Виждам сламката в чуждото око, но не виждам гредата в своето*; нем. *Man sieht wohl den Splitter im fremden Auge, aber nicht den Balken im eigener* и др. При переводе библеизма рус. сучок (сучек, ц.-сл. сучыць, сЖчыць) возможны и другие компоненты с довольно разными значениями — напр., «соломинка», «стебелек», «щепочка». Семантика др.-рус. слова сучыць также была более широка: кроме 'сучок' оно обозначало и 'стебелек', 'тонкая веточка'. Не случайно поэтому и в художественной, и в разговорной речи и диалектах этот фразеологизм также допускает довольно широкое варьирование: *видеть у ближнего в глазу спичу, найти сорину в глазу журналистов*, ирк. *увидел соломинку, а бревна за собой и не заметил* и др.

Следует подчеркнуть, что предложенное распределение библейских выражений на две категории может быть обусловлено не только общим сакральным источником, но и межъязыковыми взаимодействиями в европейском лингвокультурологическом пространстве. Так, оборот *от Адама* 'с глубокой древности, с давних пор; с самого начала' известно многим европейским языкам, в том числе и славянским, напр.: бел. *ад Адама*, укр. *від Адама, починати від Адама*, пол. *od Adama I ewy zaczynaє*, чеш. *začínat co od Adama*, словацк. *začínať co od Adama*, в.-луж. *wot Nadama*, болг. *от [дядо] Адам; от Адама [и Ева], x/c od Adama [i Eve]*, нем *seit Adams Zeiten* и др. Разумеется, в основе фразеологизма лежит библейское представление об Адаме как о самом древнем человеке на земле, жившем в незапамятные времена. В то же время в русском языке оно является устаревшим и маркировано книжной стилистикой. Специальный анализ показывает, что оно — при своей библейской прозрачной образности, в русском языке является калькой с одного из европейских (неславянских языков), о чем свидетельствует его первая фиксация в XVIII в. в романе «Новый Телемак» К. Ф. Ламбера, переведенного на русский язык с французского (СлРя XVIII в. 1, 24).

При отмеченных различиях и неодинаковых судьбах проникновения в славянские языки библейские крылатые выражения отражают единство образности и культурологического содержания, заданные текстом Священного Писания.

Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00252, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете) в рамках проекта «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)».

Литература

СлРя XVIII в.: Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–23. Л. (СПб): Наука, 1984–2019. (издание продолжается). (Сл. XVIII в.).

ВЛИЯНИЕ УРБАНИЗАЦИИ НА АКСИОЛОГИЧЕСКУЮ ДИНАМИКУ СЛОВА (НА ПРИМЕРЕ ФРАГМЕНТА ТЕЗАУРУСА, ОБОЗНАЧАЮЩЕГО НЕУПОРЯДОЧЕННУЮ ГРУППУ ЛЮДЕЙ)

Никитенко Татьяна Васильевна

доцент, Белорусский государственный университет (Минск)

Ключевые слова: урбанизация; неупорядоченная группа людей; семантические изменения; оценка; пейоративный процесс.

Урбанизация изменяет природу социальной и культурной мобильности общества; подвижность общественной структуры может быть представлена как изменение положения людей, благ, информации в некотором социокультурном пространстве [Левада 1974: 28]. Исторически урбанизация представлена в следующих цифрах: доля населения, проживавшая в больших городах, за 1722–1910 гг. возросла с 0 до 40 %, в средних городах — с 2 до 37 %, в малых городах, наоборот, сократилась с 98 до 23 %. Перераспределение населения между средними и малыми городами обнаружилось с конца XVII в., а концентрация жителей в больших городах как непрерывная тенденция — с середины XIX в. [Мионов 2014: 798–799].

Повышенная мобильность населения, отход от прежнего уклада жизни, перестройка социальных и межличностных отношений ведут к пересмотру и переоценке ценностей, что находит отражение в языке. Показательна история некоторых слов, обозначающих объединение людей, часто неорганизованных и низкого социального происхождения, обладающих прагматическим значением (негативная оценка, стилистическая маркированность и др.) Большинство из таких слов вошли в лексическую систему в период активных процессов урбанизации и отхода от привычного деревенского уклада жизни.

Целью исследования является установление взаимосвязи между динамикой фрагмента тезауруса, обозначающего объединение, группировку людей, часто неорганизованных и низкого социального происхождения, и периодом активного развития города и роста городского населения. Материалом исследования послужили данные толковых и исторических словарей, фрагментов текстов, извлеченных из электронных корпусов текстов, позволяющие на основе сопоставительного анализа выявить динамические процессы в семантике изучаемой лексики.

Во второй половине XVIII в. — первой половине XIX в. отмечены многочисленные экспрессивно-оценочные единицы, обозначающие скопление, неупорядоченную группу людей. Среди них выделяются заимствования, как например, *клика* из французского *clique* 'шайка, банда'. Начиная с 60–70-х годов XIX в. словоупотребление лексемы становится более частотным; показательна ее сочетаемость с преимущественно негативно-оценочными прилагательными, такими как *разношерстный*, *шарлатанский*, *праздношатающийся*, *московский* и др. Ср.: <...> *Вы отбили наперед поползновения делать из Вашего имени рекламу и чуелу с благосклонной улыбкой в сторону пустейшей московской клики — и это пойметя большинством публики* (П. В. Анненков. Письма И. С. Тургеневу, 1875–1883).

В этот период переосмыслились многие давно существовавшие слова в сторону ухудшения значения.

Лексическая единица *отребье* (*отребие*), известная по письменным источникам с конца XV в. (1499) функционировала в значении 'мусор, отребье'. Корпус фиксирует только одно вхождение с этой единицей в XVIII в. в религиозном контексте, очевидно, без дополнительной экспрессии в значении 'низшие, отвергнутые слои общества'. В первой половине XIX в. уже отмечено 5 контекстов; слово лишено резкой экспрессии. В городских реалиях *отребие* начинает приобретать экспрессивно-оценочные оттенки, на что дополнительно указывает сочетаемость лексемы и более широкий контекст, ср.: *отребье общества, отребье — это днище Петербурга, одичавшая и бесшабашная часть городского населения, отребье не имеет документов* и др. Пр.: *Так и в большей части Петербурга: отребье и чернорабочая бедность на дне столицы*, <...> (Н. Г. Помяловский. Молотов, 1861).

Словообразовательный дериват *подонки* впервые зафиксирован в письменных источниках в XVIII в. В Словаре Академии Российской (1789–1794) приводятся единственная (поддонок) и множественная формы данного слова в значениях ‘все то, что подо дно сосуда поставляется’ и ‘всякие частицы из жидкого тела на дно оседшие; грубое сгустившиеся в каком-л. жидком теле вещество, на дно оседшее’. В 60-х годах XIX в. у слова развивается переносное метафорическое значение, близкое к современному ‘деклассированные, разложившиеся элементы общества’. Первые контексты словоупотреблений в таком значении также дают некоторое представление о референтах. С одной стороны, это нищие, бродяги, попрошайки, т. е. дно общества, с другой, беспринципные, преступные жители. Во многих случаях речь идет о жителях крупных городов. *Не смотря на эти общія черты, между нищенствомъ и бродяжествомъ есть довольно существенная разница. Нищій есть настоящие подонки общества. Въ немъ нѣтъ ни стыда, ни чувства собственнаго достоинства* (Н. В. Шелгунов. Бродяги и нищие // «Дело», № 6, 1867).

В современном русском языке существует достаточно обширная группа номинаций, обозначающих объединение, группировку людей, часто неорганизованных, низкого социального положения, с неблагоприятными или преступными намерениями (*сборище, сброд, свора, стадо, толпа, рвань, отребье, шваль* и др.). Большая часть этих слов в данном значении вошла в лексическую систему русского языка в период активных процессов урбанизации, отхода от привычного деревенского уклада жизни, развития дихотомии «город — деревня» и датируется периодом XVIII–XIX вв.

Исследование выполнено при поддержке Гранта ректора БГУ по теме «Динамика семантических процессов в истории языка (на материале оценочной лексики славянских и германских языков)».

Литература

- Левада Ю. А., Долгий В. М., Левинсон А. Н. Урбанизация как социокультурный процесс // Урбанизация мира. М.: Мысль, 1974. С. 19–31.
- Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. / Б. Н. Миронов. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 896 с.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ТРАНСФЕР В РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ УСТНЫХ И ПИСЬМЕННЫХ ОТВЕТОВ ТРКИ)

Пономарева Мария Андреевна

специалист-тестор Центра языкового тестирования СПбГУ, Санкт-Петербургский
государственный университет

Ключевые слова: отрицательный трансфер; чешский язык; русский как иностранный; ТРКИ.

Создание национально ориентированных языковых курсов и учебных пособий по русскому языку как иностранному является актуальным вопросом современной науки. Учёные сходятся во мнении, что национально ориентированный учебник является наиболее эффективным для достижения лингводидактических целей. Такой учебник позволяет не только дополнительно отработать те темы, которые выявляются через типичные ошибки, но и даёт возможность не планировать значительного учебного времени на темы, которые легко усваиваются на базе уже освоенного языка.

Исследование отрицательного трансфера в русской речи носителей чешского языка позволяет выделить типичные структуры, которые вызывают наибольшие затруднения при усвоении русского языка как иностранного.

Материал исследования — письменные и устные ответы Теста по русскому языку как иностранному первого уровня — ТРКИ-I (или уровня B1 по международной классификации). Тест по русскому языку как иностранному (ТРКИ) — это государственный экзамен по русскому языку как иностранному (РКИ), разработанный ведущими специалистами в сфере РКИ из МГУ и СПбГУ в 90-х гг. XX века. Система тестов по РКИ ориентирована на Общеввропейские компетенции владения иностранным языком [Common European Framework of Reference, 2011]. В настоящее время ТРКИ широко распространён за рубежом, так как по итогам тестирования выдаётся сертификат международного образца, который признаётся во многих странах мира как работодателями, так и учебными заведениями. Сертификат уровня B1 необходим для освоения программ бакалавриата в российских учебных заведениях, поэтому тест данного уровня является наиболее популярным среди иностранцев, изучающих русский язык, в том числе и среди носителей чешского языка.

Анализ письменных ответов позволил выделить следующие примеры отрицательного трансфера.

- Использование графической системы родного языка (*он находится в городе PARDUBICE*).
- Влияние графической системы родного языка (*Кде ты хочешь остановиться? Я изгорога... Канукулы у меня будут в мае*).
- Лексические ошибки (*Сегодня я хочу идти в театр на новую игру — на novou hru*).
- Трансфер грамматической модели «*Rád dělám*» (*Я рада смотрю фильмы*).
- Ошибки в употреблении глагольных форм (*После свадьбы мы планируем лететь к морю, хочет стать тренером*).
- Нарушения при использовании глагольной связки «*быть*» (*...что есть очень интересное смотреть историю*).
- Ошибки в употреблении существительных и местоимений (*Ей 22 лет, Я бы хотел тебе пригласить, свадьба будет в Праге на красивом замку, Она училась на самой университете как я*).
- Ошибки в употреблении предлогов (*Недалеко Каури есть море, ему дали землю про зоо-сад, поехать на отпуск в горы*).
- Ошибки при выражении временных отношений (*За месяц я буду жениться, Перед месяцем она поступила в магистратуру*).

Анализ устных ответов позволил выделить следующие примеры отрицательного трансфера на фонетическом уровне: трансфер вербальных пауз хезитации; отсутствие редукции гласного в безударной позиции (*ф[о]рель, в[о]да*); использование дифтонгов (*наши с[оу]седи, в рест[ау]ране*); использование протетического [j] (*объяснить [й]им ситуацию изнутри*); отсутствие лабиализации гласного (*хлеб был ч[э]рствым, он ш[э]л*); палатализация (*Я живу в Праге*).

На словообразовательном уровне следует отметить трансфер суффиксов (*пешеходец, антический*), усечение суффиксов (*Это текст о двух мужчинах, которые приехали в гостину*), нарушения в использовании деминутива (*детская площадь*).

На лексическом уровне можно отметить примеры трансфера при употреблении:

- существительных (*Вы можете привезти пиво, которое у нас очень вкусное, или шоколад, или только взломки из Чехии*);
- местоимений (*Он слышал, некод утонул*);
- прилагательных (*У нас природа очень клидная, и мы были спокойны*);
- глаголов (*На интернете можно найти информации, коммуницировать с друзьями, а так дальше*);
- вводных слов (*Можна, этот мужчина, когда он был очень маленький, поймал рыбу («можна» в значении «наверное»*);
- Также можно отметить примеры нарушения лексической сочетаемости (*Интернет занимает большую роль в моей жизни, Мне нужна одностная квартира*).

В русской речи носителей чешского языка можно отметить следующие примеры отрицательного трансфера на уровне грамматики:

- ошибки в падежной системе (*Мне болит голова, Они сказали мужчинови*);
- нарушения в употреблении глагольного вида (*Вещи, которые я сделаю весь день, мне надо занести в интернет*);
- ошибки в использовании возвратных глаголов (*Я бы не могла списывать с подругами*);
- нарушения в использовании предлогов и союзов (*В первом этаже есть кухня, Сегодня я пойду до театра, Вадим, я хочу, аби ты пригласил в мой город*);

Также следует отметить синтаксические ошибки (*Я бы вас попросил, если вы мне можете скинуть адрес, Они познакомились, так им было шесть лет*)

Таким образом, примеры отрицательного трансфера в русской речи носителей чешского языка можно выделить на всех языковых уровнях. В дальнейшем этот материал можно использовать при создании национально ориентированного учебника по русскому языку как иностранному для носителей чешского языка.

Литература

Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Cambridge University Press, 2011. 258 p.

СЛЕДЫ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА В ИСЧЕЗНУВШИХ ОЙКОНИМАХ РОССИИ

Попов Сергей Александрович

доцент, Воронежский государственный университет

Ключевые слова: ономастика; топонимический мартиролог; ойконимия; социолингвистика.

За последние десятилетия топонимикон Российской Федерации лишился нескольких десятков тысяч наименований населенных пунктов (ойконимов). Соответственно, на такое же количество названий пополнился и топонимический мартиролог страны.

Среди основных причин исчезновения ойконимов мы выделяем реорганизацию населенных пунктов (в форме слияния, присоединения, выделения, разделения), их упразднение и переименование.

В настоящее время в автоматизированном государственном каталоге географических названий зарегистрированы алфавитные списки названий географических объектов Российской Федерации, снятых с учёта как прекративших существование, в которых зафиксированы 5 будок, 5 курортных поселков, 6 поселков при станции, 8 казарм, 13 кордонов, 14 станций, 15 станиц, 20 городов, 28 железнодорожных станций, 28 разъездов, 30 дачных поселков, 34 участка, 36 местечек, 41 рабочий поселок, 43 слободы, 101 аул, 101 выселок, 228 починков, 245 улусов, 263 поселка городского типа, 2361 хутор, 2629 сёл, 9784 поселка, 28336 деревень, — всего 44374 населенных пункта.

Согласно данным информационного бюллетеня «Изменения в наименованиях географических объектов Российской Федерации (1998–2023 гг.)», за указанный период в нашей стране было переименовано 518 географических объектов [Изменения 2023].

Среди исчезнувших ойконимов встречаются наименования украинского происхождения, причем существовавшие не только на территории российско-украинского пограничья России (Белгородская, Брянская, Воронежская, Курская, Ростовская области), но и в ряде других регионов. Ушедшие названия представляют собой большую историко-культурную ценность для указанных субъектов Российской Федерации, поскольку в них были зафиксированы основные этапы их хозяйственного освоения.

Как справедливо утверждает профессор ВГУ Г. Ф. Ковалев, «в процессе лингвокраеведческой работы необходимо не забывать, что на нашей территории ономастические данные южнорусских и украинских говоров одинаково важны при изучении региональных особенностей нашего края, а также для воспитания истинного патриотизма, лишённого элементов узколобой великодержавности» [Ковалев 2002: 245].

Следы украинского языка в исчезнувших ойконимах России проявляются на разных уровнях языка:

I. Фонетический уровень: х. *Лозовый* (ср.: рус. Лозовой), сл. *Галапівка* (ср.: рус. Галаповка), х. *Гусинка* (ср.: рус. Гусинка, Гусиновка, Гусёвка).

II. Лексический уровень:

1. Антропоойконимы, основы которых содержат украинскую нарицательную или проприальную лексику, обозначающую:

а) род занятий человека: х. *Крахмалев* (*крахмаль* — ‘крахмальщик’);

б) прозвища, данные их носителям по внешнему виду, характеру, по ассоциациям с животным и растительным миром: х. *Бабаково* (*бабак* — ‘сурок’).

2. Ойконимы, отражающие названия орудий производства, род занятий населения: х. *Кощарный*; х. *Попасный*.

3. Геогенные топонимы, в основе которых содержатся различные признаки географических объектов, природных условий местности, отражающие:

а) гидрографические особенностями местности: с. *Криница*, х. *Копани*, (*копанка*, *копан* — ‘яма, вырытая для сбора воды’, ‘колодец без сруба’);

б) местоположение населенного пункта: х. *Красный Кут* (*куток* — ‘угол’, ‘окраина поселения’, ‘часть, сторона села’);

в) особенности растительного или животного мира региона: п. *Зелёный Гай* (*гай* — ‘роща, небольшой лиственный лес’), х. *Тхоревка*, (*тхір* — ‘хорёк, хорь’).

4. Этнотопонимы, в которых отражен этнический состав проживавших в данной местности людей: с. *Панская Гвоздёвка* (было названо по украинским казакам-переселенцам, которых в Воронежской губернии называли панами, черкасами; в 1966 г. Панская Гвоздёвка переименована в Гвоздёвку), с. *Черкасская Гвоздёвка* (одно из прежних названий с. Гвоздёвка), с. *Черкасская Тростянка* (прежнее название с. Хохол-Тростянка).

Особую группу в исчезнувших ойконимах Воронежской области составляют названия населенных пунктов, повторяющие географические реалии Украины: х. *Верхнее Киевское*, х. *Новокиевское*.

III. Словообразовательный уровень представлен отантропонимическими ойконимами с украинскими притяжательными суффиксами *-енко-*, *-енков-*: х. *Гордиенков*, х. *Диденков*, х. *Марченков*.

Таким образом, многовековые языковые контакты двух родственных восточнославянских народов привели к прочной фиксации украинских ойконимов в России и сделали их частью русской национальной культуры.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект 23-28-01737 «Топонимический мартиролог Российской Федерации на современном этапе: социолингвистический аспект», <https://rscf.ru/project/23-28-01737/>.

Литература

Изменения в наименованиях географических объектов Российской Федерации (1998–2023 гг.): Информационный бюллетень. Росреестр, 2023. [Электронный ресурс] URL: https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/19-upr/%D0%91%D0%AE%D0%9B%D0%9B%D0%95%D0%A2%D0%95%D0%9D%D0%AC%20%D0%A0%D0%9E%D0%A1%D0%A1%D0%98%D0%AF_2023%20%D0%B3.rar (дата обращения: 16.05.2024).

Ковалев Г. Ф. Ономастические этюды: Писатель и имя. Воронеж: ВГПУ, 2002. 275 с.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «КАШТАНКА»

Раина Ольга Викторовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Петрова Анфиса Владимировна

студент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: Чехов; польский язык; рассказ; перевод.

Рассказы А. П. Чехова, несущие в себе бесконечно добрый, искренний, человеческий посыл, понятны людям во всем мире и сегодня по праву являются достоянием всего человечества, количество переводов произведений писателя на языки мира продолжает неуклонно расти.

Поиски максимально эквивалентных и адекватных способов передачи национально-культурных и индивидуально-стилевых особенностей художественных текстов приводят к появлению различных вариантов переводов на один и тот же язык.

В докладе рассматривается проблема перевода стилистически окрашенной лексики в рассказе А. П. Чехова «Каштанка». Дан краткий обзор осмысления рассказа российскими и зарубежными филологами. Приводятся примеры стилистического смещения при описании событий подчеркнуто бытового характера, а также примеры интерпретации сниженной разговорной и даже просторечной лексики на польский язык. Сравнивается степень адекватности и эквивалентности переводов с русского языка на польский. Интерпретация стилистически окрашенной лексики при переводе художественного произведения — одна из наиболее сложных задач для переводчика, поскольку поиски коррелята для лексемы оригинала усложняются наличием в ней не только денотативного, но и коннотативного стилистического значения. Задача переводчика — адекватно воспроизвести в рамках переводного текста используемые автором стилистически маркированные языковые единицы.

Материалом исследования являются послужил рассказ А. П. Чехова «Каштанка» [Чехов 1950] и его перевод на польский язык, выполненный Ежи Вышомирским [Czechow 1953].

Жанр короткого рассказа предполагает особое отношение к тексту: невозможность развернутого описания требует максимальной информативной отдачи от каждого слова. Поэтому в рассказах Чехова каждое слово — единственно возможное. Одним из основных приемов анализируемого произведения является прием стилистического смещения, который заключается в перемещении лексем одного стиля речи в другой.

Употребление сниженной разговорной и даже просторечной лексики служит одним из способов сокращения дистанции между автором и народом и встречается как в речи героев, так и в авторском повествовании, например, русск. *Чтоб... ты... из... дох...ла, холера; Он размахивал руками и, глубоко вздыхая, бормотал; Псина, ты откуда; Сначала он дал ей хлеба и зеленую корочку сыра, потом кусочек мяса, полпирожка, куриных костей, а она с голодухи всё это съела так быстро, что не успела разобрать вкуса; Пока ее новый хозяин, развалившись в кресле, курил сигару, она виляла хвостом; «Пошла вон, треклятая!»; Ах ты, старая каналья! Милые родственники, чёрт бы вас взял!* [Чехов 1950: 15] польск. *Więc... ty... umierasz... cholera; Machał ramię i mruczał, wzdychając głęboko; Psinko, skąd jesteś? Najpierw dał jej chleb i zieloną skórkę sera, potem kawałek mięsa, pół placka, kości kurczaka, a ona, będąc głodna, zjadła wszystko tak szybko, że nie miała czasu rozpoznać smaku; Podczas gdy jej nowa właścicielka, wylegując się na krześle, paliła cygaro, ona machała ogonem; „Wynoś się, przeklęty!»; Och, ty stary draniu! Kochana rodzinka — niech ją wszyscy diabli* [Czechow 1953: 11].

При переводе разговорной лексики с русского языка на польский язык переводчик использует следующие виды межъязыковых коррелятов:

1. Единицы с тождественной стилистической маркированностью. При интерпретации данной группы лексики эквивалентный перевод встречается чаще, чем при переводе книжных

лексем (рус. *холера*, польск. *cholero*; рус. *псина*, польск. *psinko* и др.). Например, рус.: *Милые родственники, чёрт бы вас взял* [Чехов 1950: 23]; польск.: *Kochana rodzinka — niech ją wszyscy diabli* [Czechow 1953: 19].

2. Единицы с иной стилистической маркированностью. При переводе разговорной и просторечной лексики в польском тексте могут использоваться лексемы, принадлежащие к нейтральному стилю. Например, рус.: *От радости, что ее взяли гулять, она прыгала, бросалась с лаем на вагоны конно-железки, забегала во дворы и гонялась за собаками* [Чехов 1950: 39]; польск.: *Z radości, że jest na spacerze, skakała, rzucała się z ujadaniem na wagony tramwaju konnego, wradala na podwórka, uganiała się z psami* [Czechow 1953: 34]. Существительное конно-железка относится к разговорной лексике благодаря наличию в его структуре оценочного суффикса -ка-. Невозможность присоединения подобного словообразовательного форманта к основе польского существительного вынуждает переводчика использовать коррелят с иной морфемной структурой и, как следствие, с иной стилистической маркированностью.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что стилистически маркированной лексике в переводе довольно часто соответствует лексика нейтральная. Маркированная лексика, обладающая различными эмоционально-экспрессивными оценками, а также культурными и историческими коннотациями, в польском переводе представлена гораздо беднее, чем в оригинале. Рассмотренный нами материал показал, что несмотря на изредка появляющиеся в польских переводах ошибки, следует признать работу переводчика абсолютно профессиональной, подтверждающей его талант и особенное переводческое чутье.

Литература

Чехов А. П. Каштанка. М., Ленинград, 1950. 63 с.

Czechow A. Kasztanka. Wilnius: Państwowe wyd-wo lit. pięknej Litewskiej SRR, 1953. 47 с.

ВАРИАНТНОСТЬ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО МИНИМУМА С КОМПОНЕНТОМ «СОБАКА» И ИХ ЧЕШСКИЕ ПОСЛОВИЧНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Сергиенко Олеся Сергеевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: паремиологический минимум; вариантность; пословичные параллели; чешский язык; пословичная картина мира.

В настоящем докладе исследуется вариантность современных русских пословиц с компонентом собака, входящих в новейший паремиологический минимум русского языка (по состоянию на 2022 год), выявленный в результате социолингвистического паремиологического эксперимента с участием 340 информантов, носителей русского языка и опубликованный членами научного коллектива кафедры славянской филологии под руководством проф. М. Ю. Котовой в 2023 году [ТП 8]. В результате данного социолингвистического опроса был сформирован список из 543 активных современных русских пословиц, к которым мы относим только те, которые были продолжены минимум 15 % информантами.

В паремиологический минимум 2022 года вошли семь пословиц с компонентом «собака» (в скобках указан процент информантов, продолживших ту или иную пословицу):

- Вот где собака зарыта (порылась)* (91,8 %);
- Собака на сене: сама не ест и другим не дает* (81,7 %);
- Собака лает, караван идёт (ветер носит)* (72,4 %);
- Собаке — собачья смерть* (63,0 %);
- Для бешеной собаки семь (сто) вёрст не крюк* (53,2 %);
- Не та собака кусает, что (которая) лает* (37,9 %);
- Когда на охоту ехать, тогда /и/ собак кормить* (20,3 %).

Как и в пособии «Тетради паремиографа. Выпуск 8», здесь мы в круглых скобках приводим варианты к инварианту пословицы, выделенные нами при анализе результатов социолингвистического паремиологического эксперимента; в косых скобках даются факультативные варианты, которые могут быть опущены без потери смысла.

Результаты социолингвистического опроса позволили не только скорректировать паремиологический минимум Г. Л. Пермякова, установленный в 70-х гг. XX в., но и выявить широчайший спектр вариантных форм, в которых русские пословицы существуют в сознании современных носителей языка. Научный интерес, несомненно, представляют все указанные респондентами варианты окончания пословиц. Некоторые из них по своей популярности могут конкурировать с инвариантом, другие отражают территориальную или социально-культурную принадлежность опрашиваемых, третьи являются окказионализмами.

Так, например, интересная ситуация в ходе паремиологического опроса сложилась вокруг продолжения пословицы *Собака лает...* [ТП 8: 386–388]. В «Русско-славянском словаре пословиц с английскими соответствиями» М. Ю. Котовой [РССПАС], который являлся основным источником пословичного материала для опроса, данная пословица была указана как *Собака лает, ветер носит*. Так говорится о болтливом человеке и слухах, которые распространяются на основе его слов, но на которые мало обращают внимания [РССПАС: 146]. Однако такой вариант указало только 75 респондентов (22 %). В то время как 184 респондента (54 %) продолжило пословицу иначе: *Собака лает, (а) караван идет*. В то время как первый вариант по данным «Большого словаря русских пословиц» встречается еще в русских сборниках пословиц начала XVIII века, вариант с караваном, известный в разных вариантах в большом количестве языков, появляется в русских паремиологических сборниках только в конце века XX [Мокиенко 2010: 841].

В докладе будут классифицированы все отраженные информантами варианты пословиц с компонентом *собака* и проанализированы все типы вариантности на лексическом,

синтаксическом, стилистическом, морфологическом и фонетическом уровнях языка. Интересно то, что многие респонденты, несмотря на задание давать завершение лишь известных им пословиц, дописывали окончания, вероятно, придуманные ими самими. Отдельное внимание мы уделим окказиональным явлениям авторского паремиотворчества и искажениям традиционных русских пословиц, отмеченным в ходе паремиологического эксперимента, явлениям, лежащим уже за пределами традиционной, нормативной вариантности, которая не воспринимается современными носителями языка как искажение пословицы. Так, образ собаки встречается в ответах информантах нашего паремиологического эксперимента в самых неожиданных пословицах:

Голод не собака (1 инф.)

На бедного Макара всех собак повесили (1 инф.)

Нечистая совесть кусает, как собака (1 инф.)

Большинство указанных пословиц имеет в чешском языке пословичные параллели, также содержащие компонент «собака» (по-чешски *pes*):

Pes, který štěká, nekouše (Ср. рус. *Не та собака кусает, которая лает*)

Tady je zakopaný pes (Ср. рус. *Вот где собака зарыта*)

Однако согласно паремиологическому опросу 100 чешских информантов, проведенному в 2003–2004 гг., результаты которого были представлены в докторской диссертации М. Ю. Котовой «Славянская паремиология» (СПбГУ, 2004) и кандидатской диссертации О. С. Сергиенко «Вариантность чешских и словацких пословиц» (СПбГУ, 2010), параллели к русским пословицам паремиологического минимума *Собака лает, ветер носит* и *Собаке собачья смерть* оказались практически неизвестны современным носителям чешского языка, варианты *Pes štěká a vítí odnáší* и *Psu psí smrt* были продолжены только двумя информантами.

Еще одна пословица *Собака на сене: сама не ест и другим не дает* имеет чешский аналог без компонента «собака» — *Sedí na tom jako žába na prameni* (букв. Сидит на нем, как лягушка на источнике) [ТП 2].

Исследование вариантности пословиц также тесно связано с такими понятиями лингвокультурологии, как языковая картина мира и паремиологическая картина мира. А данные паремиологических социолингвистических экспериментов предоставляют уникальные возможности для исследования и паремиологического фонда современного языка, и его паремиологической картины мира, что также станет предметом анализа в настоящем докладе.

Литература

- РССПАС — Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / под ред. П. А. Дмитриева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 360 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц около 70 000 пословиц. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1023 с.
- ТП 2 — Тетради паремиографа. Выпуск 2: М. Ю. Котова, О. С. Сергиенко. Чешские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума: Учебное пособие для студентов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 278 с.
- ТП 8 — Тетради паремиографа. Выпуск 8: М. Ю. Котова, Н. Е. Боева, О. В. Гусева, В. В. Мушчинская, О. В. Раина, О. С. Сергиенко. Паремиологический минимум русских пословиц 2022 года / под редакцией М. Ю. Котовой. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2023. 560 с.

ПОСЛОВИЦЫ ИЗ КОМЕДИИ А. С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА» (НА ФОНЕ СЛОВАЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДОВ)

Столярова Екатерина Сергеевна

магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

Новакова Кристина

преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: А. С. Грибоедов; пословица; перевод; словацкий язык; английский язык.

Пьеса А. С. Грибоедова (1825) богата актуализациями пословиц, которые стали общеизвестными и широко употребительными в русском языке. Комедия была переведена на 25 языков [Аблогина, 2010].

Цель данного исследования — стилистическая характеристика пословиц из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» [Грибоедов, 1987] на фоне анализа переводов пьесы на словацкий [Gribojedov, 1986] и английский языки [Gribojedov, 2017].

В ходе текущего исследования рассмотрены пословицы из пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума» и их передача в словацком и британском художественных переводах.

Пословичное выражение *И дым Отечества нам сладок и приятен* знакома носителю русского языка не только благодаря А. С. Грибоедову. Данное изречение попало в русский язык, по самой популярной версии, из латыни: *Et fumus patriae est dulcis* /букв. И дым отечества нам сладок/. Лексикограф Н. Т. Бабичев и филолог-классик Я. М. Боровский указывают, что источником изначально были стихи из «Писем с Понта» Овидия. Также латинская пословица была использована в качестве эпиграфа к журналу «Российский музей» (1792–1794).

В словацком варианте автор перевел фразу, применяя метод калькирования, — *Dym otčiny — aj ten nám býva milý, sladký!* /букв. Дым отечества нам также ласков, сладок!/ (GSL, s. 23). Хотя в словацком языке есть часто употребляемая пословица *Všade dobre, ale doma najlepšie* /букв. Везде хорошо, но дома лучше всего/. В английском переводе мы встречаем фразу в следующем виде: *Even your country's smoke, how sweet it is, how homely* /букв. Даже дым твоей страны, как он сладок, как уютен/.

В английском языке не оказалось эквивалента или аналога, однако в двух словарях («Большом англо-русском фразеологическом словаре» А. В. Кунина, «Русско-английском словаре пословиц и поговорок» С. С. Кузьмина и Н. Л. Шадрина), а также в книге «Тетради паремнографа. Выпуск 4» М. Ю. Котовой и А. А. Колпаковой обнаружены следующие пословицы *East or west, home is best* /букв. Между востоком и западом лучшее — это дом/ и *Home is home though it's never so homely* /букв. Дом есть дом, даже если он никогда не был домашним/. Пословица *East or west, home is best* имеет в русском языке пословичные параллели *В гостях хорошо, а дома лучше* или *Спасибо этому дому, пойдём к другому*. Вторая английская пословица также не передает полный смысл, однако, исходя из дословного перевода, все же могла бы использоваться, но с применением переводческих приемов. Таким образом, при переводе данной фразы Б. Парес применил метод описательного перевода.

Следующая пословица *Свежо предание, а верится с трудом* (Г., действие 2, явление 2, с. 77) присутствует в БСРПл. При этом авторы при указании паремии не указывают А. С. Грибоедова.

В словацком варианте автор обратился к методу описательного перевода: *Nos spomienka je svieža, ťažko uveriť* /букв. Хотя воспоминания свежи, (в это) трудно поверить/ (GSL, s. 32). Соответственно данная фраза не указана в справочных материалах, а также не применяется в качестве устойчивого выражения в интернет-пространстве. Стоит отметить, что близкое значение в словацком языке имеет пословица *Reči sa hovoria a chlieb sa je* /букв. Слова говорят, а хлеб едят/. Данная ПЕ означает, что нельзя верить всему, что говорится.

В английском тексте пословица представлена следующим образом: *'Tis hard to credit now, though fresh is its renown* /букв. Сейчас трудно поверить, хотя слава свежа (GEN, p. 80). Фразу не удалось найти в словарях, однако есть пример контекстной реализации на сайте, посвященном Тарасу Шевченко на английском языке (без авторства): <https://www.t-shevchenko.name/en/Prose/Artist/2.html> (Дата обращения: 22.04.2024).

При переводе пословицы Б. Парес применил приемы перестановки частей фразы и добавления наречия *now* и союза *though*. В данном случае переводчик использовал метод описательного перевода.

В заключении следует отметить, что переводчики применяли в первую очередь методы описательного перевода и калькирования. Впоследствии переведенные фразы потеряли афористичность, однако переводчикам в обоих языках удалось передать точный смысл пословиц и сохранить ритмическую организацию текста. Также варианты, представленные в словацком и британском текстах, практически не используются в публицистических материалах или неформальной коммуникации, за исключением пословицы *Свежо предание, а верится с трудом* в английском тексте, где переведенную фразу *'Tis hard to credit now, though fresh is its renown* удалось зафиксировать в интернете.

Литература

- Аблогина Е. В. «Горе от ума» в переводах: попытка статистики / Е. В. Аблогина, Н. Е. Разумова // Сибирский филологический журнал, 2010. № 3. С. 49–58.
- Грибоедов А. С. Сочинения в стихах / Вступ. статья В. П. Мещерякова, сост., подг. текста и примеч. Д. М. Климовой. Л.: Советский писатель. 1987. 512 с.
- Gribojedov A. Woe from Wit. Montpellier: Russian Life Books. 2017. 206 p.
- Gribojedov A. Útrapy z rozumu: Obraz života v Rusku po Napoleonskej vojne: Veršovaná komédia v 4 dejstvách / Alexander Sergejevič Gribojedov; Z rus. prel. Ján Ferencík. Bratislava: Tatran, 1986. 103 s.

РУССКАЯ И ЧЕШСКАЯ ЯЗЫКОВЫЕ КАРТИНЫ МИРА НА МАТЕРИАЛЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ КОМПОНЕНТА БАШНЯ (КОЛОКОЛЬНЯ, КАЛАНЧА, ЗВОННИЦА, ТУРУСЫ) / VĚŽ В РУССКОЙ И ЧЕШСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

Францева Алеся Игоревна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: компонент башня; пословица; русский язык; фразеологизм; чешский язык; языковая картина мира.

Цель исследования заключается в анализе русской и чешской языковых картин мира на материале сопоставления русских и чешских пословиц, поговорок и устойчивых сравнений, содержащих в своем составе компонент башня (колокольня, каланча, звонница, турысы) / věž. Лингвокультурологическая ценность заключается в сопоставлении двух культур на примере узкого, малоизученного архитектурного образа.

Первую группу составляют русские пословично-поговорочные выражения, например: *Башня поехала* [Мокиенко, Никитина, 2013: 33]; *Башня не варит*. [Там же: 33]; *Башня скрипит* [Там же: 33] и др., в которых происходит отождествление физических свойств человека с архитектурным сооружением. Значение 'неисправность', 'поломки', поддерживает экспрессивность поговорки, создавая условия для актуализации в широком культурологическом контексте.

Во вторую группу входят поговорки (фразеологизмы) с конструкцией «имя прилагательное + имя существительное»: *Вавилонская башня* [Мокиенко, Никитина, 2013: 33]; *Пизанская башня* [Мокиенко, Никитина, 2013: 33]; *Эйфелева башня* [Мокиенко, Никитина, 2013: 33], которые являются национальными символами, вызывающими языковые, культурологические, контекстные ассоциации. В чешском языке: *stavět babylonskou věž* [Čermák, 1994: 263].

Выражение из французской художественной литературы *башня из слоновой кости*. [Мокиенко, Никитина, 2013: 33], ср. *žít ve věži ze slonové kosti / věž ze slonové kosti* /букв. жить в башне из слоновой кости/ [Čermák, 1994: 263] в русском и чешском языках обладает афористичностью и метафоричностью, ассоциируется с миром мечтаний и изоляцией от бытовых проблем.

Во фразеологизмах *накрыть башню, отвернуть башню, снести (свернуть) башню* [Мокиенко, Никитина, 2013: 33] компонент *башня* эксплицирует способность субъекта победить или увлечь.

Чешский фразеологизм *vyvést někoho na věž* [Čermák, 1994: 263] корреспондирует с русским фразеологизмом *обвести вокруг пальца кого-нибудь*.

К третьей группе мы отнесли чешские устойчивые сравнения с компонентом *věž*, например: *vysoký jako věž* [Čermák, 1983: 378], ср. русск. *каланча пожарная*. В русском языке встречаются устойчивые сравнения в значении 'высокий', 'огромный', 'большой по объему': *сосны как мохнатые башни* [Мокиенко, Никитина, 2008: 40] или *высокий как башня* ср. *каланча* [Там же: 40].

Чешское устойчивое сравнение *lež jako věž (velmi veliká)* /букв. Ложь размером с башню/ 'большая ложь' [Čermák, 1983: 378] сопоставимо по семантике с русским фразеологизмом *разводить турысы на колесах*.

Группу устойчивых сравнений со схожим по семантике компонентом *колокольня / звонница* образуют разноструктурные устойчивые сравнения: *ограда выше колокольни* [Мокиенко, Никитина, 2008: 278], *ростом (высотой, вышиной) с колокольню* [Мокиенко, Никитина, 2008: 278], *как колокольня* [Там же: 278], *как звонница* [Там же: 218]. Встречаются в русском и чешском языках, имеют аналогичное семантическое значение и употребляются в речи.

Последнюю группу образуют пословицы с компонентом *башня (колокольня)* в русском языке, к которым пословичная параллель в чешском языке отсутствует: *Баба едет, хочет башню сбить, а воевода глядит, куда башня полетит* [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010: 25];

Отблаговестил, да с колокольни долой [Там же: 421]; *Колокольню видим, а кабака допроситься можно \ Что ни колокольня, то особый звон.* [Там же: 422].

В заключении приводятся выводы к докладу.

Литература

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. Большой объяснительный словарь (Более 45 000 образных выражений). М.: ОЛМА Медиа Групп. 2008. 798 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой русский словарь русских поговорок (более 40 000 образных выражений). М.: ОЛМА Медиа Групп. 2008. 783 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп. 2010. 1023 с.

Čermák F. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné. 1. vydání. Praha: Academie. 1994. 757 s.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ СЛАВЯНСКОГО МИРА

«МАШИНА ВРЕМЕНИ» В СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ 20-х — 30-х гг. XX ВЕКА (А. СЛОНИМСКИЙ, В. В. МАЯКОВСКИЙ, М. А. БУЛГАКОВ)

Бабанов Андрей Владимирович

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: славянские литературы XX века; научная фантастика; литературная компаративистика; литературные контакты.

Период между мировыми войнами принес в славянских литературах множество произведений, которые могли бы быть отнесены к научной фантастике. При этом их авторами были не только писатели, для которых фантастика стала основной сферой литературной деятельности (например, А. Р. Беляев), и которые, в силу дальнейшей судьбы научной фантастики, подробно описанной С. Лемом, рассматриваются как «периферия» историко-литературного процесса [Lem 1970], но и писатели, рассматриваемые как знаковые фигуры соответствующей эпохи. В русской литературе научно-фантастические сюжеты мы находим в произведениях Е. И. Замятина, А. Н. Толстого, М. А. Булгакова, в чешской литературе — в произведениях К. Чапека, в польской — у А. Слонимского.

Из всех упомянутых авторов фантастика в творчестве А. Слонимского оказалась наименее замеченной современниками и историками литературы — причем это касается именно научно-фантастических произведений, а отнюдь не всей литературной деятельности данного автора. Антоний Слонимский был заметной фигурой в литературной жизни Польши на протяжении нескольких десятилетий (с 20-х по 70-е гг. XX в.). В 1918 г. он стал одним из основателей литературного клуба в варшавском кафе «Под пикадором», которое годом позже оформилось в поэтическую группу «Скамандр». Эта группа и возглавляемые ее членами периодические издания во многом определили «литературный пейзаж» межвоенной Польши. В годы Второй мировой войны Слонимский оказался в эмиграции, и оставался там до 1951 г. В послевоенные эмигрантские годы в течение нескольких лет возглавлял лондонский Институт польской культуры, до 1948 г. возглавлял секцию литературы в ЮНЕСКО. Вернувшись в Польшу из эмиграции еще до «оттепели», на волне «оттепели» в 1956–1959 гг. он возглавлял Союз польских писателей. В 60–70-е гг. был в сложных отношениях с властями народной Польши, участвовал во многих акциях оппозиционно настроенной интеллигенции, за что поплатился ограничениями возможностей публиковать свои произведения, но до конца жизни из Польши не эмигрировал и не прекращал литературной работы. Любителям польской литературы он известен прежде всего как поэт и фельетонист, в меньшей степени — как драматург, и в последнюю очередь — как автор двух фантастических романов.

Первый из этих романов — «Торпеда времени» („Torpeda czasu”) — увидел свет в 1924 году. Роман посвящён в то время ещё сравнительно редкой для фантастики теме «хрономоции» (путешествие во времени). В разработке данной тематики, основоположником которой обычно считают Герберта Уэллса, Слонимский, безусловно, оригинален. В отличие от героя «Машины времени», его герои отправляются не в будущее, а в прошлое. И их приключения органично вплетены в размышления о том, могла ли история сложиться иначе. Так что можно говорить и о новаторстве Слонимского как автора исторической прозы — до него о прошлом так никто не писал. А от множества опытов «альтернативной истории», появившихся в литературе начиная с 50-х гг. XX в., роман Слонимского имеет еще одну сравнительно редкую особенность: альтернативность выступает не как результат иного более или менее случайного решения

исторической личности или иной конфигурации каких-то внешних обстоятельств, а как результат сознательной деятельности героя-хронопутешественника. Такой подход к истории позже можно найти у Станислава Лема, который, правда, реализовал его в гротескной тональности («Звёздные дневники, Путешествие двадцатое», 1971 г.).

К сожалению, в мировой литературе (или в мировой фантастике) новаторский, хотя и написанный под влиянием Уэлса, роман Слонимского не был замечен. В представлении подавляющего большинства исследователей тему последствий воздействия на прошлое в научно-фантастическую литературу ввел Рэй Бредбери (рассказ «И грянул гром», 1952 г.). В данном случае, видимо, приходится констатировать вопиющее неравенство авторов, пишущих на разных языках, усугубленное подходом к фантастике как литературе априори несерьезной, развлекательной, адресованной невзыскательному читателю. Если исторические или социально-бытовые романы польских писателей переводились на европейские языки и даже могли принести их авторам Нобелевскую премию (Генрик Сенкевич — 1905 г., Владислав Реймонт — 1924 г.), то проза, относимая к категории «несерьезная, для массового невзыскательного читателя» может так и не дожидаться перевода на основные европейские языки, а значимость фигуры автора в национальной литературе может в этом случае не стимулировать интерес, а наоборот, удерживать от перевода произведения, которое могло бы исказить представление об авторе, перемещая его в круг писателей «низкой» литературы.

Интересно, однако, что тема «машины времени», которая западную литературу в межвоенный период не интересует, находит параллели в русской литературе, создаваемой в 20-е — 30-е гг. в СССР. «Машина времени» занимает место главного объекта в комедии В. В. Маяковского «Баня» (1929 г.) и в нескольких пьесах М. А. Булгакова, возникших, по мнению некоторых исследователей, как своеобразная полемика с Маяковским или даже пародия на него («Блаженство» (1934), «Иван Васильевич» (1934–1936)) [Drawicz 2002]. В некоторых деталях самой «машины времени» и возникающих вокруг неё коллизий можно, однако, увидеть сходство и с романом Слонимского. Это обстоятельство может подтолкнуть к сопоставительному исследованию творчества и мировоззрения польского и русского писателей — как в аспекте типологической параллели (мировоззрение, фантастика, фельетонистика, место автора в литературной жизни страны в период правления коммунистической партии), так и в аспекте возможных контактных связей М. А. Булгакова с польской культурой. Точек для возникновения такого контакта в его биографии достаточно много, но исследований по данной проблематике найти пока не удалось.

Литература

- Drawicz A. Mistrz i diabeł: rzecz o Bułhakowie. [Warszawa]: Warszawskie Wydawnictwo Literackie MUZA SA, [2002]. 524 s.
- Lem S. Fantastyka i futurologia. Kraków: Wydawnictwo Literackie, [1970]. Т. 1. 292 s.; Т. 2. 458 s.

О СОВЕРШЕНСТВЕ НЕСОВЕРШЕННЫХ ЯЗЫКОВ (ПО СТРАНИЦАМ ТЕКСТОВ СЛАВЯНОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ)

Бразговская Елена Евгеньевна

профессор, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург)

Ключевые слова: семиотическое совершенство; адамический язык; репрезентация.

Постановка проблемы. В истории европейской культуры идея совершенного языка связана, прежде всего, с адамическим языком. Его анализ есть интеллектуальная авантюра (Ф. Анкерсмит). Однако «изучая иллюзии, можно открыть нечто реальное» [Эко: 2007; Эко 2019: 9]: изменить угол зрения на репрезентативные возможности и когнитивный потенциал вербальных и невербальных систем, включая искусственные языки. Цель работы связана с выявлением системы представлений о семиотическом совершенстве в текстах славяноязычных авторов XX–XXI вв. (О. Tokarczuk, Cz. Miłosz, W. Szymborska, S. Lem, М. Павић, Г. Петровић, В. Андоновски). Здесь интересно сопоставить точки зрения неакадемических мыслителей, работающих, по Ч. Милошу, в пространстве *scientific thinking into poetry*, и положения академической философии языка и когнитивной семиотики.

Семиотические критерии совершенного языка. Совершенная (лат. *perfectus*) репрезентация предполагает *абсолютную степень подобия знака и референта*. Язык «способен запечатлеть соловья так, чтобы картина содержала его самого и все его песни одновременно» (В. Андоновский). При «переходе» от Бога к Адаму язык обрёл *звуковую материю*: «Слово Бога, как и он сам, было бестелесным ... создавая Адама, Бог дал тело не только ему, но и словам его; так слова обрели звучание, а мир — явленность» (О. Токарчук). Воплощаясь в слова, как в своё «другое тело», вещи способны *преодолевать законы времени, гравитации, биологической жизни*. У М. Павича книги сообщают своему умирающему автору, что после смерти они станут его «другим» телом. Неразрывность связи слова и вещи позволяла, как считали мистики Ренессанса, *творить мир по слову*. По знаку можно создавать не только живое, но и смерть. В «Хазарском словаре» М. Павича принцесса Атех умирает, увидев смертоносные буквы на своих веках.

В анализируемом корпусе текстов звучит ***lament* над несовершенством вербальных систем**. В. Шимборская говорит о семантической неопределённости лексических единиц, потере ими первичного иконизма. О. Токарчук — о неточности литературных форм («проекции реальности бесконечно разнятся от человека к человеку»). Для выражения сущности Единого, — пишет В. Андоновский, — необходимо одно, столь же всеобъемлющее слово, но никто не знает его. Для М. Павича вещь «распадается» в последовательности знаков, обозначающих и её саму, и каждое из её свойств. Линейность синтаксиса сегментирует бесконечность на «до» и «после», создавая эффект улицы с односторонним движением («Хазарский словарь»). Ч. Милош свидетельствует против категоризации: «Общее всегда против Единичного». Категоризация — для людей, не для вечности: с перспективы Неба систематизация дней недели лишена всякого смысла (В. Шимборская). «Кто на каком языке говорит, так и мыслит», — к этой аксиоме сводит гипотезу лингвистической относительности О. Токарчук. Вопросам языкового детерминизма посвящена одна из глав «Сада наук» Ч. Милоша. С. Лем уверен: мы говорим о мире всегда неточно, поскольку неточность неустранима из структуры языков; следовательно, мы никогда не говорим о мире. Утратив язык Адама, мы пришли к тому, что любые попытки описать реальность, скорее, уничтожают её. В экфрасисах блёкнут краски, очертания предметов теряют форму — язык закрывает мир, вместо того чтобы его открывать, и самое значимое всегда останется тайной (О. Токарчук).

Язык Адама есть «лингвистический нонсенс» (Л. Колаковский). Можно допустить, что отсутствие в языке райского совершенства лексической и грамматической категоризации не позволяло его носителям мыслить, а одновариантная репрезентация вещи в знаке запрещала прагматику говорящего, метафоризацию, создание «возможных миров» литературы и философии. Об этом пишет В. Шимборская в «Ужасном сне поэта».

Когнитивно-семиотическое понятие совершенства вербальных систем. Должен ли существовать язык, собирающий в своих словах тотальность мира? [Фуко 1994]. Такой, как адамический, — нет. Для понимания того, в чём именно проявляется совершенство знаковых систем, следует выйти из «репрезентативной» парадигмы лингвистики. В дискурсе когнитивно-семиотических исследований (как и корпусе анализируемых литературных текстов) обосновывается: репрезентативное «несовершенство» языка и есть проявление его совершенства. Эволюция выбрала для нас приспособление к обстоятельствам, а не совершенство. Язык — для развития мышления, становления интеллектуальной истории. «Язык — творящий конструктор» (С. Лем). Всё, что претендует на универсальность (здесь и язык Адама), сдерживает развитие культуры. Эволюция языка предусмотрела не постоянство семантики своих знаков и текстов, но вероятностное расширение их семантического пространства. Совершенство человеческого мышления определяется дополнительностью вербальных и невербальных систем и ещё более масштабным единением языков, сознания, нашей телесности и физической реальности. Этот феномен «расширенного сознания» обсуждается на страницах романа «Empuzjon» О. Токарчук. Идеал знаковой репрезентации не утрачен после Вавилона: история культуры есть история совершенствования инструментов языка. Поскольку над этим непосредственно работают поэты, В. Шимборская завершает Нобелевскую лекцию положением: «похоже, что у нас всегда будет много работы».

Литература

- Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. СПб.: А-сad, 1994. 406 с.
- Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / Пер. с итал. А. Миролюбовой. СПб.: ALEXANDRIA, 2007. 423 с.
- Эко У. История иллюзий. Легендарные места, земли и страны / Пер. с итал. А. Сабашниковой. М.: СЛОВО/SLOVO, 2019. 480 с.

БОЛГАРЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ТУРАН»

Велев Георги

лектор, Будапештский университет им. Лоранда Этвёша

Ключевые слова: туранизм; болгары; «Туранское Общество»; журнал «Туран»; туранские народы.

На рубеже XIX–XX вв., в результате разного рода причин, в Венгрии появляется движение, ставшее известным как туранизм. Согласно «туранской идее», венгры являются народом туранского происхождения, чья «задача» состоит в том, чтобы изучать и исследовать остальные туранские народы, а согласно некоторым мнениям — и образовать вместе с ними политический «туранский союз». В сфере лингвистики, понятие «туранский» ассоциируется с именем Макса Мюллера, который, в своей разработанной в середине XIX века классификации, употребляет термин для обозначения используемых в Европе и Азии «неиндоевропейских» и «несемитских» языков. Основную роль в организационной структуре венгерского туранизма играет основанное в 1910 г. «Туранское Общество» (*Turáni Társaság*), чей первый номер официального журнала выходит три года спустя под названием «Туран» (*Turán*). Во время своего учреждения организация имеет как «подзаголовок» название «Венгерское Азиатское Общество» (*Magyar Ázsiai Társaság*), а среди ее членов выделяются такие знаменитые ориенталисты, как Игнац Гольдциер и Арминий Вамбери. Однако в годы Первой мировой войны «Общество» преобразуется в «Венгерский Восточный Культурный Центр» (*Magyar Keleti Kultúrközpont*), который поддерживает контакты с «союзными туранскими народами», в первую очередь, с Турцией и Болгарией. Причину этой активности можно объяснить вступлением обеих стран в военный конфликт, вследствие чего правительство, возглавляемое Иштваном Тисой, видит возможность усилить «венгерское присутствие» на Балканском полуострове, соответственно начинает энергично поддерживать «Туранское Общество». В период до 1918 г. «Общество» занимает основное место в развитии идей венгерского туранизма, продолжая, хотя и в более ограниченном масштабе из-за политических событий в стране, свою деятельность и позже, вплоть до 1945 г.

На страницах «Турана», среди прочего, можно найти важные сведения об образе «болгар» в Венгрии первой половины XX века. Следует отметить, что еще во втором номере первого выпуска журнала 1913 г. появляется информация о специфическом отношении к ним. По поводу Балканских войн, например: «болгары, турки и частично албанцы» выступают как «родственные [венграм] народы», этим обстоятельством объясняется и тот факт, почему в стране с «полным сочувствием» проявляют особый интерес к происходящим на Балканском полуострове событиям [*Hirek* 1913: 110].

Следующий выпуск журнала выходит только в 1917 г., в самом разгаре Первой мировой войны. На титульном листе первого номера выпуска, непосредственно под выписанным на венгерском языке заглавием «*Turán*», заглавие появляется на болгарском и турецком языках [*Turán* II/1 (1917)]. На первых страницах номера опубликован текст Дюлы Пекара «Туранская работа» (*Turáni munka*), который можно прочитать не только на венгерском [*Pekár* 1917: 1–4], его сопровождают версии на турецком [*Pekár* 1917: 5–6] и болгарском языках [*Pekár* 1917: 7]. Пекар отмечает, что под названием «Туран» венгры, турки и болгары населяли еще давным-давно «глубины Азии», а автор описывает и основные характеристики туранской культуры, чьих представителей он обрисовывает как людей, «избегающих моря», «обитателей палаток» и «прирожденных всадников». Имея в виду время, в которое текст опубликован, вряд ли может удивить комментарий Пекара, что эти три народа «снова вместе», так как были вместе и много столетий назад, на территории волжской Великой Венгрии [*Pekár* 1917: 2–3].

В одном из первых выпусков журнала в период после войны Алайош Пайкерт обсуждает в специальной статье сущность «туранской идеи», объясняя в форме «вопрос–ответ», что представляет собой эта идея, а также «Туран» и «туранство». В связи с ответом на этот последний вопрос Пайкерт утверждает, что «туранство» включает в себя «все народы туранского

происхождения... в Европе прежде всего венгров, финнов, эстонцев, болгар, турок и российские туранские народы». По мнению автора, «Болгары — нация туранского происхождения, но славянизированная, которая, однако, сохранила преданно свои древние характерные черты». Автор причисляет болгар к группе «западных туранцев».

В 1925 г. из-под пера Пайкерта выходит другой текст, в котором он уже непосредственно дискутирует «политические аспекты туранской мысли». Снова в форме «вопрос–ответ» Пайкерт задается вопросом: что именно подразумевается под «туранской мыслью», а также «кто такие туранские народы», среди которых опять можно найти болгар. Автор также отмечает, что «изначально» болгары были не славянами, а туранцами, «и даже сегодня телосложение и менталитет болгар более туранский, чем славянский» [Paikert 1925: 3–4]. Более десяти лет спустя Пайкерт пишет и о «мировом призвании туранских народов», снова причисляя болгар к европейским народам туранского происхождения [Paikert 1936: 19].

В том же самом 1936 г. на страницах журнала выходит и текст, посвященный 25-летнему юбилею «Туранского Общества». Среди участников праздника выделяется личность актёра Национального Театра Ференца Киша, который продекламирует написанную специально по этому поводу Иштваном Сатмаром «Туранскую оду». В тексте появляются «главные» туранские народы с присущими им чертами характера: ода упоминает «гуннское королевское войско», «суровых турок», «трудолюбивых болгар», «умных финно-угров», «благородных венгров», «могучий народ Ниппона [Японии]». Со своей стороны, Дюла Пекар, Председатель Общества, выступает с речью, в которой тоже не упускает возможности упомянуть «братьев болгар», с которыми венгры, 1300 лет назад, говорили на одном языке [A Turáni Társaság negyedszázados jubileuma 1936: 3, 5].

В свете вышеизложенного можно заключить, что журнал «Туран» предоставляет ценную информацию об образе «болгар» в некоторых кругах интеллектуальной жизни Венгрии первой половины XX века. Этот образ формируется в соответствии с программой «Туранского Общества», которое, рассчитывая и на поддержку официальной власти, стремится «популяризировать» «туранскую идею» внутри и за пределами Венгрии. Отношение к болгарам развивается исключительно в контексте этой идеи и представляет их как родственный в историко-культурном отношении венграм народ.

Литература

A Turáni Társaság negyedszázados jubileuma // Turán XIX/1–4. 1936. P. 1–18.

Paikert A. A turáni gondolat politikai vonatkozásai // Turán VIII/1–4. 1925. P. 3–8.

Paikert A. A turáni népek világhivatása // Turán XIX/1–4. 1936. P. 19–22.

Pekár Gy.: Turáni munka // Turán II/1. 1917. P. 1–7.

ЗАМЕТКИ ОБ ЭКСПЕДИЦИИ К БАНАТСКИМ БОЛГАРАМ (с. ИВАНОВО ОБЩИНЫ ПАНЧЕВО, СЕРБИЯ)

Голант Наталия Геннадьевна

*старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)*

Ключевые слова: болгары; католики, Банат; Сербия.

Доклад основан на материалах полевых исследований автора, проводившихся в апреле 2024 г. среди болгар-католиков в с. Иваново, входящего в состав общины Панчево Южно-Банатского округа Сербии (Автономный край Воеводина). На территории сербской части Баната небольшие группы болгар проживают также в селах Бело Блато общины Зренянин Центрально-Банатского округа, Модош (Яша Томич) общины Сечан Центрально-Банатского округа и некоторых других. Банатские болгары изначально являются потомками переселенцев из Северо-Западной и центральной части Северной Болгарии. С этих территорий болгары-католики вынуждены были уйти в т. ч. по итогам Чипровского восстания 1688 г. и последовавших за ним репрессий. Они селились в различных районах Валахии и Трансильвании [Телбизов, Векова-Телбизова 1963]. На территории Баната, вошедшего в состав империи Габсбургов после австро-турецкой войны 1716 г. и заключенного в 1718 г. Пожаревацкого мира, болгары обосновались в результате так называемой католической колонизации Баната, когда австрийские власти заселяли эти опустошенные в результате военных действий земли колонистами — преимущественно католиками. Во время первого этапа этой колонизации, пришедшегося на период правления императора Карла VI и длившегося с 1719 по 1739 г., переселенцы, среди которых были немцы, итальянцы, французы, испанцы и болгары-католики, обосновались в 55 населенных пунктах, большинство из которых были румынскими и сербскими селами [Buzărnescu 2004: 22]. Переселение болгар в Банат пришлось на 1726–1731 гг. [Телбизов, Векова-Телбизова 1963]. Принятое в Сербии название этой группы болгар — палъене, или палчани (от банат.-болг. *palkene* ‘павликиане’). Это название происходит от имени апостола Павла и связано с тем, что до перехода в католицизм их предки принадлежали к секте павликиан.

Село Иваново основано в 1868 г. болгарами, прибывшими из с. Стар Бешенов (рум. *Dudeștii Vechi*), находящегося на территории нынешней румынской части Баната (в округе Тимиш). Болгары составляют одну из наиболее крупных этнических групп, живущих в этом селе (согласно переписи 2002 г., их было 307 чел., или 27 % от общего числа жителей). Это наиболее многочисленная группа банатских болгар, живущих в Сербии. Кроме болгар, в Иваново проживают венгры (около 40 % жителей села), а также сербы и небольшое число немцев. Болгары и венгры, по словам информантов, издавна проживают чересполосно, хотя в центре села находится несколько больше болгарских домов, а на въезде в село — венгерских.

Банатско-болгарский сохраняется в качестве языка бытового общения. Надписи (названия улиц и др.) выполнены на трех языках — сербском (государственном), банатско-болгарском и венгерском. Здесь нужно упомянуть о том, что банатский вариант болгарского языка был стандартизирован в 1866 г. членами Учительского общества с. Винга (в настоящее время это село является центром одноименной коммуны в округе Арад в Румынии). Его графическая система базируется на латинице [Телбизов, Векова-Телбизова 1963]. Преподавание банатско-болгарского языка в школе отсутствует, вместо этого преподается «Болгарский язык с элементами национальной культуры» (один час в неделю, предмет факультативный, учащиеся могут выбирать между изучением болгарского и венгерского языка, т. к. болгары и венгры являются наиболее многочисленными этническими группами среди жителей села). На этих факультативных занятиях изучается литературный болгарский язык (его преподает Огнян Цветков, уроженец Софии, в течение 20 лет живущий в соседнем с Иваново селе Старчево). Опрошенные жители Иванова подчеркивали, что в школе изучают именно литературный болгарский, который не является для местных болгар родным языком. Занятия по этому языку в местном

доме культуры до недавнего времени вел учитель начальных классов и краевед Аугустин Калапиш, скончавшийся в 2022 г. А. Калапиш и О. Цветков опубликовали в 2010 г. в Софии пособие для параллельного изучения литературного болгарского языка и банатско-болгарского языка [Калапиш, Цветков 2010]. Также А. Калапиш является автором монографии, посвященной селу Иваново и опубликованной на банатско-болгарском языке в Тимишоаре (Румыния) [Kálápiš De Mijál 2014].

Местные болгары поддерживают связи и с материнским государством (Болгарией), и с банатскими болгарями, живущими в Румынии. Они в значительной мере сохраняют традиционную семейную и календарную обрядность, традиционную музыку, фольклорные тексты и др. Банатско-болгарский язык в рассматриваемом населенном пункте бытует преимущественно в устной форме, а также в различных надписях — на вывесках, табличках с названиями улиц, дорожных указателях и др. Письменной формой родного языка зачастую не владеют даже люди, интересующиеся культурой своей этнической общности и занимающиеся ее продвижением.

Литература

- Калапиш А., Цветков О. Съвременен български език и български палкенски език. Буквар и читанка. София: Държавна агенция за българите в чужбина, 2010. 232 с.
- Телбизов К., Векова-Телбизова М. Традиционен бит и култура на банатските българи // Сборник за народни умотворения и народопис. Кн. LI. София: Издателство на БАН, 1963. 361 с.
- Buzărnescu Șt. ș. a. Un model de interculturalitate activă. Banatul Românesc. Timișoara: Editura de Vest, 2004. 223 p.
- Kálápiš De Mijál Á. 145 gunini ud nasélvanjétu na banátsčite balgare-palcene u Ivánovo / 145 godina od doseljavanja banatskih Bugara-Palcena u Ivanovo. Timišvár: Mirton, 2014. 111 p.

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ПЕРЕВОДЕ ДРАМ СТАНИСЛАВА ПШИБЫШЕВСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Гусева Ольга Валерьевна

доцент, Санкт-Петербургской государственной университет

Ключевые слова: Станислав Пшибышевский; модернистская драма; польская литература; польско-русский перевод.

В первое десятилетие XX в. в России огромную известность приобретают произведения польского модерниста Станислава Пшибышевского (1868–1927), идеолога и кумира «Молодой Польши», тесно связанного также с кругом немецких и скандинавских модернистов рубежа столетий. В начале XX в. новаторские романы и драмы Пшибышевского оказались близкими по духу русским символистам и пришлись по вкусу русским читателям и зрителям. Большой популярностью пользуется драматургия Пшибышевского: символистская драма «Снег» (*Śnieg*, 1903) переводится не менее девяти и переиздается четырнадцать раз, написанная первоначально на немецком языке натуралистическая драма «Для счастья» (также «Ради счастья», нем. *Das grosse Glück*, 1897) выдерживает шестнадцать переизданий в четырех переводах, «Пир жизни» (*Gody życia*, 1910) — пять переводов и восемь изданий, «Вечная сказка» (*Odwieczna baśń*, 1905) — четыре перевода и двенадцать изданий. Из одиннадцати драм Пшибышевского на русский язык переведены все, в основном, более одного раза. В целом, библиография произведений Пшибышевского, изданных на русском языке до 1918 г., насчитывает 151 название (включая переиздания) [Цыбенко 1992: 219]. В докладе анализируются причины популярности польского автора в России, цели, которые преследовали переводчики, выполняя новый перевод недавно переведенного произведения, а также стратегии, которых придерживались переводчики.

Популярность С. Пшибышевского в русской культуре в начале XX в. объясняется несколькими факторами: интересом к новым явлениям в европейской художественной культуре, проникновением модернистской драматургии на русскую сцену, влиянием философии Ницше на различные направления интеллектуальной жизни России. Осмысление взглядов немецкого философа в сочетании с модернистской поэтикой русские символисты нашли в прозе и драматургии Пшибышевского.

К переводам Пшибышевского обращаются поэты и писатели Серебряного века, профессиональные переводчики и любители, издатели, режиссеры и актеры. Среди переводчиков драматургии Пшибышевского были А. Ремизов, В. Комиссаржевская, К. Бравич, А. Вознесенский, Е. Троповский, В. Высоцкий, Е. и И. Леонтьевы, Л. Лебедева, М. Шевляков, В. Тучапская, А. Эфрос и др.

В своем творчестве Пшибышевский развивал собственную концепцию «нагой души» — мятущейся, разрывающейся противоречивыми чувствами души. Польский автор полагал, что только через познание сакральных глубин человеческой души можно понять сущность бытия. Его интересовали подсознательные процессы в человеческой психике, «темная» сторона души, рассматриваемая сквозь призму андрогинизма — борьбы мужского и женского начал в одном человеке в тщетной попытке вернуться к утраченной целостности бытия. Высшая степень эмоционального напряжения, возможность сыграть душевное смятение и сложный выбор в кризисный момент судьбы героя привлекала режиссеров и актеров. С мыслью о собственном участии в постановке драму Пшибышевского «Снег» переводят В. Комиссаржевская и актер К. Бравич. Для своей жены — актрисы Веры Юреновой — А. Вознесенский перевел пьесы «Для счастья», «Золотое руно», «Снег», «Мать» и «Гости». Переводчик и писатель А. Ремизов специально для «Товарищества новой драмы» В. Мейерхольда перевел драмы «Снег», «Гости», «Золотое руно», «Для счастья» и «Мать», из которых Мейерхольд использовал в постановках «Снег» и «Золотое руно». А. Ремизов оставил великолепные переводы с немецкого и французского языков, но польского он не знал, драмы Пшибышевского переводил с подстрочника, что привело к многочисленным ошибкам, которые стремились исправить следующие переводчики.

Для драматургии Пшибышевского характерны высокий уровень экспрессии, метафоризация языка, поэтизация речи, повышенное внимание к звучанию слова, отличающегося от повседневного разговорного языка, использование аллитераций и ассонансов — все это становится вызовом для переводчиков. Реалий в текстах Пшибышевского мы находим немного — писатель сознательно избегал указания места и времени в своих произведениях, он стремился к передаче универсальных чувств и чувственных впечатлений — по мнению автора, это были драмы чувств, драмы «нагой души», которые могут происходить в любое время, в любом обществе. Стратегия переводчика заключалась в выборе между русификацией текста, сохранением польского колорита, пусть и минимального, и попыткой универсализации. Поэтому, например, для передачи польских обращений *'pan, pani'* мы встречаем такие варианты, как: *'барин, барыня', 'сударь, сударыня', 'пан, пани', 'господин, госпожа'*.

Основной ошибкой непрофессиональных, более или менее случайных переводчиков, является буквальный перевод идиоматических выражений, а также неумение передать нарастание экспрессии в кульминационных моментах действия, отказ от использования фонетических приёмов для усиления звуковой выразительности текста. Профессиональные переводчики, такие как Е. Троповский, В. Высоцкий, А. Вознесенский, Е. и И. Леонтьевы лучше справляются с задачей, в их переводах есть интересные находки.

После 1911 г. слава Пшибышевского в России постепенно угасает, поэтому его последние пьесы: «Топь» (*Topiel*, 1912), «Город» (*Miasto*, 1914) и «Мститель» (*Mściciel*, 1927) — остались незамеченными. Изданная в год смерти автора последняя его драма «Мститель» дождалась русского перевода только в 2023 г., открыв новую страницу в истории переводов драматургии С. Пшибышевского на русский язык.

Литература

Цыбенко Е. З. Станислав Пшибышевский и русская модернистская проза // *Studia polonica*. К 60-летию В. А. Хорева. М., 1992. С. 217–228.

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ПРОПОВЕДЯХ Г. СТ. ВЕНЦЛОВИЧА НА СЕРБСКОМ НАРОДНОМ ЯЗЫКЕ (XVIII в.), ВОСХОДЯЩИХ К БАРОЧНОЙ ГОМИЛЕТИКЕ

Гучкова Ирина Вадимовна

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: устойчивые и образные выражения; формирование национального литературного языка; украинская школа гомилетики XVII века; Гаврила Стефанович Венцлович.

В истории изучения литературных языков большой интерес представляет период, непосредственно предшествующий кристаллизации стандартного языка. Для русского литературного языка этот период пришелся на XVII–XVIII вв., когда происходит «расширение сферы использования сниженной грамматической нормы церковнославянского языка, появление значительного числа текстов, сочетающих элементы как церковнославянского, так и русского языков» [Ремнева]. Важную роль в становлении русского литературного языка сыграли выходцы из Юго-Западной Руси, получившие блестящее по тому времени образование в юго-западных училищах и в Киево-Могилянской коллегии.

Лазарь Баранович (ок. 1620–1693), епископ Черниговский, преподаватель, затем ректор Киево-Могилянской коллегии, был не только проповедником, но также и активным общественным деятелем, выступая за присоединение Украины к Москве и подчинение Киевской митрополии Московскому патриархату. Среди наиболее известных его сочинений — сборники проповедей «Меч духовный еже есть глагол Божий на помощь Церкви воюющей, из уст Христовых поданный» (Киев, 1666) и «Трубы словес проповедных на нарочитыя дни праздников господских, Богородичных, Ангельских, Пророческих ... и проч., яже Лазарь Баранович, милостию Божиею православный архиепископ Черниговский, Новгородский и проч. Силюю Божиею воструби» (Киев, 1674), посвященные царю Алексею Михайловичу.

Лазарь Баранович был наставником и покровителем Иоанникия Галятовского (ок. 1620–1688) — выпускника Киево-Могилянской коллегии (и впоследствии, так же, как и Л. Баранович, ее ректора), архимандрита Елецкого монастыря в Чернигове. Галятовский приобрел известность как духовный писатель, полемист (неоднократно участвовал в диспутах с иезуитами) и проповедник, став автором 16 гомилетических, агиографических и полемических сочинений, из которых одна половина написана по-польски, а другая — на «простой мове». При составлении проповедей Галятовский сформулировал правила их написания — «Старайся, чтобы все люди понимали то, что ты им говоришь в своем поучении; какой мудрый был проповедник Иоанн Златоуст, но и его порицала женщина за трудно понимаемую проповедь!» — и сам неизменно оставался верен своему правилу: его проповеди написаны по-малорусски и были хорошо понятны в той среде, которой предназначались [Костомаров]. Наибольшее распространение получили гомилетические сочинения Галятовского, прежде всего «Ключ разумения, священником, законным и свецким належачый» (Киев, 1659). Составляя свои проповеди, Галятовский преследовал две вполне практические цели: преодоление упадка южнорусской православной проповеди и борьба с влиянием католических проповедников в западнорусских землях.

Именно эти сочинения Л. Барановича и И. Галятовского, помимо прочих, использовал для составления своих сборников проповедей Гаврила Стефанович Венцлович — одна из самых загадочных и малоизученных фигур сербской истории и культуры XVIII в., литературная деятельность которого, как и Барановича и Галятовского, пришлась на период, предшествовавший оформлению современного сербского литературного языка в середине XIX вв. Огромное рукописное наследие Венцловича — около 20 000 дошедших до нас страниц — оставалось в забвении вплоть до 60-х гг. XX в., а открытие его (до сих пор не изданных) рукописей на народном языке было встречено многими исследователями как откровение — они демонстрировали возможность иного пути формирования сербского литературного языка, без разрыва

с церковнославянской языковой традицией, как это фактически произошло после реформы Вука Караджича, когда в основу литературного языка был положен народный язык.

О личности Венцловича известно совсем немного. По окончании периода ученичества он приступает к священническому служению, переходя между городами в верхнем течении Дуная и читая проповеди местному сербскому населению, которое в основном состояло из простых лодочников. Именно для этих практических целей Венцлович и создает свои сборники проповедей, написанные на чистейшем народном языке. Прежде всего он занимался переписыванием, переводом и переработкой других литературных источников и лишь в небольшой степени можно говорить о Венцловиче как об оригинальном писателе в современном смысле этого слова [Трифуновић 2009: 68].

Новаторство Венцловича заключалось не в том, что он писал, а в том, как он писал. Его проповеди имели четкую практическую направленность — защита православия и, следственно, национального самосознания сербов от натиска иезуитов и униатов, поэтому, как и Галятовский, Венцлович был убежден, что для народа следует писать на языке, понятном народу.

В тексте анализируемой рукописи Венцловича — «ПоѸченїа и слова разлика и пролози различитимъ светимъ и праздникомъ» 1732 г. — удалось обнаружить 10 фрагментов («слов», или «сказаний»), которые можно с уверенностью отнести к сборникам Лазаря Барановича или Иоанникия Галятовского, поскольку сам автор указывает на источник этих «слов». Данные фрагменты восходят к двум сочинениям: «Трубы словес проповедных» Лазаря Барановича 1666 г. (7 «слов») и «Ключ разумения» Иоанникия Галятовского 1659 г. (3 «слова»).

Выделенные фрагменты изобилуют устойчивыми выражениями (которые зафиксированы в словарях сербского языка, либо созданы по продуктивным моделям и легко интерпретируются), а также авторскими образными конструкциями, которые приближаются к устойчивым: *ићи на ветар, ходити на два пута, проћи (ка' дим) ни у што; двострука памет, онај свет, прах и пепео, обречена/обећана земља; на другу руку, до дан данашњи*. Выражения эти, обладающие высоким экспрессивным потенциалом и относящиеся к сфере разговорного языка, призваны усилить степень воздействия «слова» на слушателя, а само их наличие в тексте является свидетельством народности языка проповедей Венцловича.

Литература

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей 1873–1888 гг. [Электронный ресурс] URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kostom/kostom40.htm> (дата обращения: 26.05.2024)

Ремнева М. Л. Русский литературный язык в XVII веке [Электронный ресурс] // Stephanos: электрон. научн. журн. <http://stephanos.philol.msu.ru/> URL: <https://www.philol.msu.ru/~modern/index.php?page=1186> (дата обращения: 26.05.2024)

Трифуновић Ђ. Стара српска књижевност. Београд: Чигоја штампа, 2009. 363 с.

ПЬЕСЫ А. Н. ОСТРОВСКОГО НА АНГЛИЙСКОЙ СЦЕНЕ

Ершова Надежда Борисовна

доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Ключевые слова: А. Н. Островский; русская драматургия; стилистика перевода; переводы пьес А. Н. Островского на английский язык.

Неоспорима роль А. Н. Островского в становлении и развитии русского национального театра, а его вклад в русскую культуру и её восприятие за рубежом неоценим. Талант глубоко национального драматурга развивался на постижении мировой драматургии. Он был хорошо знаком с произведениями Шекспира, и перевел ряд пьес на русский язык, которые явились хорошей школой для понимания сценической специфики драмы. Переводя комедию «The Taming of the Shrew» (1850) или «Укрощение злой жены», он не копировал оригинал, а проявлял много своеобразия в изобретательности и творчестве подлинного «портретиста» [Морозов 1954], стремясь приспособить английский текст к реалиям русской жизни. Перевод Островского отличался строгой экономностью, его интересовало не собственно слово, а действие, его выстраивание по событийному ряду. Впоследствии современники называли драматурга «русским Шекспиром» [Григоренко, Макашин, Машинский, Рюриков 1966], отдавая дань уважения масштабности его таланта.

В 1868 г. английская критика впервые обращает внимание на ряд пьес А. Н. Островского [Рогов 1974: 227–228]. Однако прошло несколько десятилетий, прежде чем был выполнен первый перевод его пьес на английский язык. В книге «Юмор России» (“The Humour of Russia”) были помещены две пьесы «Не сошлись характерами» (“Incompatibility of Temper”) и «Семейная картина» (“A Domestic Picture”) в переводе Этель Лилиан Войнич, писательницы и композитора. Войнич известна русскому читателю как автор романа «Овод», изданного в 1898 г. в России. По мнению В. В. Рогова, переводчика, поэта, литературоведа и критика, переводы Войнич заслуживают очень высокой оценки для того времени, несмотря на недостатки, которые «...характерны почти для всех английских переводов русской литературы и в наши дни» [Рогов 1974: 231]. Это своего рода репродукция без серьезных искажений. В 1889 г. последовал английский перевод пьесы «Гроза» (“The Storm”), выполненный Констанс Гарнетт, но он не имел в Англии резонанса, хотя и переиздавался в 1930 г. Переводы Гарнетт «...сейчас устарели и современным требованиям не удовлетворяют» [Рогов 1974: 233]. В 1943 г. в Лондоне выходят переводы Давида Магаршака трех пьес А. Н. Островского на английский язык — «Бешеные деньги» (“Easy Money”), «Волки и овцы» (“Wolves and Sheep”) и «На всякого мудреца довольно простоты» (“Enough Stupidity in Every Wise Man”). На театральных подмостках Англии пьесы А. Н. Островского не всегда имели успех вследствие недостаточно полноценных переводов пьес величайшего русского драматурга и их представлением английскими критиками и литературоведами [Рогов 1974: 245].

Цель исследования состоит в рассмотрении стилистики перевода пьес А. Н. Островского, поставленных на английской сцене.

Одними из первых в 1945–1945 гг. на фестивале пьес Островского в лондонском театре «Шантеклер» были поставлены «Волки и овцы» (“Wolves and Sheep”), «Бесприданница» (“Without a Dowry”) и «Свои люди — сочтемся!» (“It’s a Family Affair-We’ll Settle It Ourselves”). Наиболее популярной по сей день остается пьеса “The diary of a Scoundrel” («Дневник негодяя»/«Записки подлеца»), которая представляет собой адаптацию пьесы «На всякого мудреца довольно простоты» (“Enough Stupidity in Every Wise Man”), перевод выполнен Д. Магаршаком в 1943 г. Комедия была поставлена в 1948 г. Родни Экландом, хотя она и была модернизирована, но верно сохраняла дух оригинала [Рогов 1974: 224].

В пьесе «Бедность не порок» (“Poverty Is No Crime”/“Poverty is No Vice”) мы наблюдаем как паремия-название обыгрывается в тексте самой пьесы. Это характерный прием многих пьес Островского. Например, в реплике богатого купца Любима Карпыча:

Любим Карпыч. <...>. Назябся уж я, наголодался. Лета мои прошли, тяжело уж мне паясничать на морозе-то из-за куска хлеба; хоть под старость-то да честно пожить. Ведь я народ обманывал: просил милостыню, а сам пропивал. Мне работишку дадут; у меня будет свой горшок щей. Тогда-то я бога возблагодарю. Брат! и моя слеза до неба дойдет. Что он беден-то! Эх, кабы я беден был, я бы и человек был. **Бедность не порок.**

Lyubim Karpych. <...> I was chilled and hungry. I was growing old, and it was hard for me to play the fool in the cold for a piece of bread; at least in one's old age one wants to live decently. You see I've been cheating people, I've been begging alms, and have spent it in drink. They'll give me work, and then I'll have my kettle of soup. Then I'll thank God, brother; even my tears will reach to heaven. What if he is poor, eh? If I had been poor, I should have been a man. **Poverty is no crime.**

В пьесе задействован и прием «говорящих» фамилий, который был распространен в русской и зарубежной литературе. Фамилия Разлюляев выдает гуляку и весельчака, а согласно словарю Даля, «разлюли» означает «раздолье, потеха». Соответственно, выражение «разлюли-малина» — беспечное и привольное существование. Разлюляев вовсе не случайно оговаривается, что **пьянство не порок / drunkenness is no crime** вместо **бедность не порок / poverty is no crime**. Мы видим как обыгрывается фраза, образованная по синтаксической модели пословицы:

Разлюляев (подходит к Мите и ударяет его по плечу). Митя!.. Для приятеля... все жертвую... Сам любил, а для тебя... жертвую. Давай руку. (Ударяет по руке.) Одно слово... бери, значит, жертвую для тебя... Для друга ничего не жаль! Вот как у нас, коли на то пошло! (Утирается полой и целует Митю.) А это он правду говорит: **пьянство не порок... то бишь — бедность не порок... Вот всегда проврусь.**

Razlyulyayev. [Goes to Mitya and slaps him on the shoulder] Mitya! For a friend I give up everything! I loved her myself, but for you — I give her up. Give me your hand. [Clasps his hand] That's all — take her; I give her up to you! For a friend I don't regret anything! That's the way we do it when it comes to the point! [Wipes away his tears with the lapet of his coat and kisses Mitya] He told the truth then; **drunkenness is no crime** — well, I mean- **poverty is no crime**. I always make slips!

Литература

Морозов М. М. Избранные статьи и переводы. М., ГИХЛ, 1954. 596 с.

А. Н. Островский в воспоминаниях современников / Под ред. В. В. Григоренко, С. А. Макашина, С. И. Машинского, Б. С. Рюрикова. М.: Худож. лит., 1966. 631 с.

Рогов В. В. Островский в Англии // Литературное наследство. 1974. Т. 88. № 2. С. 227–246.

О РЕЦЕПЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКИХ АВТОРОВ В ТЕАТРАХ СОВРЕМЕННОЙ ВЕНГРИИ

Зимони-Калинина Ирина Евгеньевна

Международная ассоциация паремиологии (Тавира, Португалия)

Ивани Бенце

магистр театроведения (Будапешт, Венгрия)

Ключевые слова: Венгрия; драма; переводы с русского на венгерский язык; русская драматургия в Венгрии; А. П. Чехов.

Данное исследование посвящено обзору постановок пьес русских авторов в театрах Венгрии. Акцент делается на современности, особое внимание уделено переводам на венгерский язык пьесы А. П. Чехова «Вишнёвый сад».

По мнению венгерских исследователей и литературоведов, «... с середины XIX века в Венгрии происходит важное изменение в направлении восприятия мировой культуры: не только Запад, но и Восток начинает интересоваться венгерскую читающую публику, и скоро появляются русские произведения на страницах журналов и в предложении издателей» [Дуккон 2013: 269].

Историк и социолог Л. Ё. Ковач в своей статье «*Cseresznyéskert — Tóth Árpád a színház világában*» /букв. «Вишнёвый сад — Арпад Тот в мире театра» пишет: «Az orosz drámairodalom a kiegyezés óta aktívan jelen van, érezteti hatását a magyar színházművészetben. ... 1874 és 1924 között 36 orosz darabot mutattak be Magyarországon, ezek közül hét Csehov-bemutató. Az első, a *Medve* 1901. január 11-én debütált a Nemzeti Színházban» /букв. Со времён Австро-венгерского соглашения* русские драматические произведения активно присутствуют, оказывают влияние на венгерское театральное искусство... с 1974 по 1924 г. в Венгрии было поставлено 36 русских пьес, среди которых — семь чеховских спектаклей. Премьера первого их них — «*Медведь*» — состоялась 11 января 1901 г. в Национальном театре/ [Kovács 2022: 51].

И в наши дни практически ни один театральный сезон в Венгрии не проходит без постановок пьес русских авторов. Результат поиска на сайте Венгерского музея и института театроведения (<https://szinhaztortenet.hu/>) показывает за последние пять лет (2019–2023 гг.) более тридцати постановок пьес русских классиков и современных авторов; к этому нужно добавить несколько спектаклей уже поставленных в 2024 г. или запланированных на сезон 2024/2025 гг. Среди авторов лидирующее место занимает А. П. Чехов с его пьесами «Вишнёвый сад», «Чайка», «Три сестры», «О вреде табака», «Дядя Ваня», «Предложение», «Леший», «Платонов», «Иванов»; далее в список русских авторов современных постановок — как в столичных, так и в провинциальных театрах страны — входят Н. В. Гоголь, А. Н. Островский, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, М. Горький, М. А. Булгаков, Ильф и Петров, братья Пресняковы, А. В. Молчанов, В. В. Сигарев, Е. В. Гришкoveц и др.

Среди пьес Чехова особенной любовью и популярностью в Венгрии пользуется «Вишнёвый сад». Первый перевод был сделан в 1924 г. века известным венгерским поэтом Арпадом Тотом (Tóth Árpád) (1986–1928), премьера спектакля состоялась 13 сентября того же года в будапештском театре Комедии. Арпад Тот не знал русского языка, свой перевод он сделал на базе «транзитного» немецкого текста пьесы. Поскольку в немецком языке и вишня, и черешня называются одинаково *Kirschen*, пьеса Чехова в переводе Тота получила название «*Cseresznyéskert*» /букв. черешневый сад/; это название сохранялось за ней долгие годы из уважения к поэту

* Австро-венгерское соглашение 1867 года (Австро-венгерский компромисс, нем. *Ausgleich*; венг. *kiegyezés*) — договор, заключённый 15 марта 1867 года между австрийским императором Францем Иосифом I и представителями венгерского национального движения во главе с Ференцем Деаком, в соответствии с которым Австрийская империя преобразовывалась в дуалистическую монархию Австро-Венгрии.

и к театральной традиции. Однако современные переводчики дерзают изменять венгерское название пьесы в соответствии с оригиналом; перевод Д. Шпиро 2020 г. вышел под названием «Meggyes kert» /букв. вишнёвый сад/.

Анализируя переводы пьесы, Й. Горетич делает заключение: «...úgy alakult, hogy az orosz irodalom magyar fordítása tradicionálisan „felülstilizált”. Mintha a fordítók úgy vélekedtek volna, hogy a klasszikus orosz irodalomban tárgyalt etikai és vallásfilozófiai problémák csakis valamely emelkedett nyelven szólalhatnának meg» /букв. ...так сложилось, что венгерские переводы русской литературы традиционно «сверхстилизированы». Как будто переводчики полагали, что этические и религиозно-философские проблемы, обсуждаемые в классической русской литературе, могут быть выражены только на особо возвышенном языке/ [Goretity 2011: 161–162].

Конкретно о переводе «Вишнёвого сада» Э. Ч. Йонаш пишет: «...az olvasók Tóth Árpád műfordítói szűrőjén át ismerték és szerették hosszú évtizedekig Csehov e méltán híres színművét. Ám Csehov orosz szövegét összevetve Tóth Árpádéval, azt tapasztaljuk, hogy a magyar szöveg alig követi az eredeti szerzői nyelvet, a csak jelzett, de ki nem mondott hangulatokat, félbemaradt mondatokat» /букв. ...читатели в течение многих десятилетий узнавали и любили это заслуженно знаменитое произведение Чехова через переводческую призму Арпада Тота. Но, сравнив русский текст Чехова с переводом Арпада Тота, мы понимаем, что венгерский текст практически не следует авторскому тексту оригинала, его невысказанным, лишь намёками указанным настроениям, незаконченным предложениям/ [Cs. Jónás 2011: 86].

Пример такого «додумывания» авторского текста мы видим уже в первом действии пьесы. Лопухин. Что ты, Дуняша, такая... А. Тот: Те, Dunyasa, mi az ördög lel téged tulajdonképpen? /букв. Ты, Дуняша, вообще что за чёрт с тобой?/. Но и для других переводчиков иной раз непосильным вызовом оказался перевод таких фразеологических единиц как, например, «со свинным рылом в калашный ряд», «до свадьбы заживёт» и др. Однако работа над осмыслением чеховского текста не прекращается в Венгрии и в наши дни: «...Spiró György Cseresznyéskert-fordításával olyan magyar szöveg jött létre, amely adekvátabbnak tetszik mai Csehov-eszünkhöz, és jobban megfelel mai nyelvállapotunknak és nyelvhasználatunkhoz. Érdeemes volt újrafordítani» /букв. ... переводом «Вишнёвого сада» Дёрдем Шпиро был создан венгерский текст, который кажется более адекватным нашему сегодняшнему пониманию Чехова и лучше соответствует сегодняшнему состоянию и использованию нашего языка. Новый перевод был сделан не зря/ [Goretity 2011: 166].

Литература

- Дуккон А. Из истории венгерского восприятия Гоголя (переводы и литературная критика). *Humanity space International almanac* Vol. 2. 2013. с. 269–281.
- Cs. Jónás *Erzsébet*. Csehov drámák magyarul — fordításstilisztikai jegyzetek. Közéltések — közvetítések. Anton Pavlovics Csehov. Didakt kiadó. szerk. Regéczi Ildikó. Debrecen. 2011. 132–157. old.
- Goretity J. Szélgjegyzetek Spiró György Cseresznyéskert-fordításához. Közéltések — közvetítések. Anton Pavlovics Csehov. Didakt kiadó. szerk. Regéczi Ildikó. Debrecen. 2011. 158–167. old.
- Kovács Ö. L. Cseresznyéskert — Tóth Árpád a színház világában. *Valóság*. 2022. április. 49–56. old.

ЭТНОБОТАНИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ О РОССИИ В ТРУДАХ ОСНОВОПОЛОЖНИКА ЧЕШСКОЙ НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ Я. С. ПРЕСЛА (1790–1849) И ЕЕ ИСТОЧНИКИ

Индыченко Артем Андреевич

научный сотрудник, Отдел типологии и сравнительного языкознания,
Институт славяноведения РАН (Москва)

Ключевые слова: чешское национальное возрождение; естественно-научная терминология и номенклатура; этноботаника; академические экспедиции XVIII в.

Деятельность Яна Сватоплука Пресла является уникальным примером того, как усилиями одного человека была создана терминологическая база национального языка в области сразу нескольких естественно-научных дисциплин — ботаники, зоологии, минералогии, палеонтологии, химии, технологии. Термины и наименования, предложенные в трудах Я. С. Пресла, вплоть до сегодняшнего дня составляют значительную часть чешской научной лексики. Терминология и номенклатура, предложенная в трудах Я. С. Пресла, оказала значительное влияние на формирование словарного состава в области естественно-научных дисциплин в иных славянских традициях — хорватской, словенской, верхнелужицкой и др. В богемистике неоднократно отмечалось, что в процессе создания терминологии Я. С. Пресла, как и иные представители второго поколения чешского национального возрождения (Й. Юнгманн, А. Марек, П. Й. Шафарик), в значительной мере основывался на польских и российских источниках [Orłóš 1972: 153]. Так, по подсчетам В. Колари, Я. С. Пресла ввел в чешскую ботаническую номенклатуру 107 заимствований из польского и 104 — из русского языка [Kolari 1981: 18].

Вместе с тем, труды Я. С. Пресла также могут быть рассмотрены в более широком, энциклопедическом аспекте в соответствии с одним из морфологических принципов чешского национального возрождения из числа выделенных В. Мацурой — принципом синкретизма, проявляющимся на различных уровнях — институциональном, содержательном, жанровом, стилевом и др. [Macura 1983: 15–23]. В этой связи особенный интерес представляет наиболее обширный ботанический труд Я. С. Пресла — *Rostlinář* (I том — 1820; II том — в не вышел, III том в 3 частях — 1823–1825), насчитывающий в общей сложности более тысячи двухсот страниц и содержащий не только номенклатуру (на латинском, чешском, в ряде случаев также на немецком, русском, польском языках) и подробное ботаническое описание растений, произрастающих по всему земному шару, но также подробную информацию об их лекарственных свойствах, применении в кулинарии и в быту. Труд Пресла, пусть и оставшийся незаконченным из-за недостатка финансирования, в качестве настоящей ботанической энциклопедии воистину синкретичен — что, в частности, отражено на его титульном листе, где отмечается, что он создан «для врачей, лекарей, сельских хозяев, художников, ремесленников и воспитателей» [Presl, Berchtold 1823].

В ходе исследования данного труда Я. С. Пресла были обнаружены многочисленные ссылки автора на применение тех или иных растений в народной медицине и быту народов, проживающих на территории России. Этноботаническая информация о России в работе Я. С. Пресла представлена различным образом, как с указанием источника (как правило, только фамилия автора), так и без указания на происхождение сведений. В этой связи встает вопрос о том, какие научные труды служили Преслу источником этноботанических сведений о России. В ряде случаев в ходе источниковедческого анализа удается установить конкретный источник, из которого Я. С. Пресла черпал свои сведения о российской флоре в этноботаническом аспекте, что представляет значительный интерес как в филологическом, так и в историческом и этноботаническом аспектах. Среди источников, известных Я. С. Преслу, обнаруживаются как труды известных авторов — участников академических экспедиций второй половины XVIII в., ссылки на которые типичны для естественно-научной европейской литературы о России XVIII–XIX в.,

так и гораздо менее известные сочинения, как правило, журнальные публикации немецких врачей, находившихся на русской службе в первой трети XIX в.

С учетом данных сведений 20–30-е гг. XIX в. могут рассматриваться не только как период активного влияния русского языка на формирующийся чешский литературный язык (ср. классические труды Г. А. Лилич о роли русского языка в развитии лексического состава чешского языка в XIX в.), но и как эпоха, когда чешский читатель через книжное (и как правило иноязычное) посредство получает о России большое количество разнообразных сведений как исторического и этнографического, так и естественно-научного характера. В последующую эпоху, начиная с 40-х гг. XIX в., эти сведения будут расширяться, изменяться и корректироваться в произведениях, создаваемых на основе непосредственных впечатлений, полученных авторами в ходе поездок в Россию (К. Гавличек-Боровский, М. Котлер и др).

Литература

Kolari V. Jan Svatopluk Presl und die tschechische botanische Nomenklatur: eine lexikalisch-nomenklatorische Studie. Helsinki, 1981. 422 s.

Macura V. Znamení zrodu. České obrození jako kulturní typ. Praha, 1983. 285 s.

Orloś T. Z. Zapóżyczenia słowiańskie w czeskiej terminologii botanicznej i zoologicznej. Kraków, 1972. 172 s.

Presl J. S., Berchtold V. B. O přirozenosti rostlin, aneb Rostlinář. Oddělení III. Díl I. Praha, 1823. 324 s.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОМ РОМАНЕ: ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ ИЛИ СПОСОБ САМОВЫРАЖЕНИЯ АВТОРА?

Котова Марина Юрьевна

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Русан Алиса Владимировна

преподаватель, Международный Институт индустрии гостеприимства и ресторанного менеджмента СВИССАМ (Санкт-Петербург)

Ключевые слова: переключение кодов; славянские языки; германские языки; В. Аксёнов; Й. Шкворецкий.

Доклад подготовлен на материале транснациональных романов чешского писателя Йозефа Шкворецкого (1924–2012) и российского писателя Василия Аксёнова (1932–2009), значительная часть творческой деятельности которых приходится на эмиграцию в Канаде и США соответственно в 70–80-х гг. XX в.

Цель исследования заключается в выявлении типологии стилистических функций иноязычных вкраплений в чешском тексте романа Й. Шкворецкого «Příběh inženýra lidských duší» («История инженера человеческих душ») (1977) [Škvorecký 1989] и в русском тексте романа В. П. Аксёнова «В поисках грустного беби» (1985) [Аксёнов 2011].

В докладе проведен анализ прагматических свойств переключений на английский язык в романе Й. Шкворецкого, параметры билингвальной коммуникации, модель маркированности и функции переключения кодов.

Выяснилось, что переключения кодов в речи персонажей романа выполняют десять прагматических функций, которые подразделяются на две основные группы: связанные непосредственно с художественным текстом, и функции, сходные с живой речью. К первой группе причисляется характерная для художественной литературы функция создания эффекта коммуникации на английском языке. В таких случаях переключение кодов может помочь читателю понять, что коммуникация на самом деле происходит на английском языке, а не на родном чешском. Они составляют 48 % всех переключений кодов в романе.

Во вторую группу входят функции, сходные со свойствами живой речи. Реализуя эти функции, Йозеф Шкворецкий старается воссоздать реальное общение, поэтому целесообразно деление данного подвида функций на те, которые связаны с сообщением субъективной информации (эмоциональной, самоидентификации, эмфатической, воздействия, металингвистической), и те, которые сообщают объективную информацию (предметно-тематическую, адресатную, фатическую, цитатную). Субъективно направленные функции помогают создать речевой портрет героя, придать тексту экспрессивности и образности.

Переключения кодов в художественном тексте выполняют также стилистические функции. Оказалось, что стилистические возможности переключения кодов зависят от их прагматических функций. Переключения, свойственные художественному тексту, т. е. в функции создания эффекта коммуникации на английском языке, связаны со стилистическим приемом внесения «эффекта присутствия». Все переключения, которые сходны с живой речью, подразумевают создание речевого образа героя и добавление национального колорита. Переключения, которые выполняют фатическую, эмоциональную и адресатную функции, добавляют в текст разговорность.

Разнообразие прагматических функций в романе Й. Шкворецкого во многом определяется высоким уровнем владения автором английским языком. Поэтому количественно переключения кодов в нарративе почти так же частотны (41 %), как и в речи героев (59 %).

Сходства биографий писателей отражены в тематике и стилистике этих двух произведений, которые обладают всеми признаками жанра транснационального романа: автобиографичностью, эмигрантским взглядом на культурные и ценностные ориентиры зарубежья, оппозицией

свой — чужой (другой), языковым воплощением гибридной идентичности автора-рассказчика, а именно — английскими вкраплениями в чешском тексте романа Шкворецкого и в русском тексте романа Аксенова. К *tertium comparationis* относятся также вставки из элементов эпистолярного жанра, наличие параллельных потоков повествования, обновление стереотипов представлений «другого», реставрация собственной идентичности и др.

К общности стилистики двух текстов без колебаний можно отнести следующие лингвокультурологические дискурсы:

— два мира в одном: прошлое и настоящее в параллельных воплощениях — ментальном и реальном;

— основная среда обитания — университетская, а в ней — идентификация профессора/писателя/изгнанника/эмигранта, неразрывно основанная на его самоидентификации, поскольку повествование ведется от первого лица;

— джаз, его роль в самоидентификации как осознание раскрепощения и свободы личности;

— рецепция чужой культуры и адаптация к эмиграции, отраженная в иноязычных вкраплениях. Здесь рассмотрены только английские вкрапления в русском тексте В. Аксенова и чешском тексте Й. Шкворецкого, хотя Й. Шкворецкий в своем чешском романе использует также немецкие и русские языковые вкрапления; общие тематические группы лексических англоязычных вкраплений у Й. Шкворецкого и В. Аксенова (напр., университетские реалии, городские реалии, транспортные реалии, бытовые реалии и др.).

Высокий уровень компетенции в английском языке помогает Й. Шкворецкому и В. Аксенову использовать всевозможные прагматические возможности переключений кодов в романе. Переключение кодов в речи героев обусловлено в первую очередь билингвизмом писателей.

Литература

Аксенов В. П. В поисках грустного беби. М.: Эксмо, 2011. 320 с.

Škvorecký J. Příběh inženýra lidských duší. Část první. Toronto: sixty-eight publishers corp., 1989. 384 s.

Škvorecký J. Příběh inženýra lidských duší. Část druhá. Toronto: sixty-eight publishers corp., 1989. 416 s.

ВАРШАВСКИЙ ТЕКСТ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ МУЗЫКЕ

Куимов Иван Ильич

магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

Гусева Ольга Валерьевна

доцент, Санкт-Петербургской государственной академии музыки и театра

Ключевые слова: современная музыка; городской текст; нарратив; культурное пространство.

Городское пространство в разных вариантах литературных текстов — одна из часто изучаемых тем в отечественном литературоведении. Помимо абстрактного городского пространства, исследователи выделяют и частные случаи «городских текстов»: петербургский, московский и иные. Исследования определяют специфическую семантику и стилистику данных текстов, образующих систему, позволяющую с точностью определить их принадлежность к конкретному «тексту».

Поэзия в её классическом проявлении в современном обществе представляет собой высокий, не массовый уровень искусства. В то же время, музыка и песни являются частью повседневности большинства людей. В них заметно массовое влияние различных актуальных аспектов жизни.

Варшава как столица Польши является частым героем многих современных музыкальных композиций. В докладе рассматривается несколько музыкальных композиций, где образ и сущность Варшавы предстают в разных формах и для разных целей, для раскрытия тех или иных смыслов и формирования определённого нарратива.

Тему изменения пространства города, его жизненного уклада, связанного со стихийными, глобальными событиями, отражает композиция известной польской рок-группы T.Love «Я тебя люблю» („*Ja ciebie Kocham*”). Песня, несмотря на то что вышла в 2022 г., была написана весной 2020 г., в период начала пандемии коронавируса, кардинально изменившей жизнь людей по всему миру. Лирический герой приводит описание опустевшего города, ностальгирует по привычным ранее вещам, которые исчезли с пандемией: «Посмотри на огни города. Никого нет, пусто» („*Popatrz na światła miasta. Nie ma nikogo, pusto jest*”), «По ночному автобусу... тоже скучаю» („*Za nocnym autobusem... tęsknię też*» [T.Love]. При этом, сам город, как географическое пространство не исчез, об этом герою напоминают колокола из костёла на площади Вильсона. В тексте описывается городское пространство, которое не является вечно стабильным с социальной точки зрения. Различные события меняют его, лишая определённой идентичности несмотря на то, что физических изменений пространства практически нет.

Крайне актуальной в современной польской культуре является тема исторической памяти. В истории Варшавы было много событий, до неузнаваемости изменивших её облик. Для XX в. самым важным из таких событий можно считать Варшавское восстание 1944 г., когда польские повстанцы попытались установить контроль над городом. История восстания раскрывается в альбоме группы ØRGANEK «Нас спасет любовь» („*Ocali nas miłość*”). Тема городского пространства встречается в первом же треке «Фотограф Брок» („*Fotograf Brok*”). Композиция посвящена, во-первых, личности Евгениуша Зенона Локайского, польского метателя копья, а во времена восстания — фотографа и активного участника боевых действий, оставившего после себя более 1000 снимков боевой хроники, позволяющих создать представление об облике военной Варшавы и её изменении во времена Второй мировой войны, а во-вторых, городу, разрушенному и опустошённому из-за военных действий. «Там какие-то танцы, тут какие-то кафешки. Сегодня это лишь фрагменты, сегодня это только снимки» („*Tam jakieś tańce, tu jakieś kawki. Dziś z tego urywki, dziś tylko migawki*”) [ØRGANEK] — лирический герой-фотограф вспоминает как ранее выглядел город, жили и отдыхали обычные люди. Основная часть песни заканчивается адресом, повторённым дважды: «И вот Маршалковская, один, два, девять» („*Już Marszałkowska,*

jeden, dwa, dziewięć) [ØRGANEK]. Данный адрес отсылает нас к реальному зданию, в котором закончилась жизнь фотографа, когда он попал под бомбардировку. Таким образом, в современной музыкальной индустрии находится место для отображения исторических событий, связанных не только со страной, но и с конкретным городом, его жителями, местами и зданиями.

Одним из самых ярких примеров отражения повседневной жизни современной Варшавы с акцентами на специфическую атмосферу отдельных районов, уникальных социальных явлений и привычных, рутинных вещей, составляющих актуальный облик города, является композиция «Следующая станция» („*Następna stacja*”) хип-хоп исполнителя Тако Хемингуэя. Композиция построена на рассказе лирического героя, его восприятии реальности при поездке в варшавском метро. Повествование в куплетах развивается в соответствии с последовательностью станций метро на линиях. Каждая из них вплетена в нарратив посредством обращения либо к личным переживаниям героя, либо к его состоянию, либо к разным явлениям, событиям или местам, расположенным около проследуемых станций метро. Проезжая станцию «Центр», герой приводит следующие строки: «Слышу игру на стуле, это должно быть „Центр»» („*Słyszę grę na krześle, to musi być Centrum*”) [Тако Hemingway]. В данном случае автор отсылает слушателей к детали, характеризующей современное пространство около станции метро — музыкантам, играющим не на классических музыкальных инструментах, а на обычных деревянных стульях. Помимо отсылки к реальным явлениям или местам, в текст на аудиальном уровне введены звуки варшавского метро. Заглавие, соответствующее объявлениям в поездах при отправлении со станции, представлено в композиции в виде реальной записи из системы информирования. В песне не только происходит фиксация характерных для современной Варшавы явлений, но и элементов повседневной жизни города, предстающих как инструменты для создания аудиовизуального ряда, подчеркивающего «варшавский» нарратив произведения.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что исследования по семантике и образности городского пространства возможно проводить не только на основе классической литературы, но и используя новые, актуальные и массовые виды культурных текстов, которые с большей оперативностью реагируют на происходящие события и изменения в обществе. На примере всего трёх композиций были рассмотрены разные подходы к включению в композицию городского пространства, предлагающие не только разный смысл употребления, но и разность форм, играющих в восприятии музыки ведущую роль.

Литература

Taco Hemingway — *Następna stacja*. URL: <https://genius.com/Taco-hemingway-nastepna-stacja-lyrics> (дата обращения: 18.05.2024).

T. Love — *Ja ciebie kocham*. URL: <https://genius.com/Tlove-ja-ciebie-kocham-lyrics> (дата обращения: 18.05.2024).

ØRGANEK — *Fotograf Brok*. URL: <https://genius.com/Rganek-fotograf-brok-lyrics> (дата обращения: 18.05.2024).

РЕЦЕПЦИЈА ПРИЧЕ „СПАВАЈ“ В. ПЕЉЕВИНА МЕЂУ СТУДЕНТИМА ФИЛОЛОШКОГ ФАКУЛТЕТА УНИВЕРЗИТЕТА У БАЊОЈ ЛУЦИ

Мичич Галина-Мария

Универзитет в Баня-Луке (Република Сербская, Босния и Герцеговина)

Кључеве слова: читалачка рецепција; постмодернизам; Виктор Пељевин.

У овом раду ослањамо се на теоријску претпоставку Романа Ингардена о књижевном делу као синтези аутора, читаоца и текста. У књизи «Очерки по философии литературы» образлаже се Ингарденова идеја о књижевном делу као појму који је шири од текста, где аутор наглашава значај читалачке рецепције као неодвојиви елемент књижевног дела [Ингарден 1999]. Ингарденова теорија је, свакако, тесно повезана са студијама Романа Јакобсона о узајамном односу аутор — текст — читалац, али је овај филозоф и теоретичар књижевности развио Јакобсонова размишљања у правцу вишеслојности доживљаја текста у зависности од нивоа рецепције код читаоца. Јер оно што читалац „носи у себи и уноси у разумевање дела“ [Стојановић 1977: 285], тачније сва предзнања, склоности и околности под којим се читање одвија, значајно утичу на пријем и доживљај одређене књиге. Управо зато он сматра да се целина књижевног дела не завршава аутором и самим текстом, већ да је од кључног значаја укључивање читаоца као равноправног дела целине.

Наставши на темељима модернизма, „постмодернизам је спојио теорију постструктурализма, праксу књижевно-критичке анализе деконструктивизма и сликарску праксу савремене уметности и покушао да објасни ову синтезу као ‘нови поглед на свет’“ [Иљин 1996]. Нови поглед на свет у коме царује хаос. „Свет као хаос“ једна је од основних идеја постмодерниста. Она брише сваку потребу за узрочно-последичним везама и вредносним оријентирима. Овај свет се посматра као свет фрагмената, делова доступних свести.

Захваљујући новом погледу на свет отворио се простор за нове теме и нова питања попут оних „Шта је истина?“, „Шта је свет?“, „Који светови постоје и где су границе међу њима?“, „Шта је свест и како на њу утичу различита средства и стања (медији, опијати, шизофренија, сан)?“ Деконструишући општа места, постмодернисти се поигравају са свиме што је до тада сматрано за логично, етично или свето. Сва ова поигравања аутора са текстом — од језичких до културолошких и религиозних — и чине књижевност постмодернизма погодном за различите анализе и тумачења.

Ипак, како би читалац могао да се повеже са текстом и докучи ауторска поигравања на било ком нивоу, он мора бити упознат са културом и језиком на коме настаје дело. Уколико читалац недовољно познаје културу (било класичну, било популарну) из које текст настаје, врло је вероватно да ће му многи детаљи промаћи.

Управо то је и мисао од које полази аутор овог истраживања. Стога је циљ истраживања био проверити колико је дело руског писца Виктора Пељевина из 1991. године, које на њему својствен начин отвара питања односа јаве и сна, колективног несвесног, утицаја медија и пропаганде на појединца и друштво, али и питања реалности, свести и подсвести, јасно и интересантно студентима Филолошког факултета Универзитета у Бањој Луци (Република Српска, Босна и Херцеговина). Испитаници су били студенти различитих година студија, већином русистике.

Будући да се студенти русистике тек на завршној години упознају са постмодернизмом и делом Виктора Пељевина, као и културом Совјетског Савеза и Перестројке (које су централне у Пељевиновом делу — управо то време и та култура се тематизују и подлежу књижевној деконструкцији), а студенти са других студијских програма се са њима кроз факултетско образовање не упознају у превеликој мери, занимало нас је колико они могу да схвате, доживе и како да интерпретирају поједине делове приче „Спавај“ («СПИ»), као и да ли постоји разлика у одговорима између студената русистике и студената других студијских програма.

Још једна од претпоставки од којих се пошло јесте да студентске читалачке навике умногоме утичу на разумевање текста, те да ће они испитани студенти који више и посвећеније читају, сматрати текст интересантнијим и разумљивијим, али и дати богатије и детаљније одговоре.

У истраживању је учествовало петнаест студената, а сама анкета се састојала из четири целине, које су укупно садржале осамнаест питања. Првих шест питања односило се на студијски програм који испитаници похађају, као и на њихове читалачке навике, следећа два дела од два и три питања подразумевала су утиске и кратке, асоцијативне одговоре, а последњи део упитника (седам питања) захтевао је дуже одговоре и проверавао је разумевање појединих аспеката текста. Анкета је била анонимна. Истраживање је спроведено од 15. априла до 5. маја 2024. године.

Закључци истраживања, до којих се у тренутку предаје теза дошло, јесу да, иако је већина испитаних студената означила да им се текст допао (чак тринаест од петнаест испитаника га је на скали од један до десет оценила са шест и више), и да није био превише стилистички тежак, када су појединости у вези са одређеним деловима текста у питању, делује као да га студенти нису разумели, или се нису превише удубљивали у анализу (иако аутор оставља могућност и недовољне заинтересованости или мотивисаности испитаника да дају детаљније и потпуније одговоре). Ово би, свакако, могло да указује и на недовољно предзнање, које онемогућује потпуно разумевање оваквог текста (јер се Пељевин у великој мери ослања на читаоца и његово читалачко, али и животно искуство) које се и поклапа са почетним претпоставкама аутора.

Литература

Иљин И. П. Постструктурализам. Деконструктивизам. Постмодернизам, Москва: Интрада, 1996. 256 с.

Ингарден Р. Очерки по философији литературе, Благовещенск: БГК Им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1999. 184 с.

Стојановић Д. Феноменологија и вишезначност књижевног дела, Београд: Просвета, 1977. 274 с.

ДЕЕПРИЧАСТИЯ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА В ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ПОЛЬСКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Остапчук Оксана Александровна

доцент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

Ключевые слова: деепричастие несовершенного вида; переводной нарратив; русский язык; польский язык; украинский язык; корпусные данные.

Модель выражения зависимого таксиса при помощи нефинитных форм глагола характерна для славянских языков, где для оформления граммымы разновременности (предшествования) используются деепричастия совершенного, а для выражения граммымы одновременности — деепричастия несовершенного вида [Плунгян 2005: 271]. В последнее время усиливается интерес к исследованию текстовых функций деепричастий, принимающих активное участие в иерархизации и перспективации событий в нарративе за счет выбора предиката в клаузах, передающих основную линию повествования и его фон. Перевод деепричастий с одного славянского языка на другой является не только насущной практической, но и важной теоретической проблемой, напрямую связанной с текстовыми функциями конвербов и их прагматическим потенциалом.

Целью доклада является демонстрация возможностей, которые предоставляют корпусы славянских языков для исследования функционального веса деепричастий в родственных языках (НКРЯ, НКЯР — Narodowy Korpus Języka polskiego, корпус украинского языка ГРАК). Привлечение переводов художественной литературы из параллельных русско-польского и русско-украинского подкорпусов НКРЯ призвано дополнительно выявить возможные семантико-стилистические трансформации при переводе, а также прагматические функции деепричастий в переводном нарративе.

Исследования текстовых функций конвербов в последнее время позволили сделать важные наблюдения о зависимости их прагматического потенциала от принадлежности исходных глаголов к различным семантическим группам. Отмечается, что в форме деепричастия выступают, как правило, акциональные предикаты, предикаты со значением состояния личного субъекта, предикаты динамического положения дел [Онипенко, Биккулова 2020], в нарративе дополнительно отмечается активность конвербов от глаголов, называющих эмоции, изменение позы, кинемы [Уржа 2023].

Определенная специфика наблюдается также применительно к глаголам других семантических групп, в частности, к глаголам чувственного восприятия. В докладе иллюстрируются возможности, предоставляемые корпусом для исследования функционального потенциала конвербов, на примере глаголов *слушать* / *(вы)слушать* в русском языке и их соответствий в польском и украинском языках. Так, в каждом из названных языков соотносимые глаголы несовершенного вида, согласно данным корпуса, демонстрируют довольно высокую частотность: рус. *слушать*: 97 839 вхождений (частота 261.29 на миллион), укр. *слухати*: 167 576 вхождений (ipm 94.06), пол. *śluchać*: 27 927 вхождений (ipm 25.16). Для образованных от них деепричастий частотность кратно ниже: рус. *слушая*: 7604 вхождений (ipm 20.3); укр. *слухаючи* 9216 вхождений (ipm 5.17) пол. *śluchając*: 6850 вхождений (ipm 4.495, при этом в художественной прозе 25.703). Анализ частотного профиля деепричастий свидетельствует об активности конвербов в польском языке: процент деепричастия несовершенного от всех форм в русском языке составил 7,77 %, в украинском — 5,5 %, а в польском — 24,53 %.

Дальнейший анализ с привлечением текстовых массивов призван уточнить функциональный профиль деепричастий несовершенного вида рус. *слушая* — укр. *слухаючи* — пол. *śluchając* в сопоставительном аспекте. Специфика функционирования деепричастий в переводном нарративе выявляется на основе анализа переводов конверба *слушая* в русско-польском параллельном подкорпусе НКРЯ (34 текста, 120 примеров) и русско-украинском подкорпусе НКРЯ

(65 текстов, 128 примеров). Переводы конверба *слушая* демонстрируют довольно высокий интерпретационный потенциал (при общей устойчивости русской формы): был отмечен ряд переводческих трансформаций, влияющих на оформление нарратива. Так, замены финитной формы глагола конвербом способны вызвать изменения в иерархизации событий: — *Szlag chce trafić, gdy się tego **ślucha!*** — (рус.) *Прям удар можно получить, вас **слушая!***; (укр.): *Зупинилася, **слухала.*** — (рус.): *Она остановилась **слушая.*** Замена причастия деепричастием связано с усилением процессуальности фонового события: (укр.): *<...> кожен **слухаючий** мусив би плакати.* — (рус.): *<...> всяк, **слушая** ее, плакал бы;* (пол.) *Ludzie **śluchający** pod «szczekaczkami» nie mogą zataić uśmiechu* — (рус.) *Люди, **слушая** немецкое радио, не могут скрыть улыбку.* Подобный семантический сдвиг наблюдается также при введении вторичного предиката: (укр.): *Але тепер **під напором слів** панотця повіділось йому <...>* — (рус.) *Но сейчас, **слушая** пан-отца, он подумал <...>;* (пол.) *Ze **słów** jego można było wnioskować <...>* — (рус.) *Слушая его, можно было сделать вывод <...>.* Довольно редкими на общем фоне оказались случаи изменения таксисных отношений при сохранении фоновой функции: пол. *Żyjęm krokiem, nie **śluchając** go już, Eleonora się przechadzała zaczęła po Sali* — рус.: *Элеонора, не **дослушав**, быстро зашагала по комнате.*

Как показал анализ, в сопоставительных исследованиях, направленных на выявление прагматического потенциала деепричастий, наряду с аспектуальными характеристиками базового глагола и его принадлежностью к семантическому классу, важно учитывать дискурсивные факторы, влияющие на выбор предиката при выстраивании текстового времени и иерархизации событий. Данные об относительной частотности конкретных словоформ, в том числе деепричастий от основы НСВ, а также сведения о способах их перевода, полученные на основе анализа корпусных данных, могут пролить дополнительный свет на функциональную специфику конвербов в близкородственных языках и расширить переводческий инструментарий.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>

Литература

- Онипенко Н. К., Биккулова О. С. К проблеме соотношения вида и таксиса (деепричастие в «Семантико-грамматическом словаре русских глаголов») // Взаимодействие аспекта со смежными категориями / Отв. ред. Головки Е. В., Горбова Е. В. СПб.: «Издательство РГПУ им. А. И. Герцена», 2020. С. 271–282.
- Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. 5-е изд., стереотип. М.: Ленанд, 2016. 384 с.
- Уржа А. В. Прагматический потенциал русских деепричастий в нарративе: корпусное исследование сквозь призму переводов // *Studia Slavica*. Vol. 67. Is. 1–2. Pp. 147–160.

ПЕРЕДАЧА РЕАЛИЙ «СОБАЧЬЕГО СЕРДЦА» М. А. БУЛГАКОВА В ЧЕШСКИХ ПЕРЕВОДАХ И ВОСПРИЯТИЕ ПОВЕСТИ В ЧЕХИИ

Сергиенко Олеся Сергеевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ушакова Валерия Владимировна

студент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: «Собачье сердце»; художественный перевод; перевод реалий; национально-специфическая лексика; чешский язык.

Цель настоящего исследования — рассмотреть основные способы перевода на чешский язык реалий, встречающихся в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце», сравнить, как с этой задачей справились три разных переводчика повести на чешский язык, а также установить степень адекватности каждого из переводов.

Цель исследования определила следующие задачи, которые необходимо было решить: методом сплошной выборки отобрать и классифицировать лексические единицы, номинирующие советские и русские национальные реалии в тексте «Собачьего сердца», проанализировать и сравнить способы перевода лексем, сделать выводы об адекватности перевода.

Традиция восприятия русской литературы в Чехии, как и традиция художественного перевода с чешского на русский восходит еще к периоду чешского национального возрождения. Как известно, история этих взаимоотношений видела как взлеты, так и падения.

Как отмечает И. А. Герчикова, в статье «Михаил Булгаков на чешской сцене», имя Булгакова в Чехии появилось впервые в 1927 г., а уже в 1928 г. в Праге вышел первый чешский перевод Булгакова — это был роман «Белая гвардия». Именно благодаря этому роману Булгаков был известен в Чехии вплоть до конца 1950-х гг. Новые переводы появляются только в конце 50-х («Дни Турбиных», «Бег», «Багровый остров»). Но настоящий всплеск интереса к Булгакову произошел в середине 60-х гг. Тогда же основной переводчицей произведений М. А. Булгакова стала выпускница отделения русистики Карлова университета Алена Моравкова. В ее переводе в 1969 г. в Чехии вышел роман «Мастер и Маргарита», и это было первое полное издание романа в Восточной Европе [Герчикова 2017: 201–205].

После бархатной революции в Чехии кардинально изменились условия для издания переводов русской литературы, а все внимание переводчиков обратилось на ранее запрещенную режимом русскую прозу (Б. Пастернак, В. Шаламов, А. Солженицын, А. Платонов, И. Бунин), сюда же подпадает и большинство произведений М. Булгакова.

Повесть Булгакова «Собачье сердце» вышла в конце 1989 г. в переводе Людмилы Душковой, а в начале 1990 г. с разницей в месяц появился перевод «Собачьего сердца» Алены Моравковой. В 2010 г. появился новый перевод этой повести от еще одного замечательного чешского переводчика русской литературы Милана Дворжака. Для нашего анализа мы воспользуемся всеми тремя переводами «Собачьего сердца» на чешский язык.

Многие исследователи ранее обращались к переводу реалий на материале повести М. А. Булгакова «Собачье сердце», однако анализировались в основном переводы на английский (Пастухова 2018; Шафеева 2018, Изволенская 2021), немецкий (Минюхина 2017), французский (Николаева 2005), итальянский (Кутеко 2021) и др. языки, проводились и компаративистские исследования на материале двух языков, например, английского и немецкого (Артемьева, Явари 2022). Исследования переводов реалий на материале чешского языка нами обнаружены не были. Мы ранее уже обращались к анализу перевода фразеологизмов «Собачьего сердца» на чешский и английский языки [Сергиенко 2016], а также рассматривали перевод реалий в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» на чешский язык [Сергиенко, Бабкина 2021].

С. Влахов и С. Флорин в своей работе «Непереводимое в переводе» называют реалии «ярким примером непереводимых элементов текста», неоднозначной категорией, а также

«наиболее яркими выразителями колорита». Исследователи выводят следующее определение: реалии — это «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [Влахов, Флорин 1986: 47].

В докладе будут рассмотрены основные классификации реалий, представленные в трудах отечественных теоретиков перевода (В. С. Виноградов, 1978; С. Влахов, С. Флорин, 1986; Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, 1990 и др.), и способы передачи реалий, встречающиеся в трех чешских переводах: транскрипция и транслитерация, гипонимический перевод, уподобляющий перевод, описательный перевод, калькирование и опущение.

Для адекватного перевода слова-реалии переводчику необходимы определенные знания о той действительности, которая изображена в переводимом произведении, т. н. «фоновые знания», т. е. совокупность представлений о том, что составляет реальный фон, на котором разворачивается картина жизни другой страны, другого народа. Предпосылкой для верной передачи слов, выражающих реалии материального быта, является знание самих вещей, стоящих за этими словами, верное представление о них.

Литература

- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 384 с.
- Герчикова И. А. Михаил Булгаков на чешской сцене // Михаил Булгаков и славянская культура / Отв. ред. Е. А. Яблоков. М.: Совпадение, 2017. С. 200–211.
- Сергиенко О. С. Особенности перевода фразеологических единиц (на материале повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов на чешский и английский языки) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (58): в 3-х ч. Ч. 3. С. 144–148.
- Сергиенко О. С., Бабкина Л. Д. Реалии в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» и их отражение в переводе на чешский язык. // Russian Linguistic Bulletin. № 4 (28) 2021. С. 228–231.

«...Я ПИСАЛ СТИХИ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ, И ВЫЖИЛ ЛИШЬ ПОТОМУ, ЧТО ПИСАЛ СТИХИ»: ФЕНОМЕН ЙОСИПА ОСТИ

Старикова Надежда Николаевна

заведующая отделом Института славяноведения РАН (Москва)

профессор кафедры славянской филологии, Московский государственный университет

имени М. В. Ломоносова

Ключевые слова: Йосип Ости; современная словенская поэзия; транскультурализм.

Доклад посвящен творческой судьбе поэта, прозаика и переводчика Йосипа Ости (1945–2021), являющей собой яркий пример успешной интеграции в инациональное литературное пространство. Уроженец города Сараево, хорват по матери, словенец по отцу, Ости заявил о себе как литератор, пишущий на «хорватском языке сараевского происхождения» [Osti 2020: 243], и в этом качестве получил на родине известность и признание. В начале 1990-х он переехал к жене в Люблян, после распада СФРЮ стал гражданином провозгласившей независимость Республики Словении, потрясенный военными действиями в Боснии и Герцеговине начал писать и издаваться по-словенски. Был инициатором помощи писателям в осажденном Сараево, в качестве члена делегации Словенского ПЕН-центра вместе с поэтами Борисом А. Новаком, Нико Графенауэром и прозаиком Драго Янчаром посетил осажденный город, в середине 1990-х гг. издавал серию Egzil-abc, среди книг которой были произведения боснийских авторов, оставшихся в Сараево или ставших беженцами. В 1999 г. выступил составителем и редактором антологии «Музы не молчали. Стихи словенских поэтов и поэтесс о войне в Словении, Хорватии и Боснии и Герцеговине». Из трех десятков опубликованных Ости поэтических сборников две трети написаны по-словенски, уже дебютная книга стихов на словенском языке «Нарцисс с Краса» («Kraški narcis», 1999) была отмечена престижными словенскими литературными премиями. Смена языка творчества в возрасте пятидесяти лет — шаг смелый, но в мировой литературной практике не исключительный. В случае Ости это связано с трагедией Сараева, т. е. с утратой родины, а с ней и родного наречия и обретением в Словении нового дома, не только физического, но и духовного.

«Переходным» для языковой ориентации поэзии Ости можно считать двуязычный сборник «Печать Соломона» («Salomonov pečat», 1995), в котором стихотворения представлены в хорватских оригиналах и словенском переводе, выполненном Юре Потокаром. Для завершающего книгу стихотворения «Я остался без языка» (последнего поэтического произведения, созданного Ости на языке рождения), характерна двойная интонация: переживание поэтической немоты, по сути, творческой беспомощности, и готовность преодолеть ее, научившись говорить на языке своей новой родины. Особое место в творчестве поэта занимает сборник «Скатерть Вероники» («Veronikin prt», 2002), посвященный матери, отказавшейся покинуть осажденную столицу Боснии и Герцеговины и всю осаду писавшей дневник — документальное свидетельство постигшей сараевцев катастрофы. Вокруг центральной темы — уничтоженного войной Сараево группируются мотивы тоски по потерянному дому, бесприютности, поиска внутренней свободы.

Около четверти века поэзия Ости рождалась на словенском языке, при этом он сам делал переводы своих стихов на хорватский, боснийский и сербский для издательств Боснии и Герцеговины, Хорватии и Черногории. Свой выбор он объяснил так: «Из моего сложного положения [...] я бессознательно спасся тем, что начал писать стихи по-словенски. Хотя до этого был глубоко убежден, что не смогу написать ни строчки на каком-нибудь другом языке» [Osti 2020: 244]. Язык новой родины стал для поэта способом преодоления экзистенциальной травмы, помог дистанцироваться от трагедии «посредством языка, которого не коснулась война» [Novak 1999: 840]. Для авторской поэтики этот переход не прошел бесследно: со временем на смену развернутым и подчеркнuto усложненным верлибрам приходят лаконичные семнадцатисложные

хокку (хайку), что стабилизирует семантическую и образную перегруженность первоначальных словенских поэтических экспериментов Ости. В итоге классическая форма японского стиха становится для словенского периода его творчества самой продуктивной.

Феномен Ости по-своему уникален, его гибридная идентичность, литературная двудомность и двуязычное творчество были легитимизированы словенской критикой [Žitnik Serafin 2008: 103], что стало первым подобным примером в современной социокультурной традиции Словении. Это свидетельствует о том, что подход к литературным произведениям в словенском обществе меняется. Пересмотр концепции национальной литературы с учетом углубления процессов культурной интеграции из дискуссионной плоскости переходит в практическую: «В словенских литературоведческих исследованиях и литературной практике последнего времени, утверждается понимание того, что словенское культурное пространство больше не является одноязычным, что в нем сосуществуют, находясь в постоянном диалоге друг с другом, многие языки и культуры» [Koron 2020: 175].

Литература

- Koron A. Večjezičnost in večkulturnost v literarnih delih Josipa Ostija in Gorana Vojnovića // Literarna večjezičnost v slovenskem in avstrijskem kontekstu. Ljubljana, 2020. S. 165–177.
- Novak B. A. Dvojezični pesniški glas // Sodobnost. 1999. Št. 9/10. S. 839–847.
- Osti J. Žvljenje je srhljiva pravljica. Maribor, 2020. 354 s.
- Žitnik Serafin J. Položaj priseljenskih avtorjev v slovenski kulturi // Žitnik Serafin J. Večkulturna Slovenija: položaj migrantske književnosti in kulture v slovenskem prostoru. Ljubljana, 2008. S. 75–101.

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО И. ЦАНКАРА И РУССКИЙ КРИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Старкова Вероника Викторовна

аспирант, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Ключевые слова: Иван Цанкар; критический реализм.

Термин «критический реализм» был введен советским писателем М. Горьким в 30-е гг. XX в. чтобы противопоставить новый метод советской литературы, «утверждающий, направленный в будущее» социалистический реализм «критикующему, направленному в прошлое» дореволюционному реализму: «“Буржуазно-дворянский реализм” был критическим реализмом... Наш реализм имеет возможность и право утверждать, его критика обращена на прошлое и отражение прошлого в настоящем. А основная его задача — утверждение социализма...» [Горький 1956: 294]. В дальнейшем среди отечественных литературоведов велся ожесточенный спор о том, кого из русских писателей можно отнести к писателям критического реализма, а кого — нет [Кожин 1978]. В докладе, следуя представлениям М. Горького, мы примем допущение, что русский «критический реализм» — это все произведения, написанные в русле реализма до 1917 г.: сюда относится как «романтический, ренессансный реализм» [Кожин 1978] А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, «фантастический реализм» [Кожин 1978] Ф. М. Достоевского, так и более поздние произведения Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева и др.

Европейский и русский «критический реализм» имеют важное различие: если для европейского течения (например, по мысли Э. Золя) реализм сводится к точному, полному, правдивому воспроизведению социальной среды и времени, в которое живет писатель, т. е. в европейском реализме (О. де Бальзак, Ч. Диккенс, Г. Флобер, У. Теккерей, и др.) главное — это посредством правдивого изображения действительности вскрыть проблемы общества, «расчленив» действительность и представить ее на суд читателю, то для русского критического реализма важно безоценочно отразить жизнь, столкнуть читателя с его повседневной реальностью, через искусство раскрыть его внутренний мир: «Для нас не столько важно то, что хотел сказать автор, сколько, то, что сказалось им, хотя бы и ненамеренно, просто вследствие правдивого воспроизведения фактов жизни. Мы дорожим всяким талантливым произведением именно потому, что в нем можем изучать факты нашей родной жизни, которая без того так мало открыта взору простого наблюдателя» [Добролюбов].

Словенский писатель, критик и историк литературы, один из первых специалистов по русской литературе Ф. Целестин (1843–1895) в статье «Наш кругозор» («Naše obzorje», 1883), выступает сторонником реализма, т. е. связи искусства с реальной жизнью. Опираясь на работы В. Г. Белинского, критик раскрывает свое понимание реалистического вектора русской литературы XIX в.: он противопоставляет любое «неполезное», оторванное от реальности творчество произведениям русских писателей — Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, отражающим действительность и позволяющим читателю увидеть себя и окружающее общество, словно в зеркале: «Ведь все западное славянство не имеет ни одного писателя, который бы писал, как Тургенев и многие другие русские критические писатели, то есть который бы правдиво изображал современное общество: романтическая красочность повествования и характеров все еще является для авторов главным» [Celistin 1883:325].

Словенский писатель И. Цанкар (1876–1918) во многом соглашался с идеями Целестина, развивая и углубляя их в своем творчестве и публицистике. Показательным видится письмо писателя к «сестре по перу» З. Кведер от 8 мая 1900 г., когда шла работа над рассказами второго цанкаровского сборника «Книга для легкомысленных людей», в котором он противопоставляет творчество русских авторов представителям декаданса: «Могучим и осмысленным мне видится только или тенденциозное творчество Гоголя, Толстого и других русских авторов, стремящихся представить социальные, политические или философские идеи сильными художественными средствами, — или же искусство древних греков, Шекспира, Гёте и прочих, у которых есть эстетические и этические цели. Творчество же некоторых декадентов — это издевательство над

самим собой, а у отдельных — просто жонглирование фразами». В 1901 г. в статье «Униженное искусство» писатель говорит о том, насколько творчество русских писателей-реалистов (в частности, Л. Н. Толстого) выше и глубже «искусства для искусства»: «Толстой не чесал им (зрителям — В. С.) пяток, он схватил их за уши. <...> Они пришли насладиться прелестью греха, а увидели его гнусность, и это привело их в ярость».

Следуя принципам правдивого и психологически точного воздействия на читателя, Цанкар в рассказах из сборника «Книга для легкомысленных людей» (1902) представляет на его суд галерею узнаваемых персонажей: голодающего мальчика Марко из бедной словенской деревни (рассказ «Крестный путь»), маленькую Анку, возжелавшую лучшей жизни и поэтому решившуюся потратить чужие деньги (рассказ «В предместье»), жителя предместья Карела Ереба, не сумевшего смириться с социальной несправедливостью (рассказ «Перед целью»). Это персонажи-зеркала, отражающие не только социальные противоречия окружающей действительности, но и глубоко раскрывающие души читателей, позволяющие им понять самих себя и взглянуть со стороны на процессы, происходящие в обществе.

Литература

Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 30. М: Гослитиздат, 1956. 512 с.

Кожин В. Русская литература и термин «критический реализм» // Вопросы литературы. 1978. № 9. С. 95–125.

Добролюбов Н. А. Когда же придет настоящий день? [Электронный ресурс] URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Когда_же_придѣт_настоящий_день%3F_\(Добролюбов\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Когда_же_придѣт_настоящий_день%3F_(Добролюбов)) (дата обращения: 26.06.2024)

Celistin F. Naše obzorje // Ljubljanski zvon letn. III štev. 5, 1883. S. 325.

ЗНАЧЕНИЕ А. С. ПУШКИНА ДЛЯ ТВОРЧЕСТВА П. А. КУЛИША

Тоичкина Александра Витальевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: А. С. Пушкин; П. А. Кулиш; «Евгений Онегин»; манера повествования.

Поэтический стиль известного украинского писателя П. А. Кулиша (1819–1897) в значительной степени формировался под влиянием таких великих его современников, как А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь. Лично с Пушкиным Кулиш знаком не был. Но в жизни его случались встречи, которые максимально приближали его к поэту и его творчеству. Так в марте 1845 г. он обратился к ректору Императорского Санкт-Петербургского университета П. А. Плетневу с просьбой найти ему место в Петербурге. По приезде в столицу Кулиш был принят в его доме. Плетнев, как известно, с начала 1820-х гг. был в близких дружеских отношениях с Пушкиным, сотрудничал с ним в «Современнике» (1836). Пушкин посвятил Плетневу своего «Евгения Онегина». Потом, после смерти поэта, Плетнев стал редактором-издателем его сочинений (1838–1846). Кулиш вошел в круг близких Плетневу людей, принимал участие в литературных вечерах, которые проходили в его доме. В 1840-х гг. Плетнев жил в ректорском флигеле Санкт-Петербургского университета (Университетская набережная, дом 9). В этом доме и проходили вечера, которые «были олицетворением живой связи нового литературного поколения с пушкинским, ушедшим в прошлое» [Шубин:151].

Общение с Плетневым и его окружением оказалось очень значимым для Кулиша. В конце жизни, в 1894 г. он писал: «В 1844–1845 годах я, будучи таким неопытным и, должен сказать, порченным юношей-провинциалом<...>, попал в руки несравненному П. А. Плетневу, и он пересоздал меня так, что, отправляя за границу в 1847 году, писал Жуковскому: “посылаю тебе другого себя”» [Дорошкевич: 162]. И в 1847 г. Кулиш пишет первую часть своего романа «Евгений Онегин нашего времени». Плетнев, однако, критически оценил произведение и посоветовал Кулишу заняться другими делами. Тем не менее, роман представляет для истории литературы свою ценность. Он интересен и в аспекте изучения эволюции стиля Кулиша, и в плане значения творчества Пушкина для молодых писателей этого времени.

Роман Кулиша автобиографичен. Произведение состоит из шести глав и охватывает события жизни поэта с 1843 по 1847 г. Так, в романе в поэтической форме Кулиш рассказывает о своем визите к польскому писателю Грабовскому. Потом о любви к А. М. Белозерской и о проблемной истории своего сватовства к ней. Повествуется в романе о жизни писателя в Петербурге и дружбе с Плетневым, о влюбленности в дочь Плетнева Ольгу, о поездке на хутор Белозерских Мотроновку в 1846 г., а потом об отъезде за границу. В частности, главы четвертая и пятая посвящены петербургскому периоду в жизни Кулиша. И Пушкин оказывается здесь главным героем, незримо присутствующим в доме Пустынника (так называет он в романе Плетнева). Отдельными упоминаниями Пушкина переполнен весь роман. Пушкинские традиции в плетневском кружке становятся важной темой для Кулиша. Биографически это связано с тем, что Кулиш писал роман после ареста, находясь в ссылке в Туле за участие в Кирилло-Мефодиевском братстве. Ему необходимо было в своем произведении сделать акцент на лояльности своей гражданской позиции. Но дело не только в политике. Не случайно в дальнейшем эта же позиция Кулиша будет подтверждаться последующими его произведениями. Плетнев как наставник предопределил новый этап в жизни украинского поэта. Пушкин и пушкинская традиция в русской литературе станут школой поэтического мастерства для Кулиша. В частности, сама жанровая форма романа в стихах давала поэту возможность разработать свободную манеру повествования с лирическими автобиографическими отступлениями, с особым типом «онегинской строфы», варианты которой отрабатывались им на материале его версии произведения.

В дальнейшем Кулиш по-разному будет обращаться к темам Пушкина. Так, его стихотворение «На исповеди» (опубликовано в составе сборника «Хуторская поэзия» в 1882г), написано

на украинском языке и полемически заострено по отношению к двум эпитафиям из Пушкина. В сборнике «Звон» (1893) в стихотворении «Перед памятником Гоголю» Кулиш своеобразно поэтически осмыслит «Памятник» Пушкина. Стихотворение «Вітаю глуш твою, куточку мій затишний» — лирическое подражание «Деревне». А стихотворение «Поэту» — перепев на тему пушкинского стихотворения «Поэт и чернь». Любовная лирика Кулиша тоже вдохновлялась музой Пушкина (упомянем такие его стихи, как «Метаморфоза», «Заколдованный колодец», «Видение» из того же сборника «Звон»). Отдельно нужно упомянуть опыт его авторского перепева «Дона» («Блеща среди полей широких»). Произведение вошло в цикл Кулиша «Перепевы великорусских песен», целиком построенном на поэтическом осмыслении русской лирики (сборник «Звон»).

Особое значение сыграли поэтические подражания-переосмысления поэтического наследия поэта в творческой лаборатории переводов Кулиша из Байрона («Паломничество Чайльд-Гарольда», первая песнь «Дон Жуана») и в последней его поэме «Кулиш в аду». В этой оригинальной, глубоко автобиографической поэме, Кулиш (незадолго до смерти) обратился к опыту художественного мастерства таких своих великих предшественников, как Пушкин и Котляревский.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01302, <https://rscf.ru/project/23-28-01302> «Методология аксиологического подхода к изучению русской словесности А. А. Ухтомского и Д. И. Чижевского».

Литература

Дорошкевич О. Куліш — героєм роману // Пантелеймон Куліш. Збірник праць комісії для видавання пам'яток новітнього письменства за ред. академіка С. Єфремова та Ол. Дорошкевича. Київ, 1927. С. 157–170.

Шубин В. Ф. Поэты пушкинского Петербурга. Лениздат, 1985. 364 с.

СЛАВЯНСКИЕ МИКРОЭТНОСЫ В СОВРЕМЕННОЙ ВОЕВОДИНЕ: ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Хмелевский Михаил Сергеевич

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Савченко Александр Викторович

приглашенный профессор, Государственный университет Чжэнчжи (Тайбэй, Тайвань)

Кузнецова Ирина Владимировна

доцент, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева (Чебоксары)

Ключевые слова: Воеводина; славянские микроязыки; словаки; банатские чехи; южные русины.

Воеводина — автономный край Сербии с административным центром в г. Нови-Саде — располагается к северу от Дуная и насчитывает порядка 2 миллионов жителей. В Воеводине проживает около 25 этносов, 6 языков которых имеют статус официальных на территории края: сербский, хорватский, венгерский, словацкий, русинский и румынский [Дуличенко 1981: 26 и сл.].

Настоящий доклад посвящен 3 славянским микроэтносам, около трех веков компактно проживающим на территории Воеводины внутри сербского макроэтноса, а именно — словакам, банатским чехам и южным русинам. Он представляет собой не только обзор имеющейся научной этнолингвистической и лингвокультурологической литературы по данному вопросу, анализ письменных источников, уже изданных и до сих пор издаваемых на этих трех языках в Сербии, но и имеет своей целью продемонстрировать результат лингвистических полевых исследований в ареалах тесного проживания их носителей в Воеводине, осуществленных авторами настоящей работы.

1) Словаки в силу экономических и прежде всего религиозных причин, побудивших их переселяться в Воеводину в начале XVIII в. (входившую тогда в Австро-Венгерскую империю, таким образом, это переселение не может быть названо эмиграцией, а фактически — миграцией внутри одного государственного образования), несмотря на многолетнюю политику мадьяризации и соседство с сербским макроэтносом, смогли сохранить свой язык, духовно-материальную культуру, национальную идентичность и религию (в отличие от большинства этнических словаков, которые являются католиками, воеводинские словаки исповедуют протестантизм). С самого начала своего пребывания в Воеводине словаки начинают печатать газеты на родном языке, создавать литературу, открывать словацкие школы, строить евангелические костелы, одновременно учреждается активно действующий до настоящего времени национально-культурный центр «Матица словацкая». Развиваясь вдали от этнической родины, словаки Воеводины, с одной стороны, сохранили архаичные черты словацкого языка XVIII в., с другой — испытали на себе языковое и культурное влияние сербского макроэтноса, сформировавшись как особый подэтнос, до настоящего времени идентифицирующий себя как словаки по генетическому, языковому и религиозному принципу [Дуличенко 1981: 129; Лифанов 2012: 74]. Явление языковой интерференции и культурно-этнографические особенности воеводинских словаков до сих пор не подвергались пристальному научному описанию ни в Словакии, ни в Сербии, что подчеркивает актуальность и научную значимость проведенного нами исследования для расширения знаний в области современной славистики.

2) Чехи («банатские чехи») начали заселяться на территорию Воеводины в начале XIX в. и до сих пор компактно проживают в ее исторической области — Банате (г. Бела-Црква и деревня Чешско-Село), сохраняя родной язык и традиции, несмотря на свою малочисленность, сербское-румынское окружение и билингвизм. Актуальность изучения банатских чехов на уровне языка и этнографии заключается в отсутствии научных исследований по данному

вопросу, тогда как, проживая в районах, отдаленных от административных центров, банатские чехи были в наименьшей степени подвержены влиянию указанных макроэтносов.

3) Русины переселились в Воеводину из Карпат (современные территории Восточной Словакии и Западной Украины) в середине XIX века. Сохраняя свой родной язык (который является одним из официальных языков Воеводины) и религию (греко-католицизм), представители данного этноса по сей день идентифицируют себя как отдельный народ — паннонские (южные) русины. Развиваясь вдали от этнических карпатских русинов и находясь под сильным влиянием сербского языка и сербских реалий, в результате, как объективная данность, формируется самостоятельный славянский микроэтнос и микроязык с численными западнославянскими чертами, равно как и большим количеством сербских лексических заимствований в результате языковой близкородственной конвергенции [Белей 2000: 198]. В начале XX века была издана первая грамматика южнорусинского языка, на нем создается литература, ведется преподавание в школах, а в 1982 г. в Университете в г. Нови-Саде была образована кафедра русинского языка [Чарский 2008: 11].

Проведенные нами исследования трех ареальных славянских микроязыков современной Воеводины внутри сербского макроэтноса (как лингвокультурологические, так и непосредственно полевые) являют собой попытку научного описания современной полиэтничной и уникальной в своем роде в рамках славянского мира языковой ситуации в рассматриваемом нами автономном округе Сербии, где два западнославянских и один восточнославянский народы, переселившиеся три века назад в Южную Славию, не подверглись ассимиляции со стороны количественно превосходящего их макроэтноса и сумели сохранить свою национальную, культурную, религиозную идентичность, причем, их языковая и историко-культурная конвергенция с сербским языком, культурой и прочими социальными реалиями сербов протекала не одинаково, чему, помимо прочего, уделяется особое внимание в настоящем научном обзоре.

Литература

- Белей Л. О. Русинська мова в Югославії та Хорватії // Українська мова: Енциклопедія. Київ: Українська енциклопедія ім. М. П. Бажана, 2000. 820 с.
- Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки: вопросы формирования и развития. Таллин: Валгус, 181. 323 с.
- Лифанов К. В. Диалектология словацкого языка: Учебное пособие. М.: Инфра-М, 2012. 86 с.
- Чарский В. В. Южнорусинский язык в свете языковых контактов (лингвогенетический аспект). Автореф. дисс. на соиск. степ. канд. филол. наук. М.: МГУ, 2008. 23 с.

ФЛОРОНИМЫ-КОМПОЗИТЫ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ФОНЕ ФЛОРОНИМОВ ПОЛЬСКОГО, УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Широкова Александра Александровна

специалист по учебно-методической работе, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

Ключевые слова: флороним; фитоним; словообразование; композит.

Названия растений, используемых человеком прежде всего в декоративных целях, образуют лексико-семантическую группу «Флоронимы» (ср. определение цветка в статье «Цветок» идеографического этнолингвистического «Словаря народных стереотипов и символов»: «декоративное растение, часто душистое» [Słownik... 2022: 14]). Помимо особенностей использования, данное понятие включает в себя также представления о внешнем виде, особенностях строения и свойствах растений, относимых к цветам. Эти специфические черты находят отражение в производных наименованиях цветов, представленных в славянских языках, выступая в качестве номинативных признаков.

Признаком, лежащим в основе номинации, может быть некоторая особенность внешнего вида растения (как приближающая его к стереотипу образа цветка, так и удаляющая его от последнего): например, цвет и размер соцветия, строение стебля или корневища, форма и окраска листьев и т. п.; иные особенности (наличие аромата, способность виться, способ распространения семян и т. п.). Также существенными чертами, отражаемыми на номинативном уровне, являются время появления побегов и цветения, склонность к произрастанию на определённом типе почв или распространению в том или ином природном сообществе (лес, водоём и т. д.), сходство или способность взаимодействия с иным растением. В наименовании может быть отражён как единственный характерный признак (например, польск. *dziurawiec* ‘зверобой’ от *dziurawy* ‘дырявый’: на листьях растения находятся тёмные пятнышки, напоминающие дырочки), так и совокупность, своеобразный «пучок» признаков: например, в русском флорониме *звёздчатка* указывается и на форму, и на яркость светлых соцветий.

В настоящем исследовании ставится цель провести и представить анализ используемых в современном литературном русском языке, а также родственных ему восточнославянских (украинском, белорусском) и польском языках флоронимов, представляющих собой сложные слова (компози́ты). Под компози́том, в соответствии с общепризнанной трактовкой, понимается «слово, образованное соединением двух знаменательных корней или основ» [Варбот, Журавлёв 1998]. Помимо выполнения задач, связанных непосредственно с анализом наименований, т. е. описания их этимологических, мотивационных и словообразовательных особенностей, в т. ч. в сопоставительном аспекте, предполагается рассмотрение гипотезы о корреляции между двусоставностью наименования и номинативного указания одновременно на несколько существенных признаков именуемого растения.

Базу исследования составили наименования-компози́ты, относящиеся к 65 растениям: это около 50 русских флоронимов, около 40 украинских, около 30 белорусских и 16 польских; в общей сложности около 140 наименований. (Количественный дисбаланс обусловлен различной степенью представленности номинаций-компози́тов в исследуемых славянских языках.)

Большинство исследованных флоронимов представляют собой исконные образования (например, рус. *горицвет*, укр. *горицвіт*; польск. *krzywoszyj*; бел. *жаўтакруг*). К исконным же следует отнести наименования, производные от давно заимствованных основ: например, рус. *шпороцветник* (укр. *шпороквітник*, бел. *шпоракветнік*): существительное *шпора* во всех исследуемых языках восходит к немецкому *Spore*. К производным от давних заимствований следует отнести также флоронимы, образованные от личных имён: рус. *иван-да-марья* и укр. *іван-да-мар'я*; бел. *святаяннік*.

Однако в исследуемом материале присутствуют также наименования, для которых можно смело предположить калькированное происхождение: например, рус. *козлобородник* (польск. *kozibród*, бел. *казлабарод*): ср. лат. *Tragopogon*, нем. *Bocksbärte* (интересно, что в украинском языке представлен одноосновный, но, несомненно, схожий дериват-соответствие *козельці*). Немногочисленную, но выразительную группу представляют собой флоронимы с заимствованными основами, одновременно также являющие собой результат калькирования: рус. *гипсолюбка*, (лат. *Gypsophila*) (ср. также русское и украинское заимствования *гипсофила*, *гінсофіла*); рус. *лакфиоль* и *желтофиоль*, также укр. *жовтофіоль* и *жовтушник-лакфіоль* (вероятна связь с немецкими флоронимами *Goldlack*, *Gelbviole*).

С точки зрения словообразовательных особенностей исследуемых композитов следует указать на преобладание в них соединительного форманта –о (–е): например, рус. *белозор* и укр. *белозір*; р. *синеголовник* и бел. *сінегаловік*. В польских композитах достаточно частотен формант –і (–у): *kozibród*, *krowiziół*, *przebiśnieg*, *psizqb*, *trzykrotka*. Встречается он и в восточнославянских номинациях: например, рус. *болиголов*, укр. *болиголов*, бел. *балігалоў*. В небольшом количестве представлены также композиты с нулевым формантом: например, польск. *trójsklepka*; рус. *иван-чай*, укр. и бел. *іван-чай*.

Номинативные признаки, фиксируемые в исследованных наименованиях, достаточно разнообразны. Это место произрастания (рус. *болотноцветник*, бел. *балатнакветнік*), время появления и цветения (польск. *przebiśnieg* ‘подснежник’, дословно «пробей-снег»), форма соцветия (*сердцецвет*), корневища (р. *пальчатокоренник* и *пальцекорник*, укр. *пальчатокорінник*, бел. *пальчатакарэннік*), цвет соцветия (рус. *голубоглазка*, укр. *синьоочки*, бел. *блакітнавочка*), количество соцветий (рус. *тысячеголов*, укр. *тисячоголов*, бел. *тысячагалоў*), свойства растения (укр. *суховершки*), применение в человеческой деятельности — например, в лекарственных целях (рус. *чистотел*, укр. *чистотіл*, бел. *чыстацел*).

Следует подчеркнуть, что использование в качестве наименования растения композита в целом не означает фиксации в номинации нескольких признаков. Примеры, представленные выше, иллюстрируют отражение только одного номинативного признака; при этом случаи отражения нескольких признаков одновременно также фиксируются, но в значительно меньшем количестве. Так, в русском и украинском флоронимах *золототысячник*, *золототисячник* указывается и на цвет, и на (гиперболизируемое) количество соцветий; в рус. *белокрыльник* и укр. *білокрильник* — на цвет и форму лепестков соцветия.

Литература

Варбот Ж. Ж., Журавлёв А. Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Этимология и история слов русского языка. 1998. [Электронный ресурс] URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/etymology_terms/231/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%82 (дата обращения: 26.06.2024)

Słownik stereotypów i symboli ludowych. T. II. Rośliny. Kwiaty. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2022. С. 14.

ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ПОЛЬСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК ИЗ СОБРАНИЯ О. КОЛЬБЕРГА)

Юрова Алина Владимировна

аспирант, Санкт-Петербургской государственной университет

Ключевые слова: польско-русский перевод; перевод фразеологизмов; перевод народной сказки.

Целью данного исследования является анализ возможности перевода фразеологизмов, включенных в содержание народной сказки. В работе представлены особенности подбора русских эквивалентов для польских фразеологизмов на материале польских народных сказок из собрания Оскара Кольберга (1814–1890) «Народ» [Kolberg], в который вошли сказки из разных регионов Польши. Перевод фразеологических единиц является непростой задачей [Влахов, Флорин 1980: 179], особенно если дело касается народной сказки, где выступают диалектные особенности и просторечие.

В большинстве ситуаций в паре польский-русский возможно подобрать полный эквивалент, то есть фразеологизм перевести фразеологизмом, схожесть фразеологизмов находит свое отражение не только в лексической форме, но и в форме грамматической структуры. Так, в тексте сказки «То, не знаю, что» («O ficzom-klacom») [Kolberg 1867: 176] можно наблюдать выражение *stanąć jak wryty*, имеющее значение ‘кто-либо остановился и не двигается по причине удивления или испуга’. В русском языке эквивалентом данного выражения будет являться фраза *стоять как вкопанный* [Даль 1904] с абсолютно тем же значением. Ситуация с наличием полного эквивалента в переводе с польского языка на русский наблюдается часто, что еще раз подтверждает родство языков, в частности в области культурного наследия.

Не всегда в языке перевода возможно найти идентичную грамматическую и лексическую конструкцию. Случается, что отличия выражены минимально: в лексическом или грамматическом компоненте, тогда при переводе следует использовать частичный эквивалент. У Кольберга в сказке «О дочери ненавистой и покалеченной своей матерью» («O córce nienawidzonej i okaleczonej przez matkę») находим диалектное выражение *na sztyry wity* [Kolberg 1891: 102], что соответствует выражению *na cztery wiatry* /букв. на четыре ветра/, использующееся в значении ‘куда угодно, навсегда, без возможности вернуться’ [WSJP]. Этому фразеологизму в русском языке отвечает выражение «на четыре стороны» со схожим значением. Как можно заметить при переводе меняется только одно существительное, грамматическая структура и значение всей фразеологической единицы сохраняется, но теряется локальная информация. В переводе необходимо использовать прием стилизации.

В некоторых фразеологических единицах происходит замена лексического компонента, что вызвано рядом причин, в числе которых отсутствие литературной обработки, наличие диалектных особенностей, а также низкий уровень образованности информантов. Так, в сказке «Стеклянная гора» («Szkłana góra») встречаем выражение *psuć sobie głowę* /букв. портить себе голову/ [Kolberg 1875:4] в значении другого фразеологизма *łamać sobie głowę* /букв. ломать себе голову/, первый компонент единицы заменен, что возможно является следствием контаминации двух выражений *ryba psuje się od głowy* /букв. рыба портится с головы/ [WSJP] и *łamać sobie głowę* /букв. ломать себе голову/ [WSJP]. Однако, сам глагол *psuć* имеет еще значение ‘ломаться’, что говорит нам о сохранении семантики, значит фразеологизм можно перевести русским частичным эквивалентом *ломать голову*.

В случае, когда в языке перевода нет полного или частичного эквивалента, но есть семантически подобный фразеологизм, для перевода следует использовать фразеологический аналог. В сказке «Принцесса и Ведьма» («Królewna i Widma») при описании внешнего сходства героинь употребляется выражение *kubek w kubek* /букв. кружка в кружку/ [Kolberg 1907: 424]. В польском языке есть синонимы данной фразеологической единицы — *kropka w kropkę*, *kapka w kapkę*

[WSJP] и имеет значение ‘идентичный, одинаковый’. Большой словарь польского языка дает выражение *kubek w kubek* с пометой *pot.* (разговорное). В русском языке существует семантический аналог данному выражению *как две капли воды*. В сказке «Барышня и двенадцать разбойников» («*Dziewczyna i dwunastu rozbójników*») встречается фразеологизм *do głowy po rozum* /букв. до головы за ум/ [Kolberg 1907: 422] в значении ‘опомниться’, в русском языке аналогом может быть выражение *прийти в себя*. Аналог не имеет грамматической и лексической идентичности с польским языком, но значение имеет одинаковое.

Другие способы перевода фразеологизма следует считать безэквивалентными, так как фразеологическая единица, присутствующая в языке аналога, не присутствует в языке перевода. Чтобы выполнить перевод в этой ситуации, можно использовать приемы калькирования, буквализации или описательного перевода. Сложная ситуация в томе Кольберга с подзаголовком «Волынь» возникает с известной русскому читателю фразой *smierdyt' prysna dusza rozum* [Kolberg 1907: 424], что явно восходит к восточнославянскому *русским духом пахнет*. Однако в сказке речи *о русских* не идет, помимо нарушения логики сюжета, при таком переводе может возникнуть и нарушение смысла: о каком русском духе идет речь в польской сказке? Следовательно, единственным возможным для перевода вариантом может стать фраза *смердит живой душой*, что включает в себя и прием калькирования, и описательный перевод.

Литература

Kolberg O. *Dzieła wszystkie*. Kraków, 1867–1907.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.

Даль В. И. *Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.* СПб: Издание Товарищества М. О. Вольф, 1904. 320 с.

WSJP — *Wielki słownik języka polskiego*. [Электронный ресурс] URL: <https://wsjp.pl/> (дата обращения: 26.06.2024)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ XIX СТОЛЕТИЯ

Аржакова Лариса Михайловна

ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

Ключевые слова: Краковская историческая школа; Н. И. Кареев; М. Бобжиньский; С. М. Соловьев; Юзеф Шуйский.

Когда речь заходит о русско-польских научных контактах XIX в., то чаще вспоминают о своеобразной полемике, развернувшейся между Н. М. Карамзиным и Иоахимом Лелевелем, который не оставил без внимания — и без строгой критики — карамзинскую «Историю Государства Российского». Другим примером может служить отклик Н. М. Погодина на «Историю Государства Польского» Ежи Самуэля Бандтке, которая в русском переводе вышла в Петербурге в 1830 г. (а рецензия Погодина — в журнале «Телескоп» в 1831 г.). Еще более заметным опытом русско-польского диалога стала реакция Н. И. Кареева на «Очерк истории Польши» (1879) профессора Ягеллонского университета Михала Бобжиньского. Будучи в те годы профессором Императорского Варшавского университета, Кареев стал свидетелем того, как польское общество и коллеги Бобжиньского по цеху отреагировали на ряд тезисов в его монографии, больно задевших чувства польских патриотов. Усмотрев сходство этих тезисов с традиционной для российской исторической полонистики трактовкой причин гибели Речи Посполитой, Кареев после возвращения из Варшавы способствовал тому, чтобы книга Бобжиньского была издана в русском переводе (1888). Однако что касается восприятия в польской научной среде монографии С. М. Соловьева «История падения Польши» (1863) [Соловьев 1995], которая вплоть до начала XXI в. оставалась единственным исследованием о разделах Речи Посполитой в отечественной историографии, то этот вопрос изучен недостаточно.

Особое внимание привлекают рецензии на книгу Соловьева Юзефа Шуйского, одного из основоположников Краковской исторической школы, и менее известного автора — Яна Хылиньского. Подход Шуйского к рецензированию монографии русского коллеги во многом напоминал обличение, начало которому в тексте было положено словами некоего земляка, который раскрывал читателям глаза на то, что собой представляли восточные соседи. Так, разъяснялось, что деление русских на либералов и консерваторов глубоко ошибочно, поскольку «все русские похожи друг на друга, как две капли воды. Все они вышли из одной школы — школы деспотизма. Русское общество не имело иного прошлого, кроме деспотизма» [Szujski 1866: 269]. Солидаризируясь с неназванным уважаемым земляком, Шуйский сообщал, что подтверждение этого мнения находим, в частности, «по прочтении “Истории падения Польши” профессора московского университета Сергея Соловьева, принадлежавшего к русским либералам». Который, подчеркивал Шуйский: «изъясняется языком царских указов и предписаний литовских губернаторов», ему близка «попирающая право народов идея раздела во имя раскола и царизма, идея отождествления Руси с Россией, опиравшаяся на письма и манифесты Ивана Грозного и его преемников» [Szujski 1866: 270]. Шуйский отвергал исследовательский метод Соловьева, который не знал ни *Volumina legitime*, ни сеймовых конституций, ни официальных актов Барской конфедерации. Использование Соловьевым, с одной стороны, дипломатической корреспонденции русских послов в Польше, инструкций Екатерины II и ее канцлеров, некоторых других источников, и, с другой, пренебрежение иностранными источниками, представлялось Шуйскому непростительным. Ему претило, что Соловьев опускался, по его выражению, до пасквилей, замалчивал реформаторскую деятельность Чарторыйских, именовал барских конфедератов

бандитами и авантюристами, принижал заслуги польских национальных героев, не нашел ни одного доброго слова о тридцатилетнем правлении Станислава Августа. Шуйский (не только историк, но литератор, публицист) не находил у Соловьева «ни живописности, ни писательской образности, /.../ не видел пристрастия к историческим факторам, знания психологии». Но вынужден был согласиться, что Соловьев прекрасно осведомлен в том, что касалось решения Станислава Августа присоединиться к Тарговицкой конфедерации. Что материалы следствия Костюшко, Немцевича, Килинского, привлеченные Соловьевым, содержали немало неизвестных полякам подробностей о восстании Костюшко, в частности, о штурме Праги (это, собственно, единственное, на его взгляд, что могла почерпнуть польская историография из этой монографии). Шуйский не замечал, что его порой захлестывали эмоции и он так же, как и Соловьев, нередко давал волю чувствам [Szujski 1866: 289–291]. В конце концов, Шуйский пришел к выводу, что Соловьев, по его догадке, знал гораздо больше того, что написал в своей книге (комплимент?), а вот по какой причине русский историк предпочел выдать читателям ограниченную информацию, для поляка осталось загадкой.

Совсем в ином ключе решена объемная рецензия Яна Хылинского. Отметив, что по прошествии семидесяти лет после падения Польши не нашелся ни один писатель, кто бы оценил это драматическое событие с историографической точки зрения, Хылинский весьма оптимистично взирал на то положение, в каком оказался разделенный польский народ [Chyliński 1866: 343]. Основание для оптимизма он усматривал в том, что «утрата политического быта», неудачные попытки переломить ситуацию, предпринятые Костюшко и польскими патриотами в ходе восстаний, никоим образом не прервали исторического бытия Польши, которая, как раньше, так и теперь продолжала исполнять свою историческую миссию [Chyliński 1866: 344]. Вместе с тем, Хылинский отдавал себе отчет в том, что после поражения Январского восстания «характер вещей изменился». Примечательно, что Хылинский, в отличие от Шуйского, высоко оценил вклад, внесенный монографией Соловьева в разработку важнейшей как для российской, так и для польской историографии проблемы. Остается констатировать, что рецензии Шуйского и Хылинского ожидают предметного исследования, результаты которого способны добавить немало черт к общей картине русско-польских культурных связей XIX столетия.

Литература

Соловьев С. М. История падения Польши // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XVI. М., 1995. 370 с.

Szujski J. S. Sołowjewa, profesora Uniwersytetu moskiewskiego *Historia upadku Polski. Rzecz sprawozdawcza i krytyczna* // *Przegląd Polski*. Z. II. Kraków, 1866. S. 269–292.

Chyliński J. Sergeja Sołowijewa *Istorija padienija Polski*. Moskwa 1863, 369 str. // *Biblioteka Ossolińskich. Pismo historyi, literaturze, umiejętnościom i rzeczom narodowym poświęcone*. T. 9. Lwów, 1866. S. 343–423.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕРМАНА ИВАНОВИЧА САФРОНОВА

Бершадская Марианна Леонидовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Бабанов Андрей Владимирович

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: славянская филология в России и СССР; история Санкт-Петербургского государственного университета; Сафронов Герман Иванович.

В 2024 году исполняется 100 лет со дня рождения одного из патронов Славистических чтений, профессора Германа Ивановича Сафронова. На протяжении более чем 50 лет его научная и общественная деятельность были неразрывно связаны с Санкт-Петербургским (Ленинградским) университетом [Профессора-слависты 2006].

Родился Г. И. Сафронов 23 мая 1924 г. в Южной Сибири, в городе Катон-Карагае Восточно-Казахстанской области. Позже семья переехала в Кузбасс, в город Киселёвск, где Герман учился в средней школе.

Когда началась война, он рвался на фронт, но попал он туда только через год, когда ему исполнилось 18 лет. В октябре 1942 г. он был ранен, но первое ранение было не тяжелым, и декабре того же он года вернулся в строй. В феврале 1943 г. комсорг роты Г. И. Сафронов в разведке боем получает тяжелое ранение, после боя товарищи несколько километров волокли его на шинели. После нескольких месяцев в госпиталях в апреле 1944 г. Герман выходит на двух протезах вместо ног и с поврежденной рукой.

Вернувшись в Киселёвск, Герман Сафронов включился в активную жизнь родного города. Некоторое время он работает внештатным корреспондентом местного радио, начальником секретариата управления лагерей военнопленных, сочетая эту работу с учебой в 9-м классе средней школы. С сентября 1945 г. он полностью сосредотачивается на учебе. Одним из его одноклассников в это время оказался Пётр Дмитриев, и с этого момента судьбы этих двух людей связаны на всю жизнь.

В 1946 г. Герман Сафронов поступил в Ленинградский государственный университет, сначала на исторический факультет, а затем перевелся на филологический факультет, на только что открытую специальность переводчика сербохорватского языка. Уже в студенческие годы Г. И. Сафронова увлекла сербская литература, в особенности творчество писателей-реалистов XIX–XX вв.

С 1952 г. Г. И. Сафронов — аспирант кафедры славянской филологии. В 1955 г. он успешно защищает кандидатскую диссертацию.

Немало внимания Г. И. Сафронов уделял русско-сербским литературным взаимосвязям, их роли в развитии сербской литературы. Многие работы Г. И. Сафронова посвящены восприятию русской культуры югославскими писателями: «Горький в Югославии», «Лев Толстой — член Сербской Академии наук», «Цесарец и Достоевский», «Вук Караджич и Россия» и др. Результатом многолетних исследований в этой области стали монографии, созданные в соавторстве с П. А. Дмитриевым — «Из истории русско-югославянских литературных и научных связей» (1975) и «Сербия и Россия (страницы истории культурных и научных взаимосвязей)» (1997).

Немалое место в сфере научных интересов Г. И. Сафронова занимала история славистики. Им написаны очерки о жизни и деятельности многих замечательных филологов-славистов, а в соавторстве с П. А. Дмитриевым и С. В. Смирновым — монография об истории русской и славянской филологии в России с середины XVIII в. по 70-е годы XIX в. За этот труд авторы были награждены в 1982 г. Почётной Грамотой Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР.

Г. И. Сафронов был выдающимся учёным и организатором науки не только в масштабах университета и города, но и всей страны. Он был активным пропагандистом и деятельным

организатором многих славистических начинаний, способствовавших объединению разрозненных сил славистов Советского Союза. Слависты всего Союза были постоянно в поле его зрения, он знал, кто чем занимается, поэтому всегда быстро находил нужного специалиста для научной консультации или решения назревшего вопроса.

Заботясь о подготовке славистической смены, Г.И. Сафронов выдвинул идею проведения Межвузовской конференции студентов-славистов, которая была реализована в 1973 г., а в 1983 г. успешно осуществлена ещё раз, тоже при активном организаторском участии Г.И. Сафронова.

С годами инициатив не становилось меньше — только в последнее десятилетие жизни Г.И. Сафронова по его инициативе и при его участии были созданы Ассоциация по изучению славянских культур и истории славяноведения (которую он возглавил), Институт Библиейской текстологии при СПбГУ, Северо-Западная Библиейская комиссия. Эти инициативы дали импульс новому научному направлению на кафедре славянской филологии — изучению роли переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков и культур.

За время работы в университете он проявил себя на самых разных должностях, вот лишь некоторые из них: заместитель декана филологического факультета, декан факультета повышения квалификации, проректор по вечернему и заочному обучению, член Учёного совета университета, председатель финансово-экономической комиссии Учёного совета университета, член Специализированного совета по защите докторских диссертаций в области литературоведения, член Учёного совета Института Библиейской текстологии.

Органической частью многогранной деятельности Германа Ивановича была его вовлечённость в различные общественные организации. За годы работы в университете он в течение 7 лет был председателем месткома профсоюза сотрудников ЛГУ, был членом Президиума Обкома профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений, секретарём партбюро факультета, членом парткома университета. Сохранению памяти о Германе Ивановиче служит одна из трёх именных премий, учреждённых Профсоюзной организацией сотрудников СПбГУ.

В последние годы жизни Герман Иванович намного реже прежнего появлялся на кафедре и вообще в университете — давали знать о себе фронтовые раны, не позволявшие пользоваться протезами и лишавшие его возможности выходить из дома. Но все коллеги постоянно чувствовали участие Германа Ивановича в их жизни: он редактировал публикации кафедры, используя возможности телефонной связи (других привычных нам ныне форм дистанционной работы тогда ещё не было), работал с авторами и соавторами, со студентами и аспирантами, общался с коллегами по всей России и с зарубежными друзьями и партнерами. Именно он чаще всего первым поздравлял коллег с праздниками и знаменательными событиями в их жизни. Такую активную жизнь, несмотря ни на что, он вел до самого последнего дня.

Литература

Профессора-слависты П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов в воспоминаниях своих коллег, друзей, учеников / С.-Петербург. гос. ун-т. Филол. фак.; Отв. ред.: Герд А. С., Жакова Н. К. СПб., 2006. 185 с.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ПОЛЯКИ В РОССИИ

Беседина Елена Анатольевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Буркова Татьяна Вадимовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: Россия; Польша; историческая память; коммеморативные практики; визуализация образа.

В наши дни проблемы сохранения исторической памяти, использования и развития различных способов коммеморации все чаще становятся объектами анализа и изучения исследователей самых разных сфер гуманитарного знания, что можно объяснить и идеологическими, и политическими, и чисто научными интересами.

Важную роль играет коммеморация в процессах формирования и поддержания национальной идентичности. Нельзя не согласиться с мнением О.А. Митрошенкова о том, что «Любая идентичность есть итог сложных социальных отношений и воздействий...» [Цит. по: Беседина, Буркова 2014: 30], однако следует признать, что для понимания этих «отношений и воздействий» необходимо иметь в виду и различные формы взаимодействия определенного народа с соседними этносами. В первом ряду соседей России, отношения с которыми и влияние которых на различных этапах отечественной истории можно назвать буквально смыслодержателями для нашего государства и общества, немалое место занимает Польша. «Российско-польские отношения парадоксально сочетают в себе взаимный интерес, постоянное общение, напряженность и при этом сохраняют невысокую фактическую значимость для обеих стран» [Офицеров-Бельский 2014: 18].

Отношения двух народов и государств с периода раннего средневековья до рубежа XX–XXI веков и первых десятилетий нашего столетия отличал, как правило, достаточно высокий уровень драматизма, начиная с участия поляков в междоусобицах древнерусских князей и завершая ролью, которую играет современное польское государство в российско-украинском конфликте. Тем не менее, и представители польского общества, и конкретные события российско-польских отношений прочно вошли в историческую память российского народа. Они находят свое отражение во многих коммеморативных практиках, среди которых все большее значение приобретают те, что дают возможность с помощью художественных или сочетания художественных и вербальных средств донести до наблюдателя/зрителя информацию, важную с точки зрения исторической памяти, т. е. помогают визуализации того или иного образа. К таковым можно отнести, прежде всего, мемориальные доски, памятные знаки и мемориалы, монументальные памятники.

Проведенное исследование показало, что установка подобных памятных знаков наиболее активно проходила в последней трети XX — начале XXI в. Наряду с мемориальными досками и памятниками в честь великого польского и белорусского поэта, видного представителя польского национально-освободительного движения Адама Мицкевича можно в качестве примеров привести кенотаф и мемориальную доску, установленные в память о польской пианистке и композиторе Марии Шимановской в Петербурге в 2010 и 2013 гг. соответственно, мемориальные доски скрипачу и композитору Г. Венявскому в Москве (2006), исследователю Сибири и Дальнего Востока Б. Дыбовскому в Петропавловске-Камчатском (2013), памятник ученому и просветителю А.А. Дунину-Горкавичу в Ханты-Мансийске (2007). В меньшей степени отражены в знаках коммеморации имена и деятельность общественных, политических и религиозных польских деятелей (мемориальные доски Т. Костюшко в Петербурге (1994) и советскому и польскому военачальнику Б. Кеневичу в Саратове (2000), памятный знак на месте крушения самолета президента Польши Л. Качиньского под Смоленском (2010)).

На рубеже XX–XXI вв. активность в установке памятных знаков деятелям польской истории, политики и культуры, оказавшим влияние на Россию, возрастает, что можно объяснить инициативностью различных польских национально-культурных объединений, возродившихся в годы перестройки и постперестроечный период в городах нашей страны.

Основными событиями, память о которых нашла отражение в коммеморативном пространстве России, стали период II Мировой и Великой Отечественной войны и репрессии 1930–1940-х гг. Памятники и мемориалы, посвященные совместной борьбе советского и польского народов против фашизма, начали создаваться еще в 1970–1980-х гг. (памятник-стела первой польской дивизии им. Тадеуша Костюшко (1973) и памятник советско-польского братству по оружию (1983, оба — в Рязани)). Этот процесс продолжается и в более позднее время: памятники солдатам Армии Крайовой (Боровичи, 1993) и польским морякам, погибшим в северных конвоях (Мурманск, 2023); в 2004 г. на Аллее памяти Пискаревского мемориального кладбища была открыта мемориальная доска «Полякам — защитникам блокадного Ленинграда», а в 2013-м памятная доска появилась в Томске, на здании, где в 1942–1944 гг. располагался Польский детский дом [Мемориальная доска вернулась на здание бывшего Польского детского дома в Томске].

Начало практике маркирования мест памяти, связанных со сталинскими репрессиями, было положено на рубеже 1980–1990-х гг. К 2013 г. в России было отмечено коммеморативными знаками, крестами, мемориальными досками и мемориалами более 130 мест пребывания или гибели этнических поляков — жертв того трагического времени. В конце 2013–2014 г. сначала в музее политической истории в Петербурге, затем в музее ГУЛАГа в Москве проходила фотовыставка «Страданию — правда, умершим — молитву. Места польской памяти в России», ставшая своеобразным подведением итогов этой большой работы [Санкт-Петербург поминает жертв политических репрессий].

К сожалению, современные российско-польские отношения переживают далеко не лучшие времена, что не может не сказаться на процессах сохранения исторической памяти. Сегодня мы наблюдаем настоящую «войну памятников»: в ответ на демонтаж в Польше памятников советского периода, идущий уже несколько десятилетий, в России, особенно после начала СВО, заметна активизация легитимной (демонтаж незаконно установленных памятных знаков) и нелегитимной (кражи, снятие или порча мемориальных досок) деятельности по ликвидации коммеморативных знаков, посвященных полякам и российско-польским отношениям.

Литература

- Беседина Е. А., Буркова Т. В. Коммеморация как средство сохранения национальной идентичности (на примере феномена мемориальных досок) // Историческая память России: прошлое и настоящее. Саратов, 2014. С. 30–36.
- Мемориальная доска вернулась на здание бывшего Польского детского дома в Томске. 26 октября 2020 // URL: <https://russia24.pro/tomsk/263433060/> (Дата обращения: 25.05.2024).
- Офицеров-Бельский Д. В. Россия и Польша: неизбежное соседство? // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 6 (39). С. 18.
- Санкт-Петербург поминает жертв политических репрессий // URL: <https://regnum.ru/news/1726015?ysclid=lxz1d0dr4l706499026>. (Дата обращения: 31.05.2024).

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА АКАДЕМИКА В. И. ЛАМАНСКОГО В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Голубятникова Неонилла Дмитриевна

книгохранитель библиотеки, Свято-Троицкая Александро-Невская лавра (мужской монастырь)
(Санкт-Петербург)

Ключевые слова: история славистики; В. И. Ламанский; Санкт-Петербург.

Выдающийся русский славист, историк, этнолог В. И. Ламанский (1833–1914) всю жизнь, за исключением нескольких командировок в Европу, прожил в Санкт-Петербурге и окрестностях. Петербургская ветвь Ламанских (род происходит из Вологды) — дед, отец и братья Владимира Ивановича — поражали современников своей жизненной силой, умом, одаренностью, желанием служить процветанию России, они были видными деятелями в своих областях. Внук и сын известных финансистов, Владимир Иванович Ламанский родился в семье директора Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов Российской империи, у которого по должности была просторная казенная квартира при Министерстве финансов в восточном крыле здания Главного штаба на Дворцовой площади. Крещен Владимира Ивановича был 26.06.1833 в Министерской церкви (домовый храм св. Александра Невского) на 4-м этаже этого здания [ЦГИА СПб 1828–1919]. Одно из его ранних детских воспоминаний — вереница петербуржцев перед квартирой А. С. Пушкина на наб. Мойки, 12 в январе 1837 г. В 1850 г. Владимир Иванович окончил с золотой медалью Первую Санкт-Петербургскую гимназию на углу Кабинетской и Ивановской улиц (ныне школа 321 на углу ул. Правды и Социалистической).

На Историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета 17-летний талантливый юноша стал любимым учеником И. И. Срезневского. Владимир Иванович окончил университет в 1854 г. со степенью кандидата, за сочинение «О языке «Русской правды»» был награжден серебряной медалью. В том же 1854 г. в «Вестнике Русского Географического общества» вышла первая печатная работа Владимира Ивановича — «Народные южнорусские песни». В январе 1855 он поступил на службу канцелярским чиновником в Санкт-Петербургское губернское правление (Гороховая ул., 2), но уже в ноябре 1855 зачислен в Публичную библиотеку.

В Императорской Публичной библиотеке (Невский пр., 37, Александринская (ныне Островского) пл., 1) Владимир Иванович работал в отделении «Россика», однако в октябре 1857 вышел в отставку. В этот период интенсивно занимался научной работой, изучая воззрения зарубежных авторов на историю нашей страны. В 1858–1862 Владимир Иванович работал старшим архивариусом в Государственном архиве Министерства Иностранных дел.

Один из первых адресов проживания ученого — недалеко от Театральной площади, на Торговой улице, 20, в доме Гейденрейха (Малая Мастерская ул., 10) — был указан им в прошении о поступлении на службу в архив [АВПРИ 1858].

Ламанский заявил о своей славянофильской позиции в своем первом научном труде — магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании» (удостоена Демидовской премии) — и в речи при ее защите в январе 1860 г.

В 1862, 1868–1869, 1884, 1886 гг. Ламанский работал в библиотеках Софии, Белграда, Загреб, Праги, Афин, Венеции, Константинополя. После защиты в 1870 г. докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», Ламанский был экстраординарным, затем ординарным, а с 1890 г. — заслуженным профессором по кафедре славянской филологии, в 1883–1885 гг. — деканом историко-филологического факультета, в общей сложности трудился в университете 30 лет. В 1892 г. был завершен его капитальный труд «Три мира Азийско-Европейского материка».

Еще одна организация, сыгравшая значительную роль в жизни Ламанского, — Императорское Русское Географическое общество (РГО), учрежденное еще в 1845 г. на одном из «четвергов» В. И. Даля, в его казенной квартире в здании Министерства народного просвещения (Чернышева (ныне Ломоносова) пл., 2), с 1862 РГО размещалось на правой половине первого

этажа. В 1908 г. оно переехало в новое здание (Демидовский (ныне Гривцов) пер., 10). Ламанский сотрудничал с РГО с 1854 г., был председателем отделения этнографии, основал и редактировал этнографический журнал «Живая старина», участвовал в организации этнографического музея, позднее редактировал этнографическую часть томов «Россия: полное географическое описание нашего Отечества», выходявших под руководством П. П. Семенова-Тян-Шанского в 1899–1914 гг.

Встреча Владимира Ивановича с его будущей супругой Александрой Ивановной произошла в начале 1870-х в Румянцевском саду, когда он возвращался из университета. Вскоре они поселились вместе и прожили 22 года в гражданском браке, т. к. первый муж Александры Ивановны не давал ей развод. Их пятеро детей получили полностью законный статус и фамилию отца только в 1894 г. Семья жила на съемных квартирах.

У Ламанских была всем известная традиция: по субботам в условленное время вечера Владимир Иванович принимал желающих встретиться с ним гостей, учеников, коллег, знакомых. По словам коллег Владимира Ивановича, характер у него был «апостольский».

Ламанский был бесребреником, много помогал людям. С 1868 г. он активно участвовал в создании и деятельности Петербургского Славянского благотворительного комитета, финансировавшего обучение славян в российских университетах, издание книг, а в 1879–1880 гг. был председателем комитета. Заседания комитета в 1876–1900 гг. проходили в здании Русского Музыкального общества (Александринская (ныне Островского) пл., 9).

В 1872–1895 гг. В. И. Ламанский преподавал русский и церковнославянский языки, а также историю русской литературы и палеографию студентам Императорской Санкт-Петербургской Духовной академии (наб. Обводного канала, 7). В 1890–1900 гг. и, вероятно, позднее, он читал курс лекций о современном положении славян военным в Николаевской Академии Генерального штаба (Английская набережная, 32, с 1901 г. – Суворовский пр., 32).

В 1900 В. И. Ламанский был избран действительным членом Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук (Университетская наб., 5).

Последнее жилище ученого — Звенигородская улица, 32, кв. 1, там семья Ламанских жила с 1892 г. [Адресная книга города С.-Петербурга 1893: 157]. 22 ноября 1914 г. усопшего отпели в Крестовоздвиженской церкви на Лиговской улице, прах его предали земле на Никольском кладбище Александро-Невской лавры рядом с женой [РГИА 1914]. В наши дни, ни одно из этих памятных мест не отмечено ни наружной мемориальной доской, ни портретом ученого в интерьере, могила его также еще не воссоздана.

Литература

ЦГИА СПб. Ф. 1954. Пг., 1828–1919. Оп. 1.

АВПРИ, ф. Санкт-Петербургский Главный архив. IV-1. Оп. 147. 1858 г. Д. 17. Л. 3.

Адресная книга города С.-Петербурга на 1893 г. / под ред. П. О. Яблонского. СПб., 1893. [878 с.]

РГИА. Ф. 815. Оп. 11. Д. 6-Л. 1914 г. Лл. 109–113.

ПРОФЕСОР МИРОСЛАВ ЯНАКИЕВ — УЧИТЕЛЯТ

Делева Надежда Петкова

доцент, кандидат на наук, Софийският университет им. Климента Охридскогo (България)

Ключевыe слова: лингвистика; семиотика; езиково обучение.

Професор Мирослав Янакиев е роден в София на 19 август 1923 година. Тук минават и ученическите му години. Завършва Първа мъжка гимназия през 1943 година, където получава сериозни знания. По това време у него е силен интересът към радиотехниката, това дава отражение и върху по-нататъшните му занимания. Докато е ученик работи и като коректор в някои печатници, така придобива познания по полиграфия. Следва Славянска филология в Софийския университет. През студентските си години е назначен за библиотекар на Славянския семинар, заради което му е разрешено да взема оттам книги, необходими за обучението. Неговата любознателност, съпътстваща го до края на дните му, го подтиква да трупа знания и по математика, философия, физика, психология. Завършва следването си през 1947 година с дипломна работа на тема «Свидетелски и несвидетелски глаголни времена в историята на българския език». Работата над тази тема става повод да се запознае сериозно и с турския език. Усетът му към различни езици, познанията му са пословични. За него владенето на език включва владенето не само на литературния език, но и познаването на различните стилове, историята и културата на страната. По настояване на проф. Кирил Мирчев е назначен за асистент по български език към факултета. До пенсионирането си през 1988 година М. Янакиев е преподавател в Катедрата по български език. Води курсове по старобългарски език, глаголическа и кирилска палеография, история на българския език, съвременен български език, стилистика, стихознание.

През 1963 година е избран за доцент с хабилитационния труд «Българско стихознание» (второ издание 2024 г.). Работата е опит да се илюстрира чрез конкретни анализи на български стихови творби прилаганият от автора метод за точно описание на стиховата ритмика. Разяснени са говорните основи на българската стихова система.

През 1979 година е избран за професор с труда «Стилистиката и езиковото обучение». (Второ издание — 2023 г.). В него ученият излага новаторски подход към изучаване на езиковата практика, наречена от него глотометрия. Проф. М. Янакиев е убеден и убеждава своите колеги и студентите си, че само чрез обективното, т. е. количествено измерване филологията може да се превърне в съвременна наука, да се свързва с други науки за човека като психология, социология, информатика. В тази си работа той изгражда модел на идиолекта като динамичен, развиващ се модел, с помощта на който се описва функционирането на езика. В нея е представен подробен модел на идиолекта, сиреч на «това устройство за производство на съобщения, което се намира в мозъка на кой да е „носител” на езика» [Янакиев 2023: 26]. Книгата е написана на достъпен език, така че да бъде разбрана дори от ученик, без това да намалява академичните ѝ достойнства. Професорът възприема стилистиката като част от лингвистиката, а усещането му за пътя на лингвистиката в края на 20. век за него води към света на семиотиката [Дачев 2023: 272]. Книгата получава изключително висока оценка от такива имена като И. И. Ревзин, В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман.

От началото на 80-те години на 20. век съвместно с Н. В. Котова работят върху труда «Грамматика на българския език за владеещи руски език» (2001). В нея схващанията им са изложени с по-детайлно представяне на различни възгледи, подробно се обсъжда терминологията, извежда се цялостна система за филологическо описание на един език. Този колосален труд представлява компендиум от знания не само за българския език, но и по теоретично езиковедство. Чест е, че е издадена с усилията и подкрепата на Филологическия факултет на Московския университет «М. В. Ломоносов», където проф. Янакиев е лектор по български език от 1969 до 1984 година. Съчетаването на теорията с практиката е характерна черта на неговата работа. Негови ученици и в наши дни са сред най-изтъкнатите имена в българистиката

в Русия – преподаватели в Московския университет «М. В. Ломоносов», в Дипломатическата академия, изследователи в Института по славянознание на РАН.

Наред с обучението по български език за чужденци проф. Янакиев отделя специално внимание на обучението на деца. Той е сред инициаторите на Проблемната група по образованието (1972–1992) наред с учени-математици, филолози и психолози. В нея се подкрепя идеята за интегрираното образование, такова, което не следва условното разделение на науките. Важен момент от този проект е необходимостта от многоезичност на образованието — ученикът да е в състояние да представя една и съща информация — на друг естествен език, в рисунка или чертеж, в конструкцията или формула. Наред с интелектуалните способности на децата да се развиват също двигателните и емоционалните способности на децата, които ги обуславят.

С увереност може да се твърди, че проф. М. Янакиев е сред най-интересните филолози на XX столетие, все още недостатъчно изучен и оценен.

А. Иванов, познавач, последовател и изследовател на трудовете на проф. Янакиев, е избрал за своя мисия създаването и обогатяването на сайта, посветен на М. Янакиев <https://miryan.org>. В него са включени всички публикации на учения, фото — и фоноархив. Запознаването със сайта дава представа за целостта на възгледите на учения. Житейското и творческото дело на проф. Янакиев най-сполучливо може да бъде определено като «пътят към един нов хуманизъм» [Иванов 1993: 2], път, по който филологията да се превърне в съвременна наука наред с разширяването на нейния предмет.

Литература

Дачев М. За лингвистиката, която се разгръща в семиотика // М. Янакиев. Стилистиката и езиковото обучение. 2023. С. 271–287.

Иванов А. Пътят към един нов хуманизъм (по случай 70годишнината на професор Мирослав Янакиев) // Сборник от научни трудове, посветен на седемдесетгодишнината на професор Мирослав Янакиев. 1993. С. 2–28.

Янакиев М. Стилистиката и езиковото обучение. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2023. 288 с.

ВКЛАД Г. И. САФРОНОВА В РАЗВИТИЕ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ. СЛОВО К МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ СЛАВИСТОВ-ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ К 100-ЛЕТИЮ УЧЕНОГО

Корзинина Анастасия Анатольевна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: Г. И. Сафронов; славистика; славянские литературные взаимосвязи.

2024 год богат на 100-летние литературные юбилеи. В этот год век назад родились писатели-фронтовики, чьи даты сегодня широко отмечают: Ю. Бондарев, В. Астафьев, Б. Окуджава, Б. Васильев, В. Быков. Это поколение, опаленное войной, особо вспоминаемо и в каждой российской семье. Для кафедры славянской филологии СПбГУ этот год также, по-семейному, особенный: кафедра отмечает 100-летие со дня рождения профессора Г. И. Сафронова — фронтовика, боевого офицера, ученого сербокроатиста, специалиста по литературе южных славян, который заложил ту основу работы кафедральных литературоведов, опираясь на которую, ученые и преподаватели нашей кафедры работают сегодня. Ставя перед собой цель — рассказать молодому поколению ученых, а также вновь и вновь прибывающим студентам об учителе, учениками которого были все слависты ЛГУ (СПбГУ) второй половины XX века, мы будем снова о нем рассказывать. Несмотря на то, что память о нем бережно сохраняется — регулярно выходят научные материалы и воспоминания о Г. И. Сафронове, Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова проводятся с 1999 года, — сегодня ученые-преподаватели кафедры отдадут особую дань памяти Германа Ивановича.

Будучи фронтовиком, Герман Иванович и после войны вносил свой вклад в укрепление дружбы и взаимопонимания между народами. Закончив обучение на Отделении славянской филологии ЛГУ, Г. И. Сафронов собственно говоря, был одним из первых ученых-славистов, занимающихся сравнительным литературоведением. Надо напомнить, что 6-летний курс Отделения славянской филологии, открытого в 1948 г. в ЛГУ, предполагал интенсивное обучение зарубежным славянским языкам и готовил квалифицированных переводчиков, а в качестве дипломных работ готовились переводы художественных произведений и научной литературы с русского на изучаемые языки. Герман Иванович прошел и окончил подготовку этого Отделения. Отсюда его опыт квалифицированного перевода с сербохорватского языка. Впоследствии он внес существенный вклад в ознакомление русского читателя с сербохорватской поэзией, переводя Илича, Суботича и других. Вклад Сафронова в налаживание русско-югославских литературных взаимосвязей неоценим: опираясь на его труды о М. Горьком и Л. Толстом в Югославии, молодые слависты кафедры впоследствии писали свои работы. Таким образом на кафедре изучение литературных взаимосвязей стало ведущей литературоведческой темой для всех языковых направлений на долгие годы вперед. В последующие годы на нашей кафедре вышли работы: «Россия и южные славяне», «Лев Толстой и славяне», «Я. Ивашкевич и Россия», «А. Пушкин, М. Лермонтов и Ф. Тютчев в чешском восприятии», «М. Цветаева в Чехии», «А. Фет в чешском восприятии» и многие другие.

Благодаря наследию Г. И. Сафронова в СПбГУ регулярно проводились международные конференции: Андреевские чтения. Славянские литературы и литературные взаимосвязи. В рамках международной конференции СПбГУ работали секции по славянским литературам. Работа по развитию этого направления ведется и сегодня.

Если учитывать контекст, в котором работали первые послевоенные ученые слависты ЛГУ (СПбГУ), то сейчас приходит понимание того, что это было продолжение их фронта: филология 50-х годов развивалась под влиянием «нового учения о языке» Н. Я. Марра, которое, в том числе, отрицало родство языков. Вести научную литературоведческую и переводческую работу, направленную на родство и сближение славянских языков и литератур, было непросто. Просматривая обширную библиографию трудов Г. И. Сафронова, которая насчитывает более 75 работ

по славянскому литературоведению, видно, как он искал и описывал то общее, что объединяет славянские народы. А его курс лекций по введению в славянскую филологию подготавливал студентов к такой работе. Особое отношение к молодому поколению отображено в воспоминаниях учеников Г. И. Сафронова в книге «Профессора-слависты П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов в воспоминаниях своих коллег, друзей, учеников» [Профессора-слависты 2006].

Сегодня младшее поколение славистов-литературоведов знают Германа Ивановича мало или только со слов своих преподавателей, поэтому наше слово обращено к ним: помнится 1997 год, когда кафедра узнала об уходе Г. И. Сафронова и замерла, онемела. Студенты, которые уже не были знакомы с ним, ощутили масштаб потери для кафедры по тому, как переменились преподаватели — многие оделись в траур, — это была почти личная потеря для каждого. «Ушел наш Мефодий», — слышалось на кафедре...

От того, как работает учитель, зависит будущее. Г. И. Сафронов, заложив тот фундамент славянского сравнительного литературоведения, на котором стоит кафедра славянской филологии СПбГУ сегодня, заложил основу ее будущей работы. Молодое поколение ученых, аспирантов и студентов сейчас проживает это будущее. Наше слово — чтобы помнили.

Литература

Профессора-слависты П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов в воспоминаниях своих коллег, друзей, учеников / С.-Петербург. гос. ун-т. Филол. фак.; Отв. ред.: Герд А. С., Жакова Н. К. СПб., 2006. 185 с.

О ВОСПРИЯТИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКИМ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ НА БАЛКАНАХ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕТСКОЙ ТЕМЫ В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ»

Лунькова Наталья Александровна

младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

младший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; образ ребенка; православие; русско-турецкая война.

В настоящем докладе анализируется рецепция национально-освободительной борьбы славянских народов на Балканах в периодической печати Российской империи на примере «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского. Специальное внимание уделяется «детскому вопросу» и сквозному образу страдающего ребенка, объединяющему публицистические и художественные фрагменты моножурнала.

Во-первых, писатель обращается к индивидуальным историям мучений славянских детей, во-вторых, он использует образ ребенка как метафору страданий славянских народов: они дети России, которым необходима ее помощь. Для Достоевского тема освобождения православных народов на Балканах тесным образом сопряжена с религиозной миссией России. Во имя подлинного Христа, лик которого сохранился только в православии, ей следует предоставить помощь славянским «детям», не имея при этом никаких корыстных мотивов.

Изучению «детской темы» в наследии Достоевского посвящено немало трудов: среди них работы Б. Н. Тарасова, Т. А. Степановой, В. С. Пушкаревой и др. Но в литературоведческих исследованиях тема «униженных и оскорбленных» детей славян упоминается, как правило, чаще всего при перечислении фактов общественной жизни Российской империи, о которых писал Достоевский. Так, например, Степанова обращает внимание на символическое звучание образа ребенка, «маленькие болгары и сербы, зверски убитые турками или сведенные с ума их изошренной жестокостью» оказываются в одном ряду с «фабричными детьми, изувеченными непосильной работой или развратом» и «пятилетней проституткой, явившейся Свидригайлову перед самоубийством» [Степанова 1989: 159], но их образы не получают детального анализа. Более глубокое освещение тема страдающих славянских детей получает в диссертации «Славянская идея и способы ее воплощения в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского» И. Ф. Приймы, отмечающего, что «наряду с униженностью, портрет славян содержит такую дополнительную характеристику как детскость и незащищенность» [Прийма 2016: 146]. Исследователь проводит параллели между историко-политическим контекстом славянской темы и художественными аргументами: так, по мысли Приймы, рассказ «Мальчик у Христа на елке» был необходим, чтобы подготовить читателей «Дневника» к образу славян — «исторических сирот» [Прийма 2016: 138].

В «Дневнике писателя» отчетливо прослеживаются две возможные реакции на детские страдания: бессердечное отношение к детям и, напротив, сочувственное. Образ ребенка, к страданиям которого безразличны взрослые, встречается в фантастическом рассказе «Сон смешного человека», развитие мотива равнодушия к детским мучениям связано с образом Левина, с помощью которого Достоевский полемизирует с оценкой русско-турецкой войны Л. Н. Толстого, упрекая героя «Анны Карениной» «за то, что тот обособился и отвернулся от “Христовых дела”, во имя абстрактных принципов отказывает в сострадании и помощи страдающим христианам» [Захаров 2013: 242]. И во «Сне смешного человека», и в «Сотрясении Левина...» находим рассуждения писателя о природе нравственности «на расстоянии». Для Достоевского не имеет значения место искажения нравственных норм, его беспокоит сам факт их нарушения. Единственной силой, с помощью которой можно осознать свою цельность, понять близость судеб других, выступает православие.

Достоевский убежден в особой религиозной миссии России и в том, что русский народ, «этот “развратный” и темный народ наш любит, однако же, смиренного и юродивого», верно

понял суть восточного вопроса: «В самом деле, кто бы мог, в наше время, в нашей интеллигенции, кроме небольшой отделившейся от общего хора части ее, допустить, что народ наш в состоянии сознательно понимать свое политическое, социальное и нравственное назначение? Как можно было им допустить, чтоб эта грубая черная масса, недавно еще крепостная, а теперь опившаяся водкой, знала бы и была уверена, что назначение ее — служение Христу, а царя ее — хранение Христовой веры и освобождение православия» [Достоевский 1983: 69]. В «Дневнике» неоднократно подчеркивается, что по отношению к балканским славянам и славянскому миру вообще Россия выступает матерью-заступницей, которая гарантировала бы защиту национальной идентичности освобожденных народов. Прибегая к притче о блудном сыне, Достоевский создает утопическую картину всеславянской гармонии с помощью «родного гнезда», в котором славянские «родные детки» «прильнут» к России.

Осуждая турецкие зверства на Балканах, Достоевский в «Дневнике писателя» уделяет значительное внимание рецепции русско-турецкой войны. При описании мучений славянских народов он нередко обращается к образу страдающего ребенка, который появляется в разных тематических блоках «Дневника» и позволяет говорить о нем как об одном из центральных. Важное место в изображении европейского мира, не принимающего и не понимающего бескорыстного подвига России, занимает образ противника Божьей матери — паука, который в художественном наследии писателя связан с негативной семантикой и мотивом убийства (в том числе — детей), а в «Дневнике» символизирует Дизраэли — «мучителя славян». Обнаруживаемые параллели между публицистическими фрагментами и художественными рассказами (в том числе и благодаря сквозному образу страдающего ребенка) помогают наиболее точно выявить особенности взглядов Достоевского на национально-освободительную борьбу балканских славян и роль России в обретении ими независимости.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-78-10045 «Национальные движения в оптике имперской легитимности: революции, восстания, бунты, мятежи в славянских землях в риторике российской власти долгого XIX века».

Литература

- Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 25. Дневник писателя за 1877 год. Январь–август / текст подгот. и примеч. сост. А. В. Архипова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. 470 с.
- Захаров В. Н. Полемика как диалог: Достоевский в споре с Л. Толстым // Проблемы исторической поэтики: сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 8. С. 242–255.
- Прийма И. Ф. Славянская идея и способы ее воплощения в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 240 с.
- Степанова Т. А. Художественно-философская концепция детства в творчестве Ф. М. Достоевского. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 199 с.

ДЕЈНОСТА НА КРСТЕ ПЕТКОВ МИСИРКОВ И МАКЕДОНСКОТО НАУЧНОЛИТЕРАТУРНО ДРУГАРСТВО НА ФОНОТ НА РУСКАТА ИМПЕРАТОРСКА НАУКА И ПУБЛИЦИСТИКА

Димитар Пандев

PhD, Филолошки факултет „Блаже Конески“, Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје

Клучни зборови: Мисирков; Македонско литературно другарство; македонски јазик; славистика; филологија.

На руските духовни академии и императорски универзитети во периодот од нивното основање па сè до Октомвриската револуција студираат значаен број студенти од Македонија, меѓу кои по своите македонистички погледи особено се издвојува Крсте Петков Мисирков, како и другите членови на Македонското научнолитературно другарство во Петербург.

Значајно е филолошкоисториското, историографското и лингвистичкото образование со кои се стекнал Крсте Петков Мисирков на руските универзитети (Петербург, Одеса) [Мисирков 1974].

Мисирков е студент на тогаш најпознатите руски слависти Бодуен де Куртене, Петар Лавров, Кочубински, Борис Љапунов [Бернцтејн 1958: 67–75], Соколов, Грим, Платонов, Форстен и други професори во Петроград со што ја доби возможно најсолидна подготовка од областа на славистичките науки и од лингвистиката и од историјата посебно во односниот период на преминот од 19. во 20. век [Ристовски 1965].

Мисирков од Бодуен де Куртене го прифаќа интересот кон современата состојба на јазикот. За Куртене предмет на интерес е, секако, полскиот, а за Мисирков — македонскиот.

Од Петар Лавров го допрецизирал методот на експедициското проучување во филологијата и етнографијата, како што од Кочубински можел да ги совлада лингвистичките параметри на фолклористиката.

Од Борис Љапунов можел да го доусоврши младограматичарскиот метод во проучувањата на старословенскиот јазик што Љапунов го усвоил од Ватрослав Јагиќ, но и да се сообрази со филозофијата на јазикот на А. Потемња, што Љапунов сесрдно ја прифатил.

Мисирков од своите професори можел одлично да ја совлада историјата, т. е. историографијата, во тој поглед и историјата на православната црква, особено од И. С. Паљмов: руски славист, член на Советот на СпбСБД, а таму, цитиран е Мисирков: «Проф. И. С. Паљмов е на мислење дека поскоро решение на македонското прашање ќе има благодатни последици не само за Македонците, ами и за воспоставување добри односи меѓу Бугарија и Србија» [Ристовски 1965: 680].

Македонските студенти во Петербург се потписници на Националната програма на Македонското научно-литературно другарство во Петроград. Во тој поглед од особен интерес е нивното образование здобиено на руските универзитети:

На Санктпетербуршката духовна академија тогаш е Чуповски. На истата академија се и Шалдев, Кусев и Николај Христов Пипин, а на Военомедицинската академија – Александар Стателов, М. Стоилов и Гаврил Константинович.

Христо Бобатанов е на Шумарскотехничкиот институт, со кој во тоа време раководи Едуард Едуардович Керн, специјалист по применета ботаника, инаку, брат на архимандитот Кипријан-Керн, кој бил професор на Битолската духовна семинарија и е носечки лик во романот «Она што беше небо». Најпознати ботаничари во тоа време во Русија се Керн и Александар Стебут, подоцна професор на Белградскиот универзитет.

Христо Бобатанов имал што да научи од Керн и Стебут. И да ги сонува македонските шуми со на сека чука — берданка.

Дијаманди Мишајков и Стефан Јакимов Дедов се определиле за правните науки. Водечко име во правните науки на Санктпетербуршкиот универзитет во нивно време бил Леон Петражински, кој се застапувал за филозофијата на правото, односно јуриспруденцијата, во која

значајна улога ѝ се посветува на интуицијата, а на вежбите се обработувале и криминални случаи според книжевни дела, пред сè, Достоевски. Факултетот имал значајно место во општествените превирања во тоа време, особено по Првата руска револуција (1905) и се работело на нови универзитетски кодекси и устави. Мишајков и Дедов имале што да научат и да применат во своите програми

Правната професија му е определба и на Атанас Чуповски (Наце Димов).

Р. Петковски по потекло од Дебар е студент во Државна академска (или: придворна) капела, продолжувале традициите на Михаил Иванович Глинка, Николај Римски-Корсаков, кои биле професори на истата академија.

Составувачите на Националната програма на Македонското научно-литературно другарство во Петроград можеле да бидат универзитетски професори и врвни научници, уметници и државници. Но, мисла водилка во нивниот живот била македонската идеја, македонскиот јазик, зашто без јазикот ќе нема ни национална наука ни национална култура. Сите тие биле полиглоти, зашто тоа им било во крвта од вителот македонски од којшто ја искристализирале македонската идеја, од потта и патиштата по кои ја пееле нивната љубима «друм постела, друм перница» а им се испречувале вити самовили со чудесни јазици, но ништо од сето тоа. И го повишиле македонизмот на рамниште на национална програма.

Литература

Бернштейн С. Б. Борис Михайлович Ляпунов // Вопросы языкознания, 1958, № 2. С. 67–75.

Мисирков К. П. За македонските работи, јубилејно издание по повод стогодишнината од раѓањето на авторот, репринт-издание. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 1974. 175 с.

Ристовски Б. Крсте Мисирков. Скопје: Мисла, 1965. 184 с.

ПЕРЕЛОМНЫЕ МОМЕНТЫ СЛОВАЦКОЙ ИСТОРИИ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ И ТЕАТРА

Пескова Анна Юрьевна

старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

Ключевые слова: Словакия; драматургия; театр; национальная история; национальная идентичность.

Театр и тесно связанная с ней драматургия — особые виды искусства и особые формы общественного сознания, предполагающие не только актерскую игру и творчество, но и непосредственный диалог со зрителем и читателем. Что касается словацкого театра, то на протяжении всей истории своего существования он являлся важной площадкой, откуда с большей или меньшей интенсивностью велся разговор с широкими зрительскими массами о вопросах национальной истории и идентичности, о важных исторических персонажах и их роли в словацкой истории и т. п. В первой четверти XXI в. многие ведущие драматурги и режиссеры Словакии обращаются к исторической тематике и пытаются осмыслить отдельные переломные моменты истории нации, и нередко эти произведения становятся предметом бурной общественной полемики.

В 2015 г. знаменитый драматург, прозаик и режиссер Вилиам Климачек обратился к истории первого государственного образования на территории нынешней Словакии — Великой Моравии (822–907 гг.) — в пьесе «Моймир Второй, или Закат империи» (*Mojmír II. alebo Súmrak ríše*), которая была поставлена на сцене Словацкого национального театра режиссером Растиславом Баллеком. Центральным персонажем пьесы является князь Святоплук, а главный конфликт разворачивается вокруг противостояния Святоплука и князя Растислава, воплощающих собой две концепции национального бытия. Растислав придерживается визионерской, идеалистической концепции: верит в силу искренней духовной веры (именно он приглашает в Великую Моравию братьев Кирилла и Мефодия), которая, по его убеждению, способна выявить и удержать национальную идентичность. Святоплук же вполне прагматично утверждает, что его империя опирается не на сильные идеи, а на сильных политиков и воинов, которые не мечтают, а действуют, руководствуясь соображениями пользы, а не нравственности. Для самих героев драмы их конфликт — это противостояние западной и восточной культур, воплощенное в образе Моймира Второго — сына Святоплука, который, став правителем Великой Моравии, приводит ее к закату.

Новую трактовку на театральной сцене в XXI в. получает и уже многократно экранизированный и инсценированный сюжет о разбойнике Яношике, которого ранее воспринимали исключительно как национального героя. Драматические постановки последнего времени чаще демонстрируют пародийный, а порой и провокационный взгляд на этого исторического персонажа. Таковы спектакли «Яношик» (*Janošík*, 2010) Старого театра Карола Слишака в Нитре по пьесе Йозефа Мокоша и «Яношик 007» (*Janošík 007*, 2012) Городского театра Жилины по пьесе Михаэлы Закутянской. Последняя представляла собой полное иронии, самоиронии «фантастическое политическое кабаре». В ней причудливо обыгрывалась даже принадлежность героя одновременно к словацкой и польской культурам: в пьесе действуют два Яношика — словацкий и польский братья-близнецы Юро и Ежи, разлученные в детстве и случайно встретившиеся. Словом, сегодняшние авторы смело иронизируют над этим известнейшим мифом.

Еще один важный момент словацкой истории — распад Австро-Венгрии и образование в 1918 г. Чехословацкой Республики осмысляется в театральных постановках, посвященных знаковой для словацкой нации фигуре Милана Растислава Штефаника. В последние годы он становился главным героем произведений в самых разных жанрах: оперы (М. Пиачек, Э. Бонди, Э. Кметёва «Последний полет — 12 взглядов на М.Р.Ш.», *Posledný let — Dvanásť pohľadov na M. R. Š.*, 2001), балета (З. Мистрикова, О. Шот «М. Р. Штефаник», *M. R. Štefánik*, 2009), музыкальной пьесы (С. Штепка «Генерал. История маленького большого человека», *Generál. Príbeh malého*

veľkého muža, 2004), драмы (Э. Борушовичова «Штефаник — солнце в затмении», *Štefánik — Slnko v zatmení*, 2017; П. Павлац «Масарик/Штефаник», *Masaryk/Štefánik*, 2018). Все эти постановки с большей или меньшей степенью иронии трактуют образ Штефаника однозначно положительно и представляют его как человека очень многогранного и разносторонне одаренного, внесшего значительный вклад в создание независимой Чехословацкой Республики.

Одна из важнейших тематических линий в словацком театре последнего двадцатилетия связана с болезненным вопросом об исторической вине и взятии на себя ответственности. К таким произведениям можно отнести почти все пьесы о Холокосте и событиях Второй мировой войны. Среди них и драма Р. Баллека «Тисо» (*Tiso*, 2005), открывшая эту тему в словацкой драматургии XXI в. и созданная на основе аутентичных документов (дневников, речей, газетных статей и т. д.) по принципу документального монтажа. По мнению автора, президент Словацкой Республики (1939–1945) Йозеф Тисо — самая трагическая фигура словацкой истории: христианин и католический священник, он от имени своего народа начал сотрудничать с фашистами и позволил организовать депортацию еврейского населения. «Тисо» стала первой пьесой на общественно-политические темы в так называемом «Гражданском цикле» театра «Дивадло Арена» и первой частью «Тоталитарной трилогии», в которую позже вошли также пьесы В. Климачека «Доктор Густав Гусак» (*Dr. Gustáv Husák*, 2006) и «Коммунизм» (*Komunizmus*, 2021).

На примере этих и подобных пьес и постановок видна важная, порой даже определяющая роль словацкого театра в трактовке в массовом сознании сюжетов из национальной истории, а также образов национальных героев и злодеев. В целом, за последние годы словацкое общество проделало огромную работу в деле осмысления и переосмысления собственной истории. Как очень точно сформулировал словацкий театровед Олег Длоугий, «пьесы, анализирующие историю страны, важны для гигиены общества» [Dlouhý O. 2005: 22]. Запрос на такую гигиену и очищение в последние годы в Словакии очень сильно ощущается и, как видно, активно реализуется.

Литература

Dlouhý O. Účtovanie s minulosťou // Domino forum. 2005, roč. 14, č. 17. S. 22.

SLOVAKS IN THE MEDIEVAL KINGDOM OF HUNGARY: DISPUTES AND DEVELOPMENTS

Simon David Edmonds

MA student, The University of Birmingham

Kristína Nováková

Teacher, St. Petersburg State University

Keywords: Kingdom of Hungary; town rights; Slovak; ethnicity.

The period between approximately 1360–1490 was a time of crucial development of the Slovaks as a distinct ethnic group living in the multi-ethnic kingdom of Hungary. The Slovaks had not yet coalesced into a truly national group advocating for their recognition. Despite this, over the course of more than a century, the Slovaks asserted themselves and gained political and religious rights, demonstrating their ethnic self-awareness. These rights in turn fostered linguistic development towards what would become the genesis of a distinct Slovak language.

The medieval kingdom of Hungary was, from its inception, a multi-ethnic state, covering a vast expanse of land in the Carpathian Basin. It included territories in present-day Slovakia, Ukraine, Romania, Serbia, Croatia, Slovenia as well as Hungary itself, along with different ethnic groups. Not only that, but immigrants were also welcomed to Hungary as well. This was particularly crucial in the years after the devastating Mongol invasions of 1241–1242, when the country had had its population decimated. In the aftermath, the invitation extended by King Béla IV (1235–1270) to the Saxons and other German groups helped to stimulate the economy via mercantile activity and mining. Mining was particularly important on the territory of Slovakia [Kirschbaum 2006: 51].

Consequently, it was the Germans who formed the most powerful mercantile and administrative elites in the towns of the kingdom. The Germans, with their customary law brought from their homeland (predominantly Magdeburg Law), had a significant effect on the development of urban administration and self-government in the towns of Hungary [Szende 2018: 27]. That state of affairs had an effect on the status of the Slovaks in those towns which had a sufficiently large Slovak population.

The development of political rights for Slovaks took place towards the end of the fourteenth century. The charter known as *Privilegium pro Slavis* of 1381, which is the oldest recorded ethnic dispute in Slovakia, is the clearest evidence of the nascent formation of what could be called a Slovak identity. In this document, King Louis I (1342–1382) affirms the right of the Slovaks to be equally represented on the powerful town council in Žilina, contrary to the actions of the Germans, who had been blocking the Slovaks from being elected. Principles of ethnic parity were further followed in Zagreb, Buda, and Trnava in western Slovakia. In the case of Buda and Trnava, both of the ethnic disputes were directed towards the Germans, who were unwilling to allow an emerging population of Hungarians or Slovaks respectively to encroach on their dominance within the two towns.

These political privileges, with their basis in ethnic differentiation, led the way to further developments which were precipitated by the religious turmoil of the Hussite movement in Bohemia, spreading to Slovakia in the 1430s. Slovaks had been asking for, and been granted, the right to a pastor designated specifically for their community. This state of affairs has been attested in various towns located in present-day Slovakia, such as Bratislava, Košice and Prešov, along with Trnava, Banská Štiavnica and Sabinov. Ethnic tensions concerning religious affairs also appeared in other parts of the kingdom, particularly Zagreb, which provides an illuminating example for the context of the period.

The influx of preachers into Slovakia from Bohemia brought literary Czech with them. With the chaos of the Hussite invasions into western Slovakia affecting the ethnic component of major towns (wealthy German elites may have fled, or been expelled), and the growing population of Slovaks, the Slovaks were at a turning point of being able to assert themselves as the town elites. Combined with this phenomenon is the development of a Slovakised form of Czech, popularised by its increasingly widespread usage in administration and legal records. The most significant document surviving to this day

is the 1473 translation of the Magdeburg Law code into a Slovakised form of Czech by one Wenceslaus of Kroměříž, upon the request of the mayor of Žilina. Particularly important in this commissioned translation was the implicit recognition of different ethnic minorities, in the form of their right not to answer an accusation in court in a language that wasn't their mother tongue [Kuchar 2010: 264].

In conclusion, the expansion of political privileges, religious rights and linguistic advances were fundamental in allowing the Slovaks to assert themselves on an ethnic basis within the towns of the kingdom of Hungary. Their growing population and increasing economic and political influence provided the incentive for them to start acting as one community within the bounds of each individual town. These developments acted as the essential keystones in advancing the Slovaks' own ethnic awareness, and provided a base on which to build their later drive for national recognition in the nineteenth century.

References

- Kirschbaum S. A.* History of Slovakia: The Struggle for Survival. 2nd ed. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 414 p.
- Kuchar R.* Čo hovoria právne ustanovenia v stredovekom kódexe o slovenčine a Slovákoch // Kultúra slova. 2010, roč. 44, č. 5. S. 262–271.
- Szende K.* Trust, Authority, and the Written Word in the Royal Towns of Medieval Hungary. Turnhout: Brepols, 2018. 438 p.

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: ЛИНГВИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ В БОЛГАРСКИХ СМИ

Георгиева Стефка Иванова

профессор, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского

Ключевые слова: фразеологические единицы /ФЕ/; новообразования; заимствования; СМИ.

В докладе делается попытка упорядочить и систематизировать происходящие процессы и возникающие явления во фразеологии современного болгарского языка последнего десятилетия.

Новая эпоха, изменения во всех сферах жизни привели к изменениям в характере функционирования устойчивых словосочетаний и к возникновению новых сверхсловных единиц. Наблюдается активизация употребления устойчивых единиц с яркой образной основой в устной речи политиков в телевизионных и других публичных выступлениях, в рекламных текстах /Избори 2 в 1; разпадна се сглобката; шоково поскъване; на рѣба сме; всички са ош беш — имат се, с една дума; къщи за тѣщи и др./ . В речи политиков активизировалось употребление как давно утвердившихся, также и употребление новых сверхсловных единиц. Данные процессы связаны с желанием авторов текстов сделать выступление ярким, повлиять на убеждения слушающих. Характер образности ФЕ отражает влияние экстралингвистических факторов на формирование образа устойчивой единицы, возникшей на национальной почве /Не било компютри, а компоти — ‘Не было компьютеров, а были компоты’, знач. ирон. ‘о невероятной ситуации’; имам човек — ‘у меня есть человек’, знач. ‘рассчитываю на помощь влиятельного знакомого, чтобы получить блага, которые не мне предназначены’; всичко е ток и жица ‘все тип-топ’, знач. ‘нет проблем, все в порядке’; гледам и не вярвам на ушите си ‘гляжу и не верю своим ушам’, знач. ирон. ‘используется как комментарий к абсурдной ситуации или к явной лжи’; Господ е българин — ‘Бог — болгарин!’, знач. ‘О нежданно-негаданно благоприятном развитии ситуации’ и др./ .

Интерес представляют многочисленные устойчивые образования с цветowymi прилагательными /жълти павега — бран. ‘политики, депутаты’; 50 нюанса в сиво — ‘плохая дорога с ямами’; бял мерцедес/ едно ферари с цвят червен — ‘символ достатка’; черна точка — ‘проступок’; червена точка — ‘успех, одобрение’; зелена сделка — ‘мероприятие, связанное с экологией’ и др. Наши наблюдения показывают, что это самая активная группа новообразований устойчивого характера в СМИ. Справедливо утверждение Н. Черневой и Б. Тенчевой, что ФЕ с колоративным компонентом «обладают особой коннотацией, отражают характерные приметы своего времени» [Чернева, Тенчева 2020: 109], кодируют своей номинацией моменты появления всего нового в жизни носителей языка.

Глобализационные процессы, активизация международного общения способствуют заимствованию фразеологизмов /черешката на тортата — ‘вишенка на торте’; в онлайн режим — ‘в онлайн-режиме/формате’; окей, бумер; хуманитарен коридор — ‘гуманитарный корридор’; двойни стандарти — ‘двойные стандарты’; дистанционно обучение — ‘дистанционное обучение’; живот офлайн — ‘жизнь офлайн’ и др./ .

Заимствования анализируются с точки зрения характера контакта и «географии» заимствований. Контакт может быть реальным и виртуальным, а с точки зрения «географии»

заимствования попадают из европейских и неевропейских языков. Больше всего заимствованных устойчивых новообразований из английского языка. Новые заимствования не могут быть адаптивными. Они пополняют и обогащают фразеологический фонд конкретного /болгарского/ языка.

Тематический характер фразеологических неологизмов прослеживает инновационный процесс с точки зрения его связи с реальными изменениями, происшедшими в болгарском обществе. Время меняет состав фразеологических групп. С исчезновением денотата названия, исчезает и употребление конкретной единицы.

Новые устойчивые образования можно объединить в несколько групп. Это ФЕ, связанные с 1. общественно-политической сферой жизни /Гудбай, Америка! — ‘Гудбай Америка!’, знач. ирон. формула прощания с прежними иллюзиями, которые имеют отношение к США/; 2. с социально-экономической сферой / кредитна линия — ‘кредитная линия/; 3. со сферой науки и техники /Чичо Гугъл ще помогне! — ‘Гугл в помощь!‘/; 4. со спортом /звездна двойка — ‘звездная пара‘/; 5. с обучением /дистанционно обучение — ‘обучение онлайн‘/; 6. с военным делом /лазерно оръжие — ‘лазерное оружие‘/; 6. с наукой, искусством, литературой /кой е по-по-най — ‘кто лучше всех‘/; 7. со здоровьем /хранителни добавки — ‘пищевые добавки‘/ 8. с экологией /зелена сделка — ‘зеленая сделка’ (знач. „Мероприятие, связанное с природой); 9. с рекламой /3 в 1 — неочаквано добра комбинация! (Nescafé) — 3 в 1 — неожиданно/ весьма удачное сочетание (растворимый кофе); 10. с бытом /(но) всичко е точно — ‘все хорошо, прекрасная маркиза’, знач. ирон. ‘о проблемах, которые со временем усложняются еще больше, но участники события либо отрицают наличие самих проблем, либо представляют их незначительными‘/ [Георгиева 2021: 56]. Анализ тематики основных областей жизни болгарского общества и болгарина свидетельствуют о важной (а в некоторых случаях и решающей) роли внешних факторов в изменении фразеологического фонда болгарского языка.

Литература

- Георгиева С. Специфика обновления фразеологических фондов русского и болгарского языков // Проблемы русско-болгарской фразеологической неографии: коллективная монография. Магнитогорск: Магнитогорский государственной технической университет им. Г.И. Носова, 2021. С. 50–69.
- Чернева Н, Тенчева Б. Фраземы с колоративным компонентом в методике преподавания русского языка как иностранного. // Чуждоезиково обучение, 2020, № 4. С. 417–429.

КОНТРУКЦИЈА ЗА + ИНФИНИТИВ У СРПСКОМ

Драгана Керкез

кандидат филолошеских наук, Филолошки факултет, Универзитет у Београду

Кључне речи: српски језик, предлог ЗА; инфинитив.

Када упоредимо употребу инфинитива у српском и руском језику, предност је, без сваке сумње, на страни руског. Семантички потенцијал руског инфинитива, као што се то и у литератури констатује, далеко је већи, будући да су, према запажању В. А. Плунгјана, функције инфинитива и контексти у којима се он употребљава изузетно многобројни [Плунгјан 2013]. С друге стране, инфинитив у српском се све ређе употребљава и тамо где би могао, нпр. у колокацијама са модалним глаголима будући да губи битку са конструкцијом ДА + презент. Међутим, предлошки инфинитив, тачније конструкција ЗА + инфинитив у српском далеко је чешћа но њој еквивалента руска конструкција ДЛЯ + инфинитив.

Управо стога смо се одлучили да за предмет анализе у овом раду узмемо горенаведени предлошки инфинитив у српском језику. Дата конструкција је већ била предмет лингвистичких опсервација, почевши још од времена Тома Маретића па све до наших дана. Од радова насталих у двадесетом веку посебно су пажње вредни радови Б. Тошовића и коауторски рад Ј. Ајдановић и Ј. Дражић. Осим тога, мора се поменути и одлука Одбора за стандардизацију српског језика која има нормативни значај и према којој се посматрана конструкција сматра неграматичном будући да се коси са постојећим правилом у српском језику према ком предлог и глаголски облик нису колокабилни [Одбор: 2015].*

На основу ексцерпираниог материјала (а на шта се указује и у већ постојећој литератури) могло се закључити да поред тога што је веома распрострањена, дата конструкција је карактеристична за различите функционалне стилове савременог српског језика, у првом реду за разговорни и публицистички, али се среће и у књижевноуметничким делима.

У свом истраживању пошли смо од става да центар конструкције чини предлог ЗА који има свој леви и десни валентни слот. У досадашњим истраживањима [Тошовић 2007]; [Ајдановић, Дражић 2012] далеко више пажње је посвећено левом слоту, те смо ми своју пажњу усмерили на десни, тј. на глагол. Прибележили смо више од 200 глагола врло разнолике семантике те се може рећи да је реч о лексички отвореној конструкцији.

Истраживачки корпус је сачињен од примера који су ексцерпирани из трију електронских корпуса српског језика: srWas, PRSD и корпуса при Математичком факултету Универзитета у Београду.

Све прибележене глаголе класификовали смо према њиховој таксономској (у раду смо се држали таксономских глаголских категорија које је својевремено издвојила Ј. В. Падучева) и тематској припадности.

Када је реч о онотолошкој (таксономској) природи глагола који у српском језику могу заузети позицију десног слота предлога ЗА, примећује се њихова хетерогеност, тј. глаголи који се срећу у оквиру посматране конструкције припадају различитим таксономским категоријама: они могу бити како статички (нпр. *волети*), тако и динамички. Међу овим

---

* У датој одлуци се, између осталог, констатује да је дистрибуција инфинитива у српском језику начелно је, услед налета балканизма у виду конструкције *да* + презент, релативно ограничена, како на нивоу саме језичке структуре, на плану морфосинтаксе и синтаксе (нпр. у говору Новог Сада забележено је да се у оквиру футура I среће у више од 80 % случајева, док у модалним конструкцијама његова фреквенција опада на свега 24 %), тако и територијално (југоисточни делови српског говорног подручја су инфинитив скоро сасвим изгубили) (Одбор 2015: 85).

Мишљење Одбора за стандардизацију српског језика је потврда контитнутитета одбацивања дате конструкције као особености српског језика, о чему је детаљније писао А. Стојановић у свом раду посвећеном конструкцији ЗА + инфинитив (Стојановић 2012).

последњим налазимо како глаголе којима се именује контролисане (нпр. *пронаћи*) радње, тако и неконтролисане радње (нпр. *изгубити*) и тако даље.

По својој семантици дати глаголи, као што већ поменуемо, такође су разнолики. Међу њима су глаголи визуелне перцепције (нпр. *видети*, *погледати*), глаголи аудитивне перцепције (нпр. *слушати*, *чути*). Неки од њих се појављују само једном, док се други врло фреквентни. Осим глагола *понети* и *очекивати*, својом учесталошћу се издвајају и глаголи *видети*, *веровати*, али и *гледати* и неки други.

Осим тога, издвојили смо следеће структурне варијанте дате конструкције:

а) N + за + Vinf

Дакле, и практични разлози су ту, а нису за занемарити.

б) N + Adj + за + Vinf

Такође, веома је забаван за возити, објављено је у званичном саопштењу.

в) N + Adj + за + Vinf

Некако не изгледа тако лепо за гледати и помало ме брине.

г) Npro + сор + за + Vinf

Гледао сам ту „сатиру“, па то је за плакати.

Централни део рада чини анализа синтаксичких, семантичких и прагматичких особености посматране конструкције.

Литература

- Одбор за стандардизацију српског језика. Поводом конструкције ЗА + инфинитив у српском језику // Наш језик. Т. 46 (1–2), Београд: Институт за српски језик, 2015. С. 85–87.
- Плунгян В. А. «Нарративный инфинитив» в русском языке: к классификации контекстов // Лингвистический беспредел — 2: Сб. науч. тр. к юбилею А. И. Кузнецовой. М., 2013. С. 352–360.
- Ajdžanović J., Dražić J. Sintaksičko-semantička analiza konstrukcije za + infinitiv i njene pragmatičke implikacije // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. Књига 1, Св. 1. Нови Сад: Филозофски факултет, 2016. С. 21–31.
- Tošović B. Neke tendencije u ekspresivnoj sintaksi glagola // Зборник Матице српске за славистику Т. 71. Нови Сад: Матица српска, 2007. С. 391–404.

СКРОМНОСТТА — ЦЕННОСТ ИЛИ АНТИЦЕННОСТ ЗА СЪВРЕМЕННИЯ БЪЛГАРИН

Кирилова Йоанна Христова

доцент, Институт за български език при Българската академия на науките

Ключови думи: български език; концептът СКРОМНОСТ; българските народни приказки.

Сред проектите, които в момента се разработват в Секцията за етнолингвистика към Института за български език „Проф. Л. Андречин“, е проектът „Теория и практика на аксиологичните изследвания на езика и речта в България — общочовешки универсалии и национална специфика на ценностите“ (май, 2023 — май, 2026 г.). Вниманието е съсредоточено върху осем културни конструкта, а именно: индивид, общество, надежда, милосърдие, мотивация, отзивчивост, толерантност и скромност, които се разработват по собствена методология, като се имат предвид достиженията на Московската и на Люблинската етнолингвистична школа.

Скромността е сред традиционните за българина качества, които един човек би трябвало да притежава и да проявява. Неслучайно една от най-разпознаваемите за поколения българи пословица е именно *Скромността краси човека*.

В българските народни приказки именно скромното и работливо заварено девойче е това, което преминава успешно през ритуала на инициацията и печели заслужената награда — сватбата с принца, а по този начин и своето индивидуално (а не обвързаното с колектива и традицията) щастие.

Така за традиционния българин концептът СКРОМНОСТ се определя като конструкт с ясно заявена аксиологична натовареност, т. е. като ценност. Ценностите обаче са динамични концепти и в хода на историята на даден колектив те претърпяват разнопосочни трансформации. Затова изследването има за цел да даде отговор на въпроса остава ли *скромността* ценност и за съвременните поколения, или се възприема по-скоро в негативен аспект — като пречка човек да реализира себе си в личен и служебен план?

В изследването отговорът на този въпрос се търси, като се извеждат базовите концептуални признаци на СКРОМНОСТТА от съвременни тълковни речници. При разглеждане на *Речника на съвременния български книжовен език* прави впечатление, че абстрактното съществително *скромност* е представено като производно на прилагателното име *скромен*, което присъства със следните значения: **1.** Който избягва да се хвали, не обича да прави впечатление с качества, заслугите, достойнствата си. **2.** Който не отразява високомерие, самомнителност. **3.** Който води приличен, неразпуснат живот и др. **4.** Който не се отличава с разкош, богатство; прост. и др. [РБЕ 2000].

Важен етап от интерпретацията на СКРОМНОСТТА като ценност е анализът на нейните синоними — *смирнен, свенлив, стеснителен, боязлив, естествен, непринуден, тих, невзискателен, кротък, непретенциозен* и др., и извеждането на периферийни концептуални признаци.

Анализът на синонимите и техните значения в речниците продължава чрез групирането им въз основа на обща сема и извеждането на тази основа на опозиционни двойки, чрез които изследваният концепт битува в съзнанието на съвременния българин. Доказателство за значимостта на даден концепт, за водещото му място в системата от ценности на даден народ е и включването му в бинарни опозиции [Кирилова 2017: 75]. Така в полето на съвременния концепт СКРОМНОСТ става възможно са бъдат изведени опозиции от типа *добро — лошо; отрицание — приемане; аз — другите; щастие — нещастие; беден — богат, голям — малък* и др. Този процес играе своята важна роля при очертаване мястото на *скромността* в аксиологическата стълбица на съвременния българин.

Анализът на културния конструкт СКРОМНОСТ продължава и чрез проследяване на съчетаемостта на лексемата *скромност* и нейните синоними с цел да се изяви пълно периферийният слой на концепта, съдържащ когнитивни признаци, които е невъзможно да бъдат изведени при пряко наблюдение. Ценностите изграждат езиковата картина на света на даден народ и освен

че не са застинали във времето, но и не съществуват сами за себе си. Напротив — те са в *интерференция и взаимовръзка* с други ценности от аксиосферата, към която принадлежат. Така аксиологичната реалност на общността се гради върху системата от ценности, които ръководят индивида в ежедневието му, направляват го в неговите конкретни желания и далечни цели, оформят етичния му профил. По наше мнение важен етап от реконструкцията на дадена ценност е именно извеждането и анализа на кохеренцията ѝ с други ценности от същата концептосфера [Кирилова 2024]. На практика това може да се осъществи чрез проследяването на лексикалната съчетаемост на ключовата лексема, репрезентант на конкретен културен концепт, и на нейните производни, на видовете синтагми, в които тя участва.

За целта на конкретното изследване е направен подбор и ексцерпция на колокации от съвременната българска преса, при което ясно се очертават две групи примери — такива, притежаващи положителни конотации и характеризиращи СКРОМНОСТТА като ценност — *скромнен човек; скромнен и невероятно работлив учен; скромна майка; скромнен, амбициозен, изключително умен; тих и скромнен; скромнен герой* и др., и такива, които имат ярко изразена отрицателна оценъчност — като: *твърде скромнен успех; скромна сума; скромни условия; скромна писателка; ограничени и скромни* и др. Към тази група съотнасяме и примери, в които негативната оценка се постига със средствата на иронията: *скромнен, брилянтен и мързелив* и др.

Така на основата на подробен и разностранен анализ се доказва предпоставената теза, че СКРОМНОСТТА е концепт, претърпял значителни промени в своето конотиране, и за съвременните носители на българския език той е амбивалентно качество, като тенденцията е напълно да се превърне в антиценност.

Литература

РБЕ 2000. Речник на българския език. [Електронный ресурс] URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/> (дата обращения: 6.06.2024).

Кирилова Й. К. Представата за ума в българската езикова картина за света. София, 2017. 201 с.

Кирилова Й. К. „Теория и практика на аксиологичните изследвания на езика и речта в България — общочовешки универсалии и национална специфика на ценностите“ — проект на на Секцията за етнолингвистика към ИБЕ, БАН (Терминологичен апарат и перспективи) // Български език. 2024. № 2 (под печат).

УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ С ГЛАГОЛОМ *mieć* В ПОЛЬСКОМ МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ

Колосова Елена Ивановна

доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Ключевые слова: польский язык; русский язык; глагольные устойчивые сочетания; молодежный сленг.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к новообразованиям в речи молодого поколения. К подобным новообразованиям относится молодежный сленг, способный развиваться мгновенно и непосредственно в процессе коммуникации. В процессе коммуникации в молодежном сленге образуются особые устойчивые выражения, обладающие яркостью, экспрессивностью и отражающие языковую картину мира носителей того или иного языка. Как отмечает польский лингвист Кшиштоф Кусаль, «...лексика и фразеология субстандарта только в последние десятилетия стала активно изучаться лексикологами и фиксироваться словарями, изданными в России и Польше» [Кусаль 2012: 38]. Сопоставление русских и польских устойчивых глагольных сочетаний — проблема, которая мало изучена в современной научной литературе.

Целью исследования является рассмотрение того, как используются устойчивые глагольные сочетания в русском и польском сленге в коммуникации, каковы их особенности и оформленность.

Рассматриваемые устойчивые сочетания с глаголом *mieć* по степени трудности перевода можно соотнести с переводом фразеологизмов. «В «шкале непереводимости» или «труднопереводимости» фразеологизмы занимают едва ли не первое место» [Влахов 1980: 179]. За основу перевода фразеологизмов и устойчивых сочетаний можно взять следующее положение: «Фразеологизм переводят фразеологизмом. К такому переводу, как идеалу, нужно стремиться в первую очередь» [Влахов 1980: 183]. Проанализировав весь собранный материал, мы распределили имеющиеся устойчивые выражения по группам, сходным по значению и по структуре.

Обращает на себя внимание тот факт, что все устойчивые выражения с глаголом *mieć* имеют идентичную структуру, которая выглядит следующим образом: глагол *mieć* + существительное/словосочетание, стоящее в винительном падеже (*mieć co?*). Рассматривая сочетания с глаголом *mieć*, мы разделили их на две группы: 1) Сочетания, имеющие эквиваленты в русском языке, которые можно сопоставлять и сравнивать; 2) Сочетания, не имеющие аналогов в русском языке. Материалом для нашего исследования послужило несколько источников: лексикографические источники, интернет-источники (социальные сети, блоги и под.), социологический опрос молодежи.

Следует отметить, что польские сочетания, имеющие эквиваленты в русском языке, являются широко распространенными: *mieć mętlik w głowie* (букв. *иметь в голове бардак*) — ср. русск.: *голова идет кругом, иметь в голове кавардак*; *mieć plesu* (букв. *быть за чьей-то спиной*) — ср. русск.: *как за каменной стеной, mieć metr pięćdziesiąt w kapeluszu* (букв. *иметь метр пятьдесят со шляпой*) — ср. русск.: *быть метр с кепкой*; *mieć coś na wątrobie* — букв. *иметь что-то в печени*) — ср. русск.: *сидит в печенках, mieć drżączkę* (букв. *иметь дрожь*) — ср. русск.: *иметь мандраж*; *mieć narqbane (w głowie)* (букв. *иметь опилки (в голове)*) — ср. русск.: *иметь в голове опилки*; *mieć łeb* (букв. *иметь башку*) — ср. русск.: *иметь голову на плечах* и др.

Только в случае подробного анализа выражений можно найти соответствующий перевод. *Mieć coś z dekletem* (букв. *иметь что-то с «крышей»*) (в значении «головой»). Значение данного выражения: вести себя странно, ненормально; быть психически неуравновешенным: „*On chyba ma coś z dekletem. Normalny człowiek tak się nie zachowuje*» (Он, наверное, ненормальный. Нормальный человек так себя не ведет). В русском разговорном языке можно подобрать такой эквивалент, как «крыша едет/поехала», где слово «крыша» также выступает в значении «голова».

Сложность представляют польские устойчивые глагольные сочетания, не имеющие соответствий в русском языке, однако мы попытались подобрать к ним похожие выражения, максимально приближенные по значению к русским. Данные выражения представляют особый интерес, поскольку отражают особое видение мира носителей польского языка: *mieć olej w głowie* (букв. иметь в голове масло), *mieć spóźniony zapłon* (букв. иметь позднее зажигание), *mieć serce jak tramwaj warszawski* (букв. иметь сердце как варшавский трамвай), *mieć lepkie ręce* (букв. иметь липкие руки), *mieć focha* (букв. капризничать), *mieć gula* (букв. иметь опухоль) и др.

Обратимся к анализу выражения: *Mieć focha* (букв. капризничать). Значение данного выражения: 'обижаться, выражать недовольство, дуться': „*Najpiękniejsze jest to, że budzisz się rano i nie masz focha*” (Самое прекрасное — это когда ты просыпаешься с утра и не обижен). „Foch” — слово, которое уже прочно вошло в польский язык — как в письменный, так и устный. Оно означает обиду вместе с выражением нежелания продолжать разговор с собеседником. Стоит отметить, что слово „foch” было характерно для старопольского языка. Первоначально слово имело только форму множественного числа — „fochy”, и такая форма активно использовалась в речи старшего поколения, выступало в таких устойчивых выражениях, как „stroić fochy”, „robić fochy”, „okazywać/pokazywać fochy”. Однако в XXI веке слово приобрело форму единственного числа и вошло в сферу молодежного сленга, выступая в таких выражениях, как „strzelić focha”, „walnąć focha”, „mieć focha”. В русском сленге не наблюдается языкового соответствия данного выражения.

Таким образом, можно отметить, что молодежный сленг — неотъемлемая часть современного русского и польского языков, и изучение его невозможно вне определенного контекста. При этом все рассмотренные устойчивые сочетания обладают удивительной образностью, экспрессивностью и неповторимостью в польском и русском языках.

Литература

Кусаль К. Русско-польские семантические сближения в сфере субстандарной фразеологии. Вроцлав: Вроцлавский университет, 2012. 43 с.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 340 с.

ОСОБЕННОСТИ МАНИФЕСТАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ СЕМ В СЛАВЯНСКИХ НАРОДНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ ВРЕМЕНИ

Кондратенко Михаил Михайлович

старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Ключевые слова: народное обозначение времени; лексемы с темпоральным значением; славянские языки.

Обозначения периодов времени часто обладают значительным семантическим объемом, включающим различные периферийные семы. Тем не менее лексемы с темпоральным значением могут нуждаться в конкретизации, в уточнении своих характеристик или в их усилении, например тыдзень и месяц в северо-западных белорусских говорах: за тыдзень часу прыяжджя мой сын; будзя за месяц часу. В данном случае еще одна лексема, обозначающая время, а именно: час — употребляется дополнительно по отношению к другой лексеме с временным значением 'неделя' или 'месяц'. Подобное явление демонстрируют данные польского языка: *minister sprawiedliwości nie wprowadził jeszcze swoich udoskonaleń prawnych, ale chwila moment i będa* — здесь манифестация одного краткого интервала времени (*moment*) усиливает подобное значение другого (*chwila*). Этот феномен можно обозначить как лексико-семантическую редупликацию или, как это уже было названо в исследованиях, как составные номинации.

В северо-западных белорусских говорах отмечено выражение *ноч-поўноч* (*Пётр, ноч-поўнач зарабляў — апора вялікая была*). Данное наименование, состоящее формально из манифестации ночи и ее крайне важной для традиционной духовной культуры славян части (полуночи), обладает, скорее, значением, 'днем и ночью', 'с утра до ночи', 'все время', чем 'ночами'. Таким образом, через повтор однокоренных слов с семантикой такого периода времени, когда работы обычно прекращаются, достигается дополнительная экспрессивность в выражении трудовой деятельности. Образ ночи для обозначения продолжительного, неустанного труда используется и в севернорусских говорах: *ночи не зная* 'проводить все время в трудах' (*деревня богата была, Ручей-то, мы ночи не знали, все работали, за клюквой, за брусницам ходили*); *ночь не загонит* 'о том, кто работает не покладая рук' (*все ему мало, работат, ночь его не загонит*).

Подобное лексико-семантическое явление наблюдается в нескольких семантических сферах, связанных с восприятием времени.

1. Глубокое прошлое.

На славянской языковой территории редупликации отмечены для передачи значения 'очень давно': в северо-западных белорусских говорах *даўната-прадаўната* (*даўната-прадауната было, што дуплё гэта было*), а также *даўнёшны-раздаўнёшны*: *гэта даўнейшыя-раздаўнёшныя песня; здавё(і)н-даўна: здавін-даўна гэта ноч мела вялікая значэнне* — при наличии аналогичного значения без редупликации у наречия *здаўна*: *гергунамі завуць іх здаўна: ні разбярэш іх, што гаворяць*. В кашубском и польском языках: *zdóvjendóvna* 'давно' (*wi nas to tak zdóvjendóvna bywało*) и *z dawień dawna* при наличии, соответственно, кашубского *zdóvna* (*to je zdóvna znôně*) и польского *z dawna* в значении 'давно', выражающих значение удаленности во времени в прошлое без дополнительной лексемы.

В севернорусских говорах подобные обозначения представлены в таких составных наименованиях, как *да́вно на да́вно* 'очень давно' (*давно на давно не пекала [пирогов], а уже четвертый день пеку*) при наличии значения 'очень давно' у лексем *давношний* и *давно*; *издосель досель* 'испокон веку' (*издосель не так давно, а издосель досель — это уж очень давно*); кроме того, *много-долго* 'долго, с давних пор' (*как они там в Падмозере много-долго живут*).

К этой же группе наименований можно отнести севернорусское *из веки веков* 'из давна, с незапамятных времен' (*горбушами из веки веков не косили*); *досель-доселева* 'давным-давно' (*старые участки досель-доселева*); *досюд-досюда* 'давным-давно' (*досюд-досюда еще письмо писала, давным-давно, значит*) и северо-западное белорусское *свет-патоп* (*ад света-патопа Дзёрнавічы завуць, яшчэ пры пану так звалі*).

2. Постоянство во времени.

В севернорусских говорах отмечены выражения *лета летами* 'из года в год, ежегодно' (*го-сти лета летами бывали*); *век по век(и)* 'всегда' (*век по век город живет на деревне*); *дни-днями* 'целыми днями, с утра до вечера' (*они тут на озера ездят, дни-днями пропадают там*); *поры на поры* 'время от времени, иногда' (*режут скотину поры на поры*); *спрэку-веку* в белорусских говорах при наличии значения 'всегда, постоянно' у лексем *век*: *спрэку-веку называюць крохвы*.

3. Раннее утро. Иное.

К этой группе номинаций относятся севернорусские составные наименования *в раннюю ранину*, *с раннего ранья* (*утром в раннюю ранину встала*; *с раннего ранья полил дождик и не перестает*) со значением 'очень рано' при наличии такой же семантики у лексемы *ранина*; *свет светает* 'рассвет' (*свет стал светать*); *поздно-напоздно* 'очень поздно' (*поздно-напоздно я замуж вышла, уж тридцать лет было*).

Таким образом, в составе славянской лексики, обозначающей различные аспекты восприятия времени, присутствуют случаи лексико-семантической редупликации для обозначения дополнительных признаков времени. Тематически это, прежде всего, наименования дальнего прошлого, постоянства во времени и утра. Объяснением этому феномену может служить то обстоятельство, что древность не имеет границ, поэтому ее глубина логично нуждается в уточнении; периоды времени утром сильно дифференцируются в диалектной лексике и нуждаются в различных способах номинации.

ЛИЧНЫЕ СУБСТАНТИВАТЫ В ТЕКСТЕ: СИНТАКСИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ КОМПРЕССИИ

Кустова Галина Ивановна

главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Ключевые слова: субстантивация; синтаксический процесс; компрессия.

Регулярно субстантивируются прилагательные, в том числе местоименные (Всякое бывает), и причастия (арестованный), ср. [Билалова 2015; Гайнутдинова 2010; Замятина, Сызранова 2017]. Субстантиваты могут иметь разный статус — могут фиксироваться в словаре (их можно назвать словарными, ср. проходная, дежурный), а могут актуально образовываться в речи, в тексте (несловарные). Наиболее распространенные типы несловарных (текстовых) субстантиватов — субстантиваты среднего рода, обозначающие предметы или абстрактные понятия (Потерянное / найденное сдается в бюро находок; Незнакомое пугает; Хорошее быстро забывается), и личные субстантиваты (обозначающие лицо; они чаще употребляются в муж. роде или во множ. числе, но могут употребляться и в жен. роде).

Предмет доклада — личные субстантиваты. Они являются аналогами отпредикатных существительных, ср. *проживающий VS. жилец*, — и сами образованы от предикатов –глаголов, ср. *арестованный*, или адъективов, ср. *виновный, недовольный*. Предикат, от которого образован личный субстантиват, будем называть базовым предикатом. Субстантивированное причастие или прилагательное — удобный и экономный способ обозначить человека по участию в ситуации.

Субстантиваты, как и отглагольные существительные, могут обозначать постоянный признак лица, постоянное занятие (ср. *заведующий*), а могут обозначать связь с конкретной (в том числе актуальной) ситуацией: *опоздавшие толпились у входа* = ‘опоздавшие к началу конкретного мероприятия’. Последние похожи на актуальные существительные, ср. *встречающий, провожающий, прибывающий VS. пассажир; гуляющий VS. пешеход*; и на результативные, ср.: *виновный VS. виновник*.

Личные субстантиваты можно рассматривать с разных сторон: как ресурс номинации (особенно если существительное отсутствует: *встречающие*; не эквивалентно по смыслу: *гуляющий VS. гуляка*; отличается стилистически: *заключенный VS. узник*); как редуцированный аналог причастного / адъективного оборота (*Происшествие привлекло внимание людей, гуляющих в парке* — ...*привлекло внимание гуляющих в парке*) или относительного придаточного (*тот, кого задержали* — *задержанный*). С точки зрения построения текста, субстантиваты часто можно также рассматривать как результат актуального синтаксического процесса, сопровождающегося семантической компрессией. Такие процессы характерны, в частности, для языка СМИ.

В текстах СМИ, особенно новостных, информационных, обнаруживаются два основных режима (способа) встраивания личных субстантиватов в текст — отсылочный и заголовочный. Оба они используют имплицативные механизмы.

Отсылочный режим. Субстантиват образован от базового предиката с пропозициональной валентностью R: *виновный в чем; недовольный чем; протестующий против чего*). Эту валентность заполняет содержание ситуации, о которой говорится в предтексте:

(1) **ДТП произошло на кольце, соединяющем улицы Верхняя и Нижняя Дуброва, и этот случай далеко не исключение. /.../ Виновных в происшествии устанавливает полиция** (Легковушка перевернулась в результате ДТП во Владимире // Vesti.ru, 02.10.2020).

— *виновный в происшествии* — произошло ДТП.

(2) **Президент допустил возможность аннулирования итогов парламентских выборов. Минувшей ночью протестующие в Киргизии освободили из СИЗО бывшего президента Алмазбека Атамбаева. Недовольные итогами голосования взяли здание штурмом — протаранили ворота грузовиками** (Президент Киргизии готов аннулировать итоги выборов // Vesti.ru, 06.10.2020).

Из текста известно, что объявлены итоги выборов. Пропущено звено ‘есть люди, недовольные итогами выборов’. Это пресуппозиция ситуативной номинации *недовольные итогами выборов*. При этом наличие довольных или недовольных итогами чего-л. — это не обязательная импликация, а лишь вероятностный результат.

Лицо, обозначенное субстантиватором, может быть участником ситуации, как в (1) (виновный в ДТП скорее всего был участником в ДТП), либо как-то связано с этой ситуацией, как в (2): недовольные участвовали в голосовании, но недовольны они не голосованием, а его итогами.

За личным субстантиватором могут скрываться и более сложные имплицитивные цепочки с несколькими пропущенными звеньями:

(3) *27 марта в Мьянме отмечалась годовщина образования вооруженных сил. Протестующие против власти военных превратили ее в «день борьбы с военной диктатурой» и устроили акции протеста по всей стране* (NEWSru.com, 28.03.2021).

В предтексте упоминаются только военные — в связи с годовщиной образования вооруженных сил. Однако нет утверждения ‘Военные захватили власть’. Это утверждение является импликацией ситуативной номинации лица: *протестующие против власти военных*.

Еще большую степень компрессии репрезентирует **заголовочный режим**. Здесь адресат уже по заголовку может реконструировать то, что дальше будет сказано в тексте (тем самым он получит основную информацию, даже если не будет читать текст):

(4) **Протестующие против мусоросжигательного завода перекрыли федеральную трассу под Воскресенском [ЗАГОЛОВОК] Жители подмосковной деревни Степаничино перекрыли федеральную трассу М5 в знак протеста против строительства мусоросжигательного завода (МСЗ)** (Коммерсант, 31.03.2018).

Использование субстантиваторов как механизма компрессии — универсальный процесс, который обнаруживается и в других славянских языках, ср. болг. **Поканените на тържеството произнесоха речи; Протестиращите срещу новия закон бяха задържани от полицията.**

Литература

- Билалова Х. А. К вопросу о субстантивации причастий в разносистемных языках (на материале лезгинского и английского языков) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 (1). [Электронный ресурс] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17188> (дата обращения: 26.05.2024).
- Гайнутдинова А. Ф. О разновидностях перехода причастий в имена существительные // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4. С. 65–68.
- Замятина И. В., Сызранова Г. Ю. Адъективация и субстантивация причастных форм: проблемы процесса и вопросы терминологии // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 23–28.

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ С ЦЕЛЕВЫМИ СОЮЗАМИ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Мосинец Анастасия Геннадьевна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: болгарский язык; целевые союзы; конструкции с целевыми союзами; предложения обусловленности; контрфактивное следствие; гипотетическое следствие.

В докладе будут рассмотрены болгарские сложные предложения, части которых связываются при помощи целевых союзов, но которые, однако, не имеют целевого значения. Материал для исследования отобран методом сплошной выборки из произведений болгарской художественной литературы второй половины XX и XXI вв., в том числе с использованием данных параллельного русско-болгарского корпуса.

Рассматриваемые предложения составляют неоднородную группу по семантике и структуре и не имеют однозначного отнесения к какому-либо разряду предложений и не всегда находят отражение в болгарских грамматиках.

Отход от целевого значения в них сопровождается появлением в них добавочных структурных элементов, а именно лексем со значением достаточности или чрезмерности признака, обязательного отрицания, фиксированного порядка частей, например: *Твърде много Ви уважавам, за да смятам, че сте постъпили лекомислено* (П. Вежинов); *Симеон Втори направи нова пауза, достатъчно дълга, за да чуе каква ще бъде първата реакция на младия министър* (П. Христозов); *Все пак не сте толкова наивна, за да не знаете какво търси от вас Миланов* (Б. Райнов); *И аз не съм следовател, за да търся доказателства* (Б. Райнов).

Основное семантическое различие между данными структурами состоит в отношении между частями предложения — обуславливает ли ситуация, указанная в главной части, возможность или же невозможность осуществления действия придаточной. Некоторые зафиксированные несвободные структуры с нецелевым значением способны выражать только одно из указанных выше значений, другие, в зависимости от лексического наполнения, могут передавать как контрфактивное, так и гипотетическое значение.

1. Предложения со значением контрфактивного следствия.

1) Предложения, построенные по схеме «**не съм + N, да**»

В главной части отрицается принадлежность субъекта к какому-либо классу, а в придаточной указывается действие (типичное для представителей данного класса), которое поэтому не может осуществиться: *Не си дете, за да те уча, но ако искаш един приятелски съвет, внимавай с нея* (БР-2). В «Грамматике современного болгарского языка» подобные конструкции с союзом *да* отнесены к предложениям следствия, имеющим дополнительные оттенки цели или определительный оттенок [ГСБКЕ 1983б: 418]. В русском языке Г. И. Кустова относит их к несвободным конструкциям со значением обусловленности в целом [Кустова 2013: 241–242].

Отрицание в главной части является обязательным элементом структуры; придаточная часть вводится союзом *да*, реже — *та да* и *за да*.

2) Предложения, построенные по схеме **не съм тѝй <толкова, дотам>..., да <за да, че да, та да>**. В главной части здесь отрицается наличие проявления признака в такой степени, которая бы сделала возможным осуществление указанной в придаточном предложении ситуации: *Не съм дотам неграмотен, Майкъл, че да не мога да направя разбор на един разговор* (Б. Райнов). Данные предложения близки предыдущей конструкции, однако в их структуре обязательно присутствует и соотносительное слово (*тѝй, дотам, толкова.*), определяющее признаковый компонент структуры. В качестве союзного средства могут использоваться союзы *та да, че да, да, за да*.

Предложения с соотносительными словами и придаточной частью, вводимой союзом *че да*, обычно относят к предложениям меры и степени которые получают значение несоответствия при наличии отрицания в главной части [см. Иванова, Градинарова 2015: 357].

3) Предложения, построенные по схеме *твърде <прекалено, много>..., за да*. В данной группе чрезмерно высокая степень проявления признака или интенсивности действия, указанная в главной части, обуславливает невозможность осуществления действия придаточной: *<...> но тя бе твърде амбициозна, за да се задоволи с фасул <...>* (Б. Райнов).

Обязательным компонентом структуры является лексема со значением избыточного проявления признака в главной части — в нашем корпусе это в основном наречия *твърде, прекалено: Въпросът е твърде директен, за да дам вид, че се отнася до шапката ми* (Б. Райнов). В качестве союзного средства во всех зафиксированных предложениях выступает союз *за да*.

2. Предложения гипотетического/контрфактивного следствия.

1) Предложения, построенные по схеме *достатъчно <доста, предостатъчно>, за да <да>*. Они могут иметь как значение гипотетического, так и контрфактивного следствия, ср.: *Само че това проклето петно е доста голямо, за да се прикрие с един календар, а два ще стоят много грозно* (Б. Райнов). — *Искам да кажа, че [картина] е достатъчно голяма, за да скрие петното, но не можахте ли да намерите нещо по-весело?* (Б. Райнов). Наличие гипотетического или контрфактивного значения базируется на логическом сопоставлении семантики вершинного слова главной части и ситуации, указанной в придаточной.

На семантический тип рассматриваемых конструкций в нашем корпусе оказывают влияние два фактора: позиция отрицания и позиция лексемы достаточности.

Некоторые исследователи [Иванова, Градинарова 2015 и др.] рассматривают данные конструкции как предложения со значением достаточного основания в рамках целевых предложений. Г.И. Кустова относит их, как и предыдущую группу, к фразеологизированным конструкциям со значением обусловленности, где придаточная часть выражает значение следствия [Кустова 2013: 243].

Обязательным элементом структуры является лексема достаточности в главной части, придаточная часть вводится союзом *за да*. Типичной разновидностью предложений с *достатъчно* являются конструкции с глаголом обладания.

Все предложения в рассмотренных выше группах связаны не целевыми, а причинно-следственными отношениями, которые также являются отношениями обусловленности, как и целевые. Использование целевых союзов в данном случае можно объяснить тем, что говорящий имеет в виду, что, если бы у субъекта была цель (предназначение), указанная в придаточном предложении, то он бы не смог (смог) ее осуществить из-за наличия (отсутствия) признака, указанного в главной части.

Литература

ГСБКЕ 19836 — Граматика на съвременния български книжовен език / Гл. ред. С. Стоянов. В 3-х т. Т. 3: Синтаксис. София: Издателство на Българската академия на науките, 1983б. 466 с.

Иванова Е. Ю., Градинарова А. А. Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М.: Языки славянской культуры, 2015. 628 с.

Кустова Г. И. Синтаксис современного русского языка. Курс лекций. М.: Издательство «ФЛИНТА», 2013. 294 с.

ПЕРЕВОД НАЗВАНИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ФИЛЬМОВ НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

Мосинец Анастасия Геннадьевна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Киселева Арина Сергеевна

студент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: болгарский язык; перевод с английского на болгарский; перевод заглавий.

В докладе будут рассмотрены основные способы перевода названий англоязычных мультипликационных фильмов на болгарский язык. Материал для доклада был собран методом сплошной выборки среди мультфильмов студии Walt Disney Animation Studios (с 1990 по 2023 год выпуска), переведенных на болгарский язык.

В нашей выборке были зафиксированы следующие способы перевода: прямой перевод; трансформация названия; замена названия.

1. Наиболее распространенным способом перевода в нашем материале является прямой перевод, например: *Aladdin and the King of Thieves* — *Аладин и царят на разбойниците* (1992). Важным критерием, необходимым для применения стратегии прямого перевода является отсутствие в названии кинопродукта непереводаемых культурноспецифических компонентов (экзотизмов, реалий, отсылок к локальным историческим событиям и т. д.), а также конфликта формы и содержания. На вышеуказанной стратегии основывается также перевод названий, содержащих имена собственные, не обладающие внутренней формой. При этом используются приёмы транслитерации и транскрипции: *Vambi* — *Бамби* (1942), *Lilo & Stitch* — *Лило и Стич* (2002), *Encanto* — *Енканто* (2021).

Мы относим к методу прямого перевода и те случаи, где имя собственное, вынесенное в название, графически или фонетически не было приближено к оригиналу, но сама структура заголовка перевода совпадает с оригиналом. Такое несовпадение возможно в силу различных причин:

— влияние традиции: *Cinderella II: Dreams Come True* — *Пепеляшка II: Мечтите се сбъдват* (2002),

— стремление раскрыть внутреннюю форму имени у имен собственных, имеющих характеризующий компонент [Ермолович 2001], например, *Lady and the Tramp II: Scamp's Adventure* — *Лейди и Скитника 2: Приключенията на Скамп* (2001), где нарицательные существительные *lady* и *tramp* становятся именами собственными, и болгарские переводчики подбирают для них прямое соответствие: *Лейди и Скитника*. В мультфильме *Tinker Bell — Камбанка* (2008), где главной героиней является персонаж повести Дж. Барри «Питер Пен» фея Динь-Динь, в заглавии использовано не имя персонажа, а её прозвище *Колокольчик*. Интересно, что этот перевод не совпадает с опубликованным переводом повести, где *Tinker Bell* передается как *Менче-Звънче*.

2. Трансформация названия является вторым по распространенности методом перевода названий мультфильмов с английского на болгарский язык. Решение придерживаться данной стратегии перевода, как правило, объясняется прагматическими факторами. Например, полнометражный мультфильм *A Bug's Life* переведен на болгарский язык как *Приключението на бръмбарите*, при дословном переводе название звучало бы как *Животът на бръмбара*. Прямой перевод скорее отсылал бы к научно-популярному жанру, поэтому болгарские переводчики решили прибегнуть к лексической замене в названии. Перевод лексемы *life* как *приключение*, вместо *живот* («жизнь»), задает совсем иное, более живое, яркое и приподнятое настроение мультфильму еще до просмотра и отражает приключенческий жанр картины. Как следствие, это работает на привлечение правильной целевой аудитории. Мы предполагаем, что с той же целью произведена замена единственного числа *bug* на множественное *бръмбарите*.

Кроме того, благодаря такому приему зритель получает больше информации о сюжете и героях произведения.

В нашем материале присутствуют также случаи трансформации при передаче культурологического аспекта, заложенного в названии фильма. Иными словами, трансформация в подобных примерах призвана объяснить реалии или фрейм, не совпадающий у носителей языка оригинала и языка перевода. Ярким примером может быть анимационный фильм *The Rescuers Down Under* (1990) (букв. «Спасатели вверх ногами») — *Спасатели в Австралия* («Спасатели в Австралии»). Австралия благодаря своему необычному, в сравнении с большей частью остальных материков, положению относительно экватора знакома англоговорящему населению планеты как *The land down under* — (букв. «Земля наоборот/ Земля вверх ногами»). Действительно, с точки зрения, например, представителей английской культуры в этой стране все с точностью до наоборот: зима наступает в летние месяцы, диск луны виден не так, как с европейского континента, леса населены диковинными животными. Однако для носителя болгарского языка Австралия не ассоциируется с данным «прозвищем», поэтому сохранение его в заглавии мультфильма вызвало бы непонимание зрителей и, как следствие, могло бы отрицательно сказаться на их интересе к картине и кассовых сборах.

3. Замена названия — прием, наименее распространенный в нашей выборке, однако каждый из них представляет собой уникальную задачу, требующую особого подхода. Так, например, анимационный фильм *Home on the Range* (2004) (букв. «Дом на ранчо») назван так в честь одноименной популярной песни в стиле кантри, и для американского зрителя подобное название сразу раскрывает тему и настроение картины. В Болгарии это заглавие не произвело бы аналогичного эффекта: песня в этой стране не является известной и, следовательно, преинформационный запас [Латышев 2007] болгарского зрителя не позволит ему сделать должных выводов, исходя из подобного названия. Еще один случай замены названия в нашей выборке — мультфильм *Moana* (2016). В Болгарии он вышел под названием *Смялата Ваяна* (букв. «Смелая Ваяна»). Изменение вынесенного в заглавие имени главной героини в Болгарии и ряде других европейских стран было обусловлено существованием на этих территориях зарегистрированной торговой марки *Moana*, производящей одежду, что не имеет никакого отношения к детскому мультфильму и вызывает ненужные ассоциации.

Литература

Латышев Л. К. Технология перевода. М., 2007. 320 с.

Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Валент, 2001. 200 с.

РОЛЬ «СЛОВАРЯ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА» ПОД РЕДАКЦИЕЙ Б. ГРИНЧЕНКО В КОДИФИКАЦИИ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА

Мушчинская Виктория Владиславовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: Б. Гринченко; «Словарь украинского языка»; лексикография; кодификация.

«Словарь украинского языка» под редакцией Б. Гринченко для украинской культуры имеет такое же значение, как «Толковый словарь русского языка» В. Даля для русской, словарь С. Линде — для польской, Й. Юнгмана — для чешской. Решением Российской академии наук «Словарь украинского языка» был удостоен второй премии Н. И. Костомарова и в 1907–1909 гг. был опубликован. Словарь был собран редакцией журнала «Киевская старина». Как редактор, Б. Гринченко не только коренным образом переработал словник, но и составил около трети от общего объема новых словарных статей.

Словарь состоит из четырех томов, содержит около 68 тыс. реестровых слов. Словарные статьи расположены по алфавиту. В словах указывается ударение, принадлежность слов к той или иной части речи обозначается соответствующей пометой и указанием характерных грамматических форм, которые иногда сопровождаются стилистическими ремарками.

Большинство слов проиллюстрировано предложениями, присутствует паспортизация, к названиям растений и животных приведены их латинские научные аналоги. Русские соответствия к украинским словам представлены эквивалентами или описательно, при этом часто используются как синонимы, так и синонимические ряды. Использование синонимических средств языка позволило Б. Гринченко показать реестровую лексему не изолированно, а в ее связях с другими словами, как составную часть лексико-семантической системы языка. В словаре широко представлена украинская фразеология, приведены соответствующие фразеологические единицы русского языка или толкования.

В предисловии к словарю Б. Гринченко подробно рассмотрел историю собирания, систематизации и редактирования материалов, вошедших в словарь, методологические основы его построения.

Принципы словаря Гринченко можно определить следующим образом: наличие четкой концепции словаря; полное и точное воспроизведение лексикона эпохи; широкая база источников словаря; объективная профессиональная обработка языкового материала и обоснованный реестр словаря.

Источниками для составления словаря были прежде всего этнографические сборники, которые, по словам редактора, ставились «на первом плане» — как материал народный, который, благодаря большому количеству опубликованных записей, может быть проверен многими случаями употребления.

Другим источником для словаря были собственно печатные произведения, написанные на украинском языке. Лучшими признавались произведения старых украинских писателей, таких как: И. Котляревский, П. Гулак-Артемовский, Г. Квитка-Основьяненко, М. Макаровский, Т. Шевченко, М. Вовчок, Г. Барвинок, М. Симонов (Номис), П. Кулиш.

Источником для лексического реестра словаря Б. Гринченко были предыдущие словари украинского языка: А. С. Афанасьева-Чужбинского, Е. Желеховского, Н. Закревского, К. Шейковского и др.

В русской части словаря Б. Гринченко использовал «Словарь русского языка, составленный вторым отделением Академии наук» (СПб., 1891); «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Академии наук, второе издание» (СПб., 1867–1869); «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля (первое издание).

В предисловии Б. Гринченко весь лексический состав словаря разделил на две группы. Первая группа — это «слова народного языка — как собственные, так и заимствованные, но издавна принятые всем народом или частью его; сюда относятся слова из обращавшихся или

обращающихся среди народа поэтических произведений, хотя некоторые из этих слов и вышли в настоящее время из народного употребления. Вторая группа — это слова, взятые из сочинений авторов. В большинстве случаев это те же народные слова, но только в имеющихся материалах не оказалось для них источника из народной литературы; затем — слова, перешедшие из старого книжного языка в новый, часто с приспособлением к современной, принятой в литературе, фонетике, далее — слова, заимствованные из других литературных языков для выражения понятий научных, некоторых отвлеченных и вообще понятий новейшей культурной жизни, и, наконец, слова, выработавшиеся в литературном языке для обозначения тех же понятий» [Гринченко 1907, т. 1: XXVIII–XXIX].

Б. Гринченко сформулировал главные критерии освоения иноязычной лексики: приспособление фонетической оболочки и грамматической формы к структурным особенностям украинского языка; наличие производных; высокая частотность употребления в литературном языке; распространение в народном языке. Именно по этим критериям осуществлялся отбор иноязычной лексики в «Словаре украинского языка».

В словаре реализована орфографическая система, которая основывалась на фонетико-морфологическом принципе, и впоследствии закрепились в изданиях центральных и восточных земель Украины и вошла в историю как гринченковка. Именно на практике «Словаря украинского языка» под редакцией Б. Гринченко основывается первое принятое в советское время правописание, утвержденное в 1921 г. Всеукраинской Академией наук.

Таким образом, «Словарь украинского языка» под редакцией Б. Гринченко был составлен не как словарь литературного языка, а как словарь вообще всего украинского языка — живого народного и (с ограничением) литературного. Он стал определяющим в кодификационных процессах нового украинского литературного языка, поскольку процесс кодификации — это процесс закрепления языковых норм в словарях и грамматиках. Со времени издания «Словаря украинского языка» под редакцией Б. Гринченко начинается время нормативных словарей украинского литературного языка.

Литература

Грінченко Б. Предисловіє. Словарь української мови / Зібрала редакція журналу «Кієвська Старина». Упорядкував, з додатком власного матеріалу Борис Грінченко. Київ, 1907. Т. 1. С. V–XXXIII.

СТРУКТУРА ТЕМАТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «БОГ. ВЕРА БЯЗВЕР'Е» В ЭЛЕКТРОННОМ СЛОВАРЕ БЕЛОРУССКИХ ПАРЕМИЙ

Ничипорчик Елена Владимировна

*доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания,
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины*

Ключевые слова: паремия; словарь; тематическое объединение; системные связи; отношения.

Белорусы могут гордиться тем, что благодаря деятельности фольклористов, этнографов прошлых столетий (С. Рысинского, А. Ф. Рыпинского, Я. Чечота, П. М. Шпилевского, М. А. Федоровского, А. К. Сержпутовского, И. И. Носовича, М. Я. Гринבלата, А. С. Аксамитова, Ф. М. Янковского и мн. др.) наши современники имеют возможность узнать о том, каким видели мир наши предки, чем дорожили и чем гордились, что порицали, а к чему рекомендовали стремиться. В век цифровых технологий у человека появляется значительно больше возможностей приобщиться к сокровищницам национальной культуры, так как недоступность или недостаток словарей на бумажных носителях восполняется оцифрованными версиями словарей, размещенными в сети. Так, на сайте bydialects.org мы можем найти оцифрованные версии паремиологических словарей, составленных И. И. Носовичем [Носович 1874], А. Варлыгой [Варлыга 1966], М. Я. Гринблатом [Гринблат 1976].

Желание сформировать у пользователей сети целостное представление о белорусском паремиофонде подвигло преподавателей Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины к созданию сводного электронного словаря белорусских пословиц. Стратегическая задача состояла в том, чтоб сделать сводный словарь, насчитывающий более 37 тысяч пословичных единиц, тематическим. Тематическая организация словаря, как известно, «вскрывает системные связи паремий, дает возможность и паремиографу, и читателю словаря “зримо” представить те отношения, на основании которых паремии притягиваются друг к другу» [Ничипорчик 2023]. В основу тематической организации сводного электронного словаря была положена структура самого объемного тематического словаря белорусских пословиц, составленного М. Я. Гринблатом, однако выработка некоторой общей стратегии размещения паремий в каждом из тематических объединений потребовала внесения существенных изменений в тот порядок пословиц, который был определен М. Я. Гринблатом в его словаре.

Последовательность микротем в тематических объединениях паремий, раскрывающих смысл доминантных ценностных концептов в белорусской паремиологической картине мира, в сводном словаре определялась с опорой на принцип «от безусловной (положительной или отрицательной) оценки объекта через описание свойств объекта, проявление которых зависит от тех или иных условий, к противоположной (положительной или отрицательной) оценке объекта». Данный принцип был положен в основу структурирования тематического объединения «Бог. Вера. Бязвер'е».

В данном тематическом объединении последовательность развития темы представлена следующими блоками паремий:

1) Паремии, в которых утверждается могущество Бога, открытость его для каждого человека, рекомендуется во всяком начинании помнить о Боге;

2) Паремии о распределении благ, происходящем по воле Бога. В паремиях сообщается о том, что Бог стремится всех уравнивать, однако получается, что богатым достается больше, а бедным — меньше; хотя Бог сочувствует беднякам, сирым и обездоленным, дает им силы перенести невзгоды, счастливой доли таким людям все же не дарует. Паремии призывают к смирению, утешают тем, что добропорядочных людей Бог милует;

3) Паремии, в которых подчеркивается несовершенство человеческой природы и долготерпение Бога, выражается осуждение тех, кто Бога не почитает и не боится, звучит предупреждение о Божьей каре;

4) Паремии, призывающие верить в Бога, молиться ему и верить в его милость. Выражается сетование, что человек вспоминает о Боге только тогда, когда приходит беда. Паремии предупреждают, что не каждый молящийся человек будет услышан Богом;

5) Паремии, рекомендуемые человеку самому заботиться о себе, не надеяться на то, что Бог поможет во всяком деле, даст хлеб тому, кто не трудится;

6) Паремии, в которых говорится о бесполезности слезных молитв, обращенных к Богу; человек сам должен распоряжаться своею жизнью; ни человек, ни Бог не могут ничего изменить, если приходит смерть;

7) Паремии, рекомендуемые не знаться с лихими людьми, не дразнить черта, предупреждающие о том, что черт постоянно стремится сбить человека с праведного пути;

8) Паремии о том, что святые безучастны к человеческим невзгодам, а пожертвования прихожан служат лишь обогащению священнослужителей, удовлетворение «земных» потребностей оказываются для человека важнее, чем иллюзорная надежда на райскую жизнь после смерти;

9) Паремии о греховности человека, душевных терзаниях человека, недолговечности раскаяния и неизбежности повторного греха.

Подчеркнем в заключение, что тематическое объединение «Бог. Вера. Бязвер'е» включает 640 паремий, однако значительно большее количество паремиологических единиц с компонентом *Бог* отнесены к иным тематическим объединениям сводного словаря.

Работа выполнена в рамках финансируемой темы «Белорусско-русские фразеологические и паремиологические параллели в словаре и интернет-коммуникации», № государственной регистрации 20212044, дата государственной регистрации 02.06.2021.

Литература

Варлыга А. Прыказкі Лагойшчыны. New-York — München, 1966, 133 с. [Электронный ресурс] URL: <https://bydialects.org/dicts/prykazki-lohojscyny-varlyha-o/> (дата обращения: 26.06.2024).

Грынблат М. Я. Прыказкі і прымаўкі: ў 2-х кн.; кн. 1 / Рэд. А. С. Фядосік. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. 560 с. [Электронный ресурс] URL: <https://bydialects.org/dicts/prykazki-i-prymauki-grynblat/> (дата обращения: 26.06.2024).

Ничипорчик Е. В. Логика развития темы «Розум. Кемлівасць. Дурасць» в электронном словаре белорусских пословиц // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 135–148. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-135-148> (дата обращения: 26.06.2024).

Носович И. И. Сборник белорусских пословиц // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. АН. т. XII. № 2. СПб.: Тип. Имп. АН, 1874. [1]. [Электронный ресурс] URL: <https://bydialects.org/dicts/sbornik-bielorusskich-poslovicnosovic-r/1>. (дата обращения: 26.06.2024).

ОТРАЖЕНИЕ ПОЭТИКИ ПЬЕСЫ Е. ШВАРЦА «ДРАКОН» В ОСОБЕННОСТЯХ КИНОПОВЕСТВОВАНИЯ ФИЛЬМА М. ЗАХАРОВА «УБИТЬ ДРАКОНА»

Охрименко Евгения Сергеевна

преподаватель, Санкт-Петербургский Пожарно-спасательный колледж

Ключевые слова: пьеса Е. Шварца «Дракон»; фильм «Убить Дракона»; мотивная система.

Как правило, сопоставляя пьесу Евгения Шварца «Дракон» [Шварц 2010] и созданный по ее мотивам фильм Марка Захарова «Убить дракона» [Ряпосов 2017], исследователи и критики фокусируются на сходствах и расхождениях на уровне сюжета, содержания реплик героев, или же сопоставляют тексты как интерпретируемые тем или иным образом идеологические высказывания. Непроясненным остается вопрос о том, как соотносятся произведения с точки зрения поэтики: пытается ли Захаров сохранить особенности мотивной системы Шварца, пытается ли он средствами киноязыка передать смыслы, заложенные в особенностях языка пьесы, — или же режиссер, отталкиваясь от текста предшественника, создает самостоятельное художественное высказывание, по отношению к которому «Дракон» Шварца можно рассматривать лишь как один из подтекстов, но не более того [Говердовская 2011].

Анализ мотивной системы, особенностей юмора, а также элементов поэтики текстов, связанных с особенностями того или иного вида искусства (ракурсы, крупность планов, цветовое решение, композиция кадра и т. д. в случае с фильмом; пространственная неопределенность изображенного мира, каламбурность, элементы абсурда и в целом стилистика речи героев в пьесе) позволяет прийти к выводу, что более верна вторая точка зрения: особенности поэтики фильма Захарова в первую очередь направлены на решение художественных задач, отличающихся от тех, что стояли перед Шварцем. Авторы создают произведения, очень разные по своей атмосфере, и неудивительно, что используемые ими приемы должны эмоционально очень по-разному воздействовать на реципиента.

Так, в фильме Захарова тягостная атмосфера мира, в котором царит тотальное равнодушие, задается за счет целого ряда особенностей, среди которых можно отметить следующие: темная цветовая гамма; дисгармоничная композиция кадра, акцент на острых углах и кривых линиях при изображении городского пространства и основных локаций; многочисленные сверхдлинные планы, которые особенно бросаются в глаза при отсутствии традиционных склеек в диалогах персонажей; верхние и нижние ракурсы, используемые в сценах, где задается социальная дистанция между персонажами; использование более общих планов там, где ожидаемы более крупные, и т. д.

И в то же время внимательный анализ позволяет обнаружить и некоторые мотивные и другие переключки между пьесой и фильмом, которые не были отмечены ранее. Это позволяет уточнить характер диалога между фильмом Захарова и пьесой Шварца и обнаружить, с чем режиссер полемизирует, а какие элементы художественной структуры, кроме общей идеи и элементов сюжета, он пытается сохранить, так как они вписываются в его собственную художественную концепцию.

Так, важные для фильма мотивы цикличности и зеркальности восходят именно к пьесе Шварца — а точнее, они представляют собой логическое развитие мысли Шварца о возможности превращения обычного человека в дракона. Эти мотивы проявляются на разных уровнях: как в речи и поступках героев, так и в специфической кольцевой композиции произведения.

Так, фильм начинается со сцены «встречи» Ланцелота с драконом: на сверхдолгом сверхдальнем плане мы — сначала с высоты птичьего полета, а потом постепенно снижаясь — видим Ланцелота. Затем появляется его крупный план, затем на героя нападает Дракон. В финале же фильма Ланцелот встречает Дракона в человеческом облике, который вместе с толпой детей запускает бумажного змея в виде туловища поверженного чудовища. Крупные планы беседующих персонажей сменяются сверхдлинным планом, где камера постепенно отдаляется от героев

и поднимается к небу. Именно «зеркальность» начального и финального эпизодов актуализирует тему взаимных отражений героев друг в друге, превращения Ланцелота в дракона.

Не считая сходства на уровне отдельных мотивов, больше всего пересечений между художественной манерой Шварца и Захарова обнаруживается на уровне особенностей юмора и включения абсурдистских элементов в повествование. Захаров стремится сохранить вводимые Шварцем элементы абсурда в репликах героев и в пространственной организации художественного мира. Более того, режиссер усиливает их благодаря особенностям монтажа и приемам, связанным с движением камеры: сама манера съемки порой направлена на то, чтобы сбить зрителя с толку, дезориентировать его — так на абсурдности реплик и поведения героев делается дополнительный акцент.

Так, нередко используется такой монтаж, когда следующий кадр или вдруг резко меняет наше представление о том, что происходит. Тот же эффект достигается за счет движения камеры: когда благодаря панорамированию или, например, отъезду в кадр попадает что-то необычное.

Можно вспомнить и сцену, в которой Шарлемань приходит к бургомистру, узнав, что тот хочет взять в жены Эльзу. Шарлемань взбегает по лестнице, камера показывает это с верхнего ракурса. Вдруг Шарлемань останавливается и недоуменно смотрит перед собой — то есть куда-то «за спину» зрителя. Мы слышим голос бургомистра, говорящего: «Цыпа-цыпа-цыпа». После монтажной склейки мы видим бургомистра в гамаке. Камера отъезжает, и вдруг мы видим куриц, которых он кормит. Этот элемент абсурда, сбивший с толку Шарлеманя, и для зрителя так и остается необъясненным. Подобные случаи, когда абсурдные элементы художественного мира усиливаются за счет специфического монтажа или поведения камеры, встречаются довольно часто.

Именно разработка особого киноязыка позволяет Захарову развить идеи, заложенные в пьесе Шварца и, сохраняя связь с текстом предшественника, создать особое, неповторимое произведение.

Литература

Ряпосов А. Ю. Фильм М. А. Захарова «Убить Дракона» (1988): Сюжет, композиция, жанр // Вопросы теории и практики. Грамота, 2017. № 12 (86). Т. 4. С. 131.

Говердовская В. А. Интертекстуальность как инструмент создания языковой игры в пьесах Е. Шварца // Преподаватель XXI век. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2011. № 3. С. 329–334.

Шварц Е. Л. Дракон // Собрание сочинений в 5 т. Москва, 2010. Т. 2. 426 с.

БРАЗДА VS БРОЗДА: ИСТОРИЯ СЛОВ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ

Серегина Елена Евгеньевна

доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

Ключевые слова: бразда; брозда; этимология; русский литературный язык; церковнославянский язык.

1. Фиксация слов в толковых словарях русского языка.

В системе современного русского литературного языка фиксируются слова *бразда* (полногласный вариант *борозда*) 'черта на поверхности земли, проведенная плугом', и *бразда* < *брозда* 'удила', последнее обычно во мн. числе и в составе устойчивого выражения *бразды правления*. Данные слова имеют древнее происхождение и восходят к разным корням, однако изменение орфографического оформления одного из слов привело к полному совпадению их написаний. Считается, что появление гласного *a* в слове *бразда* < *брозда* обусловлено влиянием аканья, однако не стоит исключать и возможность влияния неполногласной формы. В отличие от русского церковнославянского язык сохраняет различия в написании данных слов, для современного читателя это может служить «подсказкой» в определении их значения: ...И вложу **бродзу** в ноздри твоя... (Исайя 37: 29); ...водами же, свыше пролиявшимися, упаяеши землю и напаяеши сухия сея **бразды**... (Минея. Декабрь. Святаго священномученика Елевферия и преподобнаго отца нашего Павла, иже в Латре).

Составители «Словаря Академии Российской» еще сохраняют исторический облик слова *брозда* — «удило, прибор, употребляемый для взнуздания коней» [САР 1789: 342]. В современных толковых словарях написание лексических единиц унифицировано, при этом каждая лексема образует самостоятельную словарную статью. Вместе с тем в лексикографической практике встречаются примеры объединения слов в составе одной статьи под общим заголовком, но с грамматической пометой «обычно мн.ч.» для значения 'удила' и «мн. ч» для переносного значения 'власть' в выражении *бразды правления*: «БРАЗДА -ы, ж. (устар.). 1. То же, что борозда. 2. мн. То же, что удила. <...> Из церк.-слав., ср. ст.-слав. БРАЗДА при рус. борозда» [Шведова (отв. ред.) 2011: 58]. Словарные статьи, организованные подобным образом, «стирают» для современного читателя омонимичные отношения между лексическими единицами, а значения исконно разных слов «превращаются» в ЛСВ многозначного слова.

2. Этимология слов.

Слова с корнем *бразд-/борозд-* представляют рефлекс праславянского корня *borzd-a. На и.-е. материале дискуссионным является вопрос морфемного членения слова и отсутствие точных параллелей.

В «Этимологическом словаре славянских языков» под ред. О.Н. Трубачева, праславянское *borzda возводится к и.-е. корню **bhars-* или **bhors-* с обозначением 'остроты, острых, колких, режущих предметов', соответственно, -*d(h)-* определяется как суффикс [Трубачев (ред.) 1975: 220]. Среди и.-е. параллелей приводятся др.-инд. *bhr̥ṣṭis* 'острие, зубец, край'; ирл. *barr* 'макушка, верхушка'; др.-в.-нем. *burst* 'щетина' [там же]. Согласно другой версии -*zd-* является суффиксом, как в *je-zd-a [Черных 2007: 104]. К числу возможных корневых параллелей относятся др.-в.-нем. *borōn*, латин. *forāre* в значении 'сверлить, буравить'. П.Я. Черных пишет: «И.-е. корень тот же, что в вост.-слав. *боронá*, с которым вост.-слав. *бороздá* издавна ассоциируется (отсюда укр. **борозна́**; блр. **баразна́**)» [там же].

В представленных этимологиях отметим следующее: в и.-е. корне слова обнаруживается семантика, связанная с воздействием на поверхность почвы острым предметом. Вместе с тем предполагаемые параллели из других языков как бы указывают на разный способ этого воздействия: 1) 'прочерчивать острым предметом, резать', иными словами речь идет о длинном, «прямолинейном» углублении и 2) 'прочерчивать глубоко', то есть буравить.

Что касается происхождения праславянского *brъzda, то, по словам П. Я. Черных, вполне удовлетворительного объяснения не найдено. В качестве возможной и.-е. базы восстанавливаются *bhrus-dh- [Трубачев (ред.) 1976: 62] или *bhreu-k' [Черных 2007: 107].

3. Функционирование слов *бразда* ('борозда') и *бразда* ('удила') в русском литературном языке.

Церковнославянизм *бразда* в литературном языке используется как в прямом значении 'борозда', так и в переносном, например, в выражении *бразды печали* (о морщинах). Интересным является соединение в одном контексте слов *бразды* ('удила') и *борозда*: *Как конь разнузданный ступает, Копыта черные в траве, Бразды и стремя промокают В забытой на ночь борозде...* (Андрей Битов. Что-то с любовью... // «Октябрь», 2013). В этом случае лексические единицы как бы намеренно сталкиваются друг с другом («мнимые» неполногласный и полногласный варианты), но именно такой прием приводит читателя к верному пониманию слова *бразды* и отграничению его от церковнославянизма. В художественных текстах слово *бразда* ('борозда'), используемое в переносном значении, часто сочетается с лексикой, обозначающей свет: *лучезарная бразда побед*. Тогда как лексема *бразды* ('удила') обычно выступает в контекстах, в которых образ основан на звуках: *браздами, саблями звуча*.

4. Функционирование слов *бразда* ('борозда') и *бродза* ('удила') в церковнославянских текстах.

В церковнославянских текстах слова *бразда* и *бродза* раскрываются особенно ярко, создавая выразительные и глубокие образы: *Улубила еси бразду твоего ума болезнми воздержания* (Канон преподобной Евфросинии Суздальской); *Всел еси на ангелы, якоже на кони, Человеколюбче, приял еси рукою Твоею бродзы их...* (Минея общая. Служба святым ангелам). Существительное *бродза* обычно формирует образ сдерживающего начала в человеке: *...бродзами и уздою челюсти их востягнеши* (Пс. 31, 9). В соответствии с этим в церковнославянских текстах данная лексема входит в состав устойчивого выражения *бродза (бродзы) воздержания* обычно в контексте противостояния плотского и духовного в человеке: *... Тело бо неудобопокоривое воздержания бродзами яве низложи* (Минея. Ноябрь. Преподобнаго отца нашего Варлаама Новгородскаго).

Слова *бразда* ('борозда') и *бразда* ('удила') < *бродза* являются древнейшими образованиями. Данные единицы показывают устойчивость в лексической системе русского литературного и церковнославянского языка: они используются в текстах различных жанров и входят в состав устойчивых выражений, противопоставленность которых очевидна и закономерна: *бразды правления* — о светской власти, *бразды воздержания* — о духовном подвиге.

Литература

САР — Словарь Академии Российской. Санктпетербург: При Имп. Акад. наук, 1789–1794. Ч. 1. С. 312, 342.

Трубачев О. Н. (ред.) — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Сост. О. Н. Трубачев и др.; под. ред. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева; АН СССР. Ин-т рус. яз. Москва: Наука, 1975. Вып. 2. С. 220. Вып. 3. С. 62.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 8-е изд., стереотип. М.: Рус.яз.: Медиа, 2007. Т. 1. С. 104.

Шведова (отв. ред.) — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. С. 58.

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ НЮАНСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ БОЛГАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ

Сивенкова Наталья Владимировна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: фразеология и паремиология; компаративистика; реалии («непереводимое в переводе»); лингвострановедение; болгарский язык.

Современные исследователи отмечают, что массивы фразеологических единиц (ФЕ) в славянских языках на данном этапе достаточно хорошо обследованы, но все более актуальным становится проведение сопоставительных исследований, и имеет смысл «анализировать фразеологический запас языка в соотношении с его паремиологическим фондом» [Норман 2020: 448]. В то же время изучение ФЕ и паремий все чаще проводится на стыке с другими дисциплинами, например, этнолингвистикой, ономастикой, антропонимикой. Методы, которые при этом оказываются востребованы, многообразны и не сводятся к простой фиксации идиоматики. В их числе сравнительно-исторический, описательный, структурно-семантический, лингвокультурологический методы, приёмы компонентного, функционального, стилистического анализа и др. [Шулежкова 2020: 66]. В СПбГУ сопоставительным и экспериментальным исследованиям болгарских ФЕ и паремий внимание уделяется давно. На занятиях по болгарской лексикологии, фразеологии и страноведению востребованы не только словари, но и, например, «Тетради паремиографа» [Котова 2013].

Исследование, результаты которого отражены в данных тезисах, имело целью несколько обобщить имеющийся материал с оглядкой на необходимость лингвострановедческого комментария при некоторых ФЕ и паремиях. Очевидно, что многие из единиц при объяснении должны сопровождаться комментарием, так как включают в себя реалии (*хоро, хайдутин, бъклица*), наименования реально существующих праздников и лиц, участвующих в обрядах (*Великден, Бъдни вечер, свети Васил, лазарка*). ФЕ и паремии могут содержать и названия для несуществующих «особых» дней, сейчас не привязанных ни к какому из празднований: *куковден, конски великден, видовден* (эти единицы используются для обозначения 'никогда' в ФЕ, выражающих нежелание выполнять просьбу, при этом *куковден* имеет историческую основу, но, вероятно, связан с сербскими традициями, и через приграничные диалекты это слово проникло в основной фонд болгарского языка). В анализируемом материале есть топонимы, антропонимы, указания на национальную принадлежность. Их изучение интересно с точки зрения лингвострановедения и компаративистики. Некоторые из выражений уже устарели и не отражены в современных толковых словарях (присказка «*Щрак, Марийке — на портрет*» зафиксирована в болгарско-русском словаре 1974 г., но не фигурирует в современном наиболее полном толковом словаре, публикуемом Болгарской академией наук). Для некоторых пословиц и поговорок могут быть приведены эквиваленты, например, *Празна Мара (тъпан била)* допустимо переводить как *Мели Емеля, твоя неделя*. Но для других паремий нужна историко-филологическая справка, как в случае с поговоркой *закъсал като Марко на Косово поле*. В таких случаях паремия или ФЕ может стать исходным пунктом для лингвострановедческой дискуссии. Интерес представляют единицы, которые включают в себя псевдоимена (*артисало на Сурчо, та дал на Мърчо, Бай Боен ходил у них*). Особую, хотя и немногочисленную группу составляют идиомы с опорой на прецедентные имена (*як като Боримечка* — по имени персонажа литературного произведения, *Гуро Михайлов* — по имени реально жившего человека, *Крумови закони* — по имени исторического лица) и нарочито построенные по той же модели ФЕ *Генко Гинкин, Марко Тотев, Идеал Петроф*. Есть случаи переосмысления прецедентных имен, например, *именти капели* (по названию фирмы, когда-то существовавшей в Софии «*Шмент и Капели*»). Названия городов и регионов страны и соседних исторических областей зафиксированы в ряде ФЕ и паремий (*българска работа, самоковско злато, влашки циганин, габровско блюдо, софийски братовчед, арбанашко стихъо, кога горел Видин*, и др.). В комментариях нуждаются и ФЕ,

содержащие компонент, обозначающий фольклорный персонаж (*ламя, хала*). В ряде ФЕ есть вариативность (*мека Гана = мека Мара, женски Дойно = женски Пейо*), ощутима рифма (*Койчо от Койнаре с кривото магаре*). При этом, к сожалению, перевод, будучи верным по своей сути, почти всегда лишает рассматриваемые выражения особого колорита. Большой пласт болгарских ФЕ и паремий, отражающих национальную культурную специфику, составляют единицы с компонентом-турцизмом, которые уже достаточно исследованы. Важно отметить, что турцизмы зачастую «способствуют полной идиоматизации ФЕ, которые разрушаются при замене заимствованного компонента» [Стойнова 2007: 105]. Т.е. природа данных ФЕ, сама первооснова метафоры тесно связана с восприятием лексемы как чуждой.

Пристальное внимание исследователей к болгарским ФЕ и паремиям, содержащим реалии, топонимы и антропонимы, может быть полезным для более глубокого компаративистского изучения языковой картины мира. Его результаты могут быть применены в курсах по лингвострановедению, переводоведению, стилистике и иных смежных дисциплинах.

Литература

- Котова М. Ю. Тетради паремиографа. Выпуск 1. Болгарские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума. СПбГУ, 2013. 240 с. (соавторы: А. А. Колпакова, О. В. Раина).
- Норман Б. Ю. Сопоставительная славянская фразеология и паремиология: краеугольные камни и камни преткновения. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020, 17 (3). С. 446–456. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.306> (дата обращения: 26.05.2024).
- Стойнова Н. И. Турцизмы во фразеологизмах болгарского языка // Вестник Дагестанского университета. 2007. Вып. 6. С. 100–105.
- Шулежкова С. Г. Фразеология в контексте смежных наук (от библеизмов к неологизмам) // Humanitarian and pedagogical research. 2020. Vol. 4. No. 4. С. 62–67.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, БОЛГАРСКОГО, ПОЛЬСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Сивенкова Наталья Владимировна

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Абрамкина Александра Сергеевна

магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: антропонимы, фразеология, компаративистика, славянские языки, английский язык, французский язык.

Сопоставительные исследования фразеологии и паремиологии становятся все более актуальными, т. к. лексические фонды языков уже хорошо изучены и описаны, существует много словарей, как толковых, так и двуязычных, что является хорошей базой для изучения имеющегося в них материала с учетом лингвострановедческих и культурологических нюансов. Языковая система любого из существующих языков «резервирует» в лексическом фонде особое место для идиом, паремий и иных сверхсловных сочетаний, содержащих маркеры «свой-чужой», хотя основной их запас отражает универсальные, общечеловеческие представления. Фразеологические единицы (ФЕ) и паремии, содержащие реалии, топонимы, антропонимы, не только демонстрируют возможности естественного языка расширять лексические границы посредством метафорического переноса, но и имеют особый колорит. Они функционально нагружены: маркируют принадлежность к нации, эпохе, социальному классу и т. п. Именно наличие такого колорита делает эти ФЕ порой трудно переводимыми или нуждающимися в пояснениях.

В докладе анализируются некоторые примеры ФЕ с компонентом-антропонимом. Для исследования отбирались зафиксированные словарями единицы из русского, болгарского, польского, английского и французского языков. Авторы не ставили перед собой задачу полной выборки. С точки зрения компаративистики были намечены следующие цели: сопоставление фразеологического материала славянских и неславянских языков; выявление общего фонда ФЕ с антропонимом; выявление общих моделей образования ФЕ с антропонимом; выявление национальных черт и интерпретация этих ФЕ (комментарий). Как правило, ФЕ с антропонимом не имеют переводных эквивалентов и нуждаются в пояснении относительно этимологии или сферы применения.

Ожидаемо, что основной пласт ФЕ с антропонимом во всех европейских языках восходит к библейским именам и сюжетам, либо к античной классике. В данном докладе мы оставляем их за скобками, за некоторыми исключениями. ФЕ *в костюме Евы* практически во всех языках будет построено одинаково (допустима вариативность, напр. *костюм/облекло* в болгарском и т. п.), *поцелуй Иуды* = *целувката на Юда* = *rocałunek Judasza* = *baiser de Judas* = *a Judas kiss* (лишь грамматические нюансы могут быть отмечены). В то же время имена св. Петра, Лазаря, св. Марии и некоторых других были переосмыслены носителями этих языков по-разному. Болг. *преструвам се на дева Мария* сопоставимо с фр. *faire sa Joséphine (Julie)*, т. к. оба они имеют значение «притворяться целомудренной, невинной». Но Лазарь из русск. ФЕ *беден как Лазарь*, *Лазаря неть*, *воскрешение Лазаря*, в польском находит только одно соответствие *jak Łazarz* (изможденный, несчастный). Корень «лазар» в болгарском языке ассоциируется уже с народными празднованиями: *Лазаров ден* (*лазаровден*), *лазарка*. ФЕ *ходя като лазарка* применяется по отношению к женщине, которая слишком часто ходит в гости. Святой Петр фигурирует в болг. *отивам при св.Петър* (русск. *отправиться к праотцам*), что сопоставимо с польскими *rójść*, *pojechać do Abrahama na piwo*, *przenieść się na łono Abrahama*, которые имеют в словаре ту же помету (*шутл.*), хотя святой уже иной. В других ФЕ актуализируется преобразование Савла (русск. *превратиться из Савла в Павла*), святость как таковая (англ. *for Pete's sake* ~ во имя всего святого). Но имя Пьер во фр. ФЕ *Pierre, Paul et Jacques* (простые французы, кто угодно) к святому

Петру уже не имеет отношения. В болгарской пословице *Изгори Павла, та посипи Петра* актуализирована тесная связь двух святых, но не их святость: ПЕ намекает на наличие у кого-то одинаковых недостатков.

Имена святых, данные при крещении, во всех языках утрачивали намек на свое сакральное происхождение, приобретали разговорные уменьшительные формы. Часто во фразеологии фиксируются формы, восходящие к имени *Мария* (русск. *Марья, Маша*, болг. *Мария, Мара*, фр. *Marie*, англ. *Mary*). Но болгарская безотказная *мека Мара* или пустомеля *празна Мара*, французская сплетница *Marie Bon-bes* не замечены в словарях польского и английского языков (где зато есть *Mary Jane* для обозначения марихуаны). Для англоязычной фразеологии очень частотным оказывается имя *Jack*, а для французской *Jean*, сопоставимые с русским *Иваном*, хотя параллелей при этом мало. *Иван-дурак* имеет собратьев: Яся (польск. *Głupi Jaś*), Жана и Жака (*Faire le Jacques* — валять дурака, *Jean farine* — Жан-простак), Джона (англ. *John Trot*) и Саймона (англ. *Simple Simon*). Но все они обладают своим колоритом. Имя *Иван* есть и у болгар, но *дядо Иван* — это символ России, а *нероденият Иванчо/Петко* появляется в ситуации, когда в русском языке используется паремия *Не говори гоп...*, в отличие от английского *неродившегося же Джека* (*Jack in the low cellar*).

В докладе отдельно рассматриваются ФЕ с антропонимом, имеющие прецедентный текст (литературное произведение или предания о реально жившем человеке). Интересна история того, как стали нарицательными англ. *Томми Аткинс* или болг. *Гуро Михайлов*. Легендаризация исторического лица *Королевича Марко* зафиксировала его имя в болгарских паремиях и ФЕ как синоним для очень опоздавшего человека (болг. *като Марко на Косово поле*). Большую группу составляют имена, восходящие к литературным текстам, однако русск. *Акакий Акакиевич, Иудушка Головлев, на Антона и на Онуфрия*, польск. *Marek (Tłuc się jak Marek po piekle)*, болг. *Боримечка (як като Боримечка)* и *Бай Ганьо* (→ *байганьовщина*), фр. *Maître Jacques, Les toutons de Ranurge*, англ. *Jack Horner, a Daniel come to judgement, a Mark Tapley, Joe Miller* могут быть известны начитанным людям, но не опознаваться как идиомы в широких массах.

Во всех упомянутых языках есть модель «два (три, четыре) имени собственных» для подчеркивания «обычности» людей, с вариациями стилистической окраски: ‘обычный человек’, ‘кто попало’, ‘всякий сброд’, ‘встречный и поперечный’ [Суперанская 1973]. Русские *Иванов, Петров, Сидоров* (фамилии) сопоставимы с английскими *Smith, Brown, Jones and Robinson* (фамилии). А фр. *Paul et Jacques* (всякий встречный) ближе по стилистической окраске к болг. *Кюра и Мара* (званный и незванный). Болг. *Гела/Йола, Мара и камшик Тодора* — используется для обозначения неразлучных друзей (ср. русск. *Шерочка с Машерочкой*) или при разговоре о сомнительных людях.

Исследование показало, что сопоставительный метод может применяться для анализа фразеологического материала в различных направлениях: сопоставление этимологических путей вхождения в словарный фонд ФЕ, сопоставление моделей, вариативности компонентов, в синхронии и диахронии, так как некоторые ФЕ занимают промежуточное место, трансформируясь из прецедентных имени и фамилии в одно нарицательное имя (*байганьовщина*). Метафоричность других становится прозрачной при наличии исторического комментария, но без него сверхсловное сочетание кажется идиомой. Некоторые ФЕ имеет смысл рассматривать в параллели с паремиями, которые также заслуживают глубокого изучения.

Литература

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ УВАЖЕНИЯ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Шкапенко Татьяна Михайловна

профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград)

Шаповаленко Евгений Владимирович

старший преподаватель, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград)

Ключевые слова: лексические единицы, выражающие уважение; *poważanie*; *szacunek*; *szanowanie*; *respekt*.

Уважение является универсальной основой продуктивных взаимоотношений в обществе, в связи с чем становится предметом изучения многих гуманитарных дисциплин. В рамках различных философских теорий (Стивен Дарвалл, Джоэль Файнберг, Стивен Хадсон, Робин Диллон) сущность феномена уважения определяется одновременно как чувство (психическое, эмоциональное состояние) или как действие (отношение, выраженное в действии). При любом подходе в структуре феномена уважения предлагается выделять три основных компонента:

- a. Субъект уважения — X — тот, кто испытывает или проявляет уважение, человек;
- b. Объект или адресат уважения — Y — то, на что направлено уважение, может быть как одушевлённым, так и неодушевлённым;
- c. Причина уважения — Z — характеристика Y-а, которая вызывает у X-а чувство уважения.

Сходная интерпретация уважения предлагается в сценарии А. Вежбицкой, согласно которому X уважает Y означает «X w kontakcie z Y czuje to, co zwykle czujemy w kontakcie z kimś, o kim sądzimy, że jest taki, jaki on powinien być» («X в контакте с Y чувствует то, что мы обычно чувствуем в контакте с кем-то, кто, по нашему мнению, является таким, каким он должен быть») [Wierzbicka 1971: 72].

Основными лексическими единицами, обозначающими уважение, в польском языке являются слова *szacunek*, *szanowanie* (*uszanowanie*, *poszanowanie*), *poważanie*, *respekt* (*respektowanie*), имеющие различный генезис и отличающиеся характером функционирования в различных дискурсивных практиках и типах высказываний. Существительное *szacunek* образовано от глагола *szacować*, которое происходит от немецкого *die Schätzung* (оценка) [Brückner 1985: 538]. Его прототипическая семантика находит свое отражение в прямом значении математической оценки неких исчислимых предметов (*szacować koszty* — рассчитывать затраты). В то же время первое значение девербатива *szacunek* описывается словарями польского языка уже как полностью лишенное элемента калькуляции, как отношение к людям или вещам, считающимся ценными или достойными признания.

К. Лисчик описывает данный сдвиг в семантике производного как результат метафорического переноса с «материальной стоимости предмета на абстрактную ценность человека»: «znaczenie, odnoszące się do poważania kogoś, po raz pierwszy odnotowane zostało w SL (z kwalifikatorem Moral.) <...> Można uznać, że nastąpiło tu przeniesienie znaczenia na zasadzie metafory — *szacunek* oznaczał pierwotnie cenę, wartość czegoś, później analogicznie również wartość (moralną) kogoś» [Liszyk 2020: 36]. Однако вполне обоснованными могут представляться и другие когнитивные основания видоизмененного значения: как метонимического переноса с процесса оценки на его результат. Однако при любой интерпретации следует одновременно вести речь о сужении значения исключительно до положительной оценки. Особенностью употребления девербатива является его использование в этикетной формуле *z wyrazami szacunku*, составляющей концовку официальных письменных сообщений.

Следующая широко употребительная лексема со значением уважения — существительное *szanowanie* — является производным от глагола *szanować*, происходит от немецкого *schnepfen* («хорошо обращаться с кем-либо») [Brückner 1985: 540]. Согласно словарным дефинициям, *szanowanie* охватывает больший спектр значений, чем *szacunek*, и включает в себя

уважение-оценку, уважение правил, личных границ и уважение-заботу. При наличии фономорфологически и семантически сходных производных прилагательных *szacowny* и *szanowny*, способы их употребления не совпадают. Согласно данным Национального корпуса польского языка *szacowny* встречается только в рамках повествовательного нарратива (*Tuż za nimi szacowny staruszeczek, siwiuteńki jak gołąbek*), однако не может быть использовано в этикетном обращении, где эта роль принадлежит только прилагательному *szanowny* (*Szanowny Panie, Szanowni Państwo* и т. п.).

Существительное *poważanie* от глагола *poważać*, родственное с существительным «waga» (вес), от немецкого «Wage» («весы»), «wägen», «wiegen» («взвешивать») [Brückner 1985: 598], также в своей внутренней форме отражает процесс параметрической оценки, «взвешивания», достоин ли некий объект уважительного к нему отношения. Особенностью использования является его включение в этикетную формулу *Z poważaniem*, при низкой частотности его употребления в форме глагола. Существительное *respekt*, образованное от латинского существительного «*respectus*» («взгляд назад; точка зрения») или глагола «*re-spicere*» («смотреть назад, оглядываться») [Bańkowski 2014: 51–52], согласно словарным дефинициям, имеет особый семантический оттенок, именуя уважение, связанное с чувством страха, предвидения какой-либо опасности (*Ten gruby jegomość budził respekt*); соответственно не используется в этикетных формулах.

Отличительной особенностью современного этапа языкового развития лексических средств со значением уважения является их обогащение за счет появления дериватов в польском молодежном сленге. В настоящее время к ним относятся диминутивные или аугментативные производные от общеупотребительных существительных *szacunek* и *uszanowanie*: *szacun*, *szacuneczek*, *uszanowanko*, сопоставимое с русским *респект* и *уважуха*, а также адаптированное заимствование из английского языка *propsy* — от *proper respect*. Особенностями их использования является их участие в устных репликах, выражающих неофициальную оценку-комментарий.

Литература

- Bańkowski A. Etymologiczny słownik języka polskiego. T. 3. Częstochowa: Linguard, 2014. 369 s.
- Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985. 805 s.
- Liszyk K. Szacun, szacuneczek, uszanowanko! O derywatach wyrażających szacunek // Poradnik Językowy. 2020. № 7. S. 35–48.
- Wierzbicka A. Kocha, lubi, szanuje. Medytacje semantyczne, Warszawa: Wiedza Powszechna, 1971. 279 s.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ «ПРЕПОДАВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В УНИВЕРСИТЕТАХ»

УКРАИНИСТИКА НА КАФЕДРЕ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ СПбГУ

Мокиенко Валерий Михайлович

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Мушчинская Виктория Владиславовна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Тоичкина Александра Витальевна

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: украинистика; кафедра славянской филологии СПбГУ; компаративистика.

В 1835 г. по Уставу Петербургского университета была создана кафедра истории и литературы славянских наречий. Задачами кафедры было изучение языков, диалектов, этнографии, истории, литературы и палеографии зарубежных славянских народов. В преподавании и исследованиях преобладал исторический подход к языку.

С 1944 г. основным направлением в работе кафедры стало изучение современных славянских языков, литератур и культур, овладение живыми языками, теорией, критикой и практикой перевода. Это направление формировалось в ходе деятельности таких выдающихся славистов, как акад. Н. С. Державин, профессора Э. А. Якубинская-Лемберг, Б. А. Ларин, Ю. С. Маслов, П. А. Дмитриев, Г. И. Сафронов и др.

В 50-е годы украинский язык преподавался в качестве обязательного на первом и втором курсах отделения «русский язык и литература». Студенты-русисты должны были изучать один восточнославянский, один южнославянский и один западнославянский язык. Основной целью эти занятия было изучение языка как системы. Рассматривались следующие аспекты: место украинского языка среди других славянских языков, вопросы истории и грамматики украинского языка в сопоставлении с русским, чтение и перевод.

В 60-е годы украинский язык изучался студентами-славистами первого курса. В основном это были практические занятия, на которых читались, переводились художественные тексты, и при этом определенное внимание уделялось грамматике.

Возрождение украинистики в начале 90-х г. на филологическом факультете СПбГУ опиралось на старые традиции. Многие университетские профессора основательно и серьезно занимались украинской филологией. Так, например, в работах А. А. Шахматова, как и многих других специалистов в области исторической грамматики и истории восточнославянских языков, украинские материалы занимают немалое место. Трудно переоценить тот вклад, который внес в украинское языкознание Б. А. Ларин, т. к. украинистика всегда находилась в круге его интересов. Нельзя не отметить работы, связанные с украинистикой, профессора нашей кафедры В. М. Мокиенко.

С 1993 года украинский язык преподается на кафедре славянской филологии. Его изучали студенты дневного, вечернего и заочного отделений специальности «Русский язык и литература».

С 2001 г. по 2009 г. украинский язык изучали студенты-слависты чешского, словацкого, польского и сербского отделений в качестве второго славянского языка, у которых основной специальностью был западный или южный славянский язык.

В 2001 году по инициативе проф. В. М. Мокиенко и при поддержке ректора СПбГУ проф. Л. А. Вербицкой, выделившей 3 преподавательских ставки, на кафедре славянской филологии было открыто отделение украинистики.

С 2009–2010 учебного года на кафедре славянской филологии стали открываться отделения бакалавриата по комбинированным специальностям «Лингвистика: иностранные языки: славянские языки: украинский язык, немецкий язык», «Лингвистика: иностранные языки: славянские языки: украинский язык, английский язык». Особенность комбинированных отделений заключается в том, что студенты получали знания и компетенции, в равном объеме, как украинского языка, так и западноевропейского.

Преподавателями кафедры славянской филологии были разработаны как базовые программы, такие как «Страноведение Украины», «История литературы Украины» («Энеида» И. П. Котляревского в истории украинской литературы, 2015; Тоичкина А. В. Античные источники в творчестве Т. Г. Шевченко. 2017), «Украинский язык» (Мущинская В. В. Упражнения по грамматике украинского языка: Имена. 2010; Мущинская В. В. Украинская грамматика в таблицах и схемах, 2014. Архангельская А. М., Левченко Е. П., Мокиенко В. М. Украинский язык: Учебное пособие по развитию речи. 2013), «Введение в специальность», «История украинского языка», «Теоретическая грамматика украинского языка», «Лексикология украинского языка» (В. В. Мущинская), так и программы элективов, такие как «Крылатые выражения Библии в украинском языке», «Украинская паремиология в современном контексте» (В. М. Мокиенко), «Сравнительная грамматика украинского и английского языков», «Сравнительная грамматика украинского и немецкого языков» (В. В. Мущинская), «Энеида» И. П. Котляревского: эволюция жанра трагедии в истории европейской литературы» (А. В. Тоичкина) и др.

Украинский язык изучается и в магистратуре по основной образовательной программе «Славянские языки и литературы». Были разработаны учебные программы: следующих курсов: «Украинский язык», «Проблемы морфологии и синтаксиса украинского языка», украинская часть курсов «Славяно-британские межкультурные связи», «Славяно-германские межкультурные связи» (В. В. Мущинская), «Введение в украинистику», «Украинская фразеология» (В. М. Мокиенко), «Вопросы художественного перевода украинского языка», «Межславянские литературные связи» (А. В. Тоичкина) и др. Магистранты программы «Русский язык» по выбору изучают украинский язык.

Курсовые и выпускные квалификационные работы студенты бакалавриата пишут в контексте современной компаративистики. Магистранты, изучающие украинский язык, выбирают темы, связанные либо только с украинским материалом, либо работы сопоставительного характера.

На кафедре славянской филологии реализован грант РФФИ «Электронный словарь современных активных восточнославянских пословиц» (М. Ю. Котова, Н. Е. Боева, В. В. Мущинская и др.), который представляет собой русско-белорусские и русско-украинские пословичные параллели, имеющие активное употребление в настоящее время.

Преподаватели украинского языка и студенты кафедры, изучающие украинский язык, принимают активное участие в конференциях.

Таким образом, кафедра славянской филологии СПбГУ не только продолжает традиции, заложенные при основании кафедры, но и развивает их.

ГОТОВИМ БОЛГАРИСТОВ-ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Тимонина Елена Васильевна

старший преподаватель, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Ключевые слова: теоретическая грамматика болгарского языка; сопоставительные исследования; научная работа студентов.

Подготовка студентов-болгаристов славянского отделения филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова многоаспектна, что дает студентам возможность реализовываться в самых разных сферах деятельности, в том числе в исследовательской работе. Как уже на первых курсах бакалавриата показать студентам увлекательность того, что сухо называется «научная работа»? Это отчасти понимают/ощущают те наши студенты, которые до поступления на славянское отделение занимались в Школе юного филолога (ШЮФ) при филологическом факультете (<https://www.philol.msu.ru/~school/about/>) или в Школе славистики (<https://slav-school.philol.msu.ru>), организованной по инициативе и усилиями профессора кафедры славянской филологии д. ф. н. Е. И. Якушкиной. На 2-ом и 3-ем курсах бакалавриата студенты пишут курсовые работы, выступают с докладами на ежегодно проводимой секции «Филология» Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (например, в 2024 году https://lomonosov-msu.ru/rus/event/schedule/1599?event_schedule_filter%5B-section%5D=32358#page-title). Лучшие доклады публикуются, и это несомненный стимул для дальнейшей научной работы студентов. Но обычно темы курсовых работ предлагаются преподавателями, и не так уж часто студенты приходят со своими собственными идеями.

На 2-ом курсе бакалавриата студенты-болгаристы славянского отделения слушают курс «Теоретическая грамматика современного болгарского языка». Весьма непростой для них курс, поскольку только годом ранее они начинают учить болгарский язык «с нуля» и к началу 2-го курса не имеют еще полного представления, например, о временной системе болгарского языка.

Однако в рамках сложного теоретического курса вполне возможно не просто дать студентам необходимую информацию, но и «подтолкнуть» их к исследовательской работе, показав то, что в XXI веке видится важным/интересным/спорным исследователям современного болгарского языка.

Особенно стимулирующими к дальнейшей самостоятельной научной работе для студентов оказываются исследования, рассматривающие грамматические явления болгарского языка в сопоставлении с русским языком, на фоне языков балканского языкового союза, в сопоставлении с другими европейскими языками. Как пример таких работ можно упомянуть несколько публикаций, в которых исследуется категория «эвиденциальности» в болгарском языке: доклад Кр. Алексовой «Эвиденциальная система болгарского языка» на LI Международной научной филологической конференции им. Л. А. Вербицкой (2023) [Алексова], работа П. Асеновой и Х. Марку «К проблеме эвиденциальности в языках балканского языкового союза» (2020), исследование М. М. Макарецва «Эвиденциальность в пространстве балканского текста» (2013) вызывают у студентов стремление глубже погрузиться в изучение данной категории. И всегда производит сильное впечатление сопоставление с русским языком: например, статья Е. В. Падучевой «Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность?» (2013) [Падучева], сравнение материала работ Кр. Алексовой «Адмиративът в българската разговорна реч» (2021) и В. С. Храковского «Адмиратив в русском языке» (2005). Конечно, сопоставление с русским языком дается студентам легче, чем сопоставление с материалами языков балканского языкового союза, которыми они не владеют (к сожалению, не для каждой группы удастся организовать изучение новогреческого языка). Однако часто студенты начинают самостоятельно изучать новогреческий именно для того, чтобы расширить свои возможности в изучении балканского языкового союза.

Привлекает студентов и сопоставление грамматических явлений в болгарском языке и в знакомых им европейских языках, которое они видят, например, в работах Е. Ю. Ивановой

и В. А. Лазаревой, посвященных категории «определенность/неопределенность»: «Неопределенный артикль в болгарском и итальянском языках: функционально-семантические параллели» [Иванова, Лазарева 2018]. и «Неопределенный артикль при имени собственном в болгарском и итальянском языках: нетривиальность и интерпретационный потенциал» [Иванова, Лазарева 2019]. Отметим, что к началу курса «Теоретическая грамматика болгарского языка» студенты-болгаристы в течение 2-х семестров изучают итальянский язык как основной иностранный (западноевропейский) язык.

Интерес к сопоставлению побуждает студентов сделать еще один важный шаг: анализировать концепцию, подходы, методы языкового сопоставления.

Литература

Алексова К. Эвиденциальная система болгарского языка. [Электронный ресурс] URL: <https://conference-spbu.ru/en/conference/50/reports/17102/> (дата обращения: 26.05.2024).

Падучева Е. В. Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность? [Электронный ресурс] URL: <https://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2013-2/9-29> (дата обращения: 26.05.2024).

Иванова Е. Ю., Лазарева В. А. Неопределенный артикль в болгарском и итальянском языках: функционально-семантические параллели. 2018. [Электронный ресурс] URL: https://www.slav.uni-sofia.bg/images/stories/documents/E.Ivanova_V.Lazareva.pdf (дата обращения: 26.05.2024).

Иванова Е. Ю., Лазарева В. А. Неопределённый артикль при имени собственном в болгарском и итальянском языках: нетривиальность и интерпретационный потенциал. 2019. [Электронный ресурс] URL: https://www.slav.uni-sofia.bg/images/stories/documents/V_Lazareva_E_Ivanova_19.pdf (дата обращения: 26.05.2024).